

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Отделение Российского исторического общества в Республике Коми

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (30)

Сыктывкар, 2022

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2022. № 2 (30).

HISTORICAL DEMOGRAPHY. Science magazine. 2022. № 2 (30).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), Н.М. Игнатова (зам. главного редактора, Сыктывкар) В.А. Исупов (зам. главного редактора, Санкт-Петербург), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Санкт-Петербург), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Т.С. Садыков (Астана), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар),
Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2022

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Вишнякова Д.В. (Сыктывкар). Распространение натуральной оспы в Коми крае: заболеваемость, смертность и методы борьбы (середина XIX – начало XX в.)	4
Кропачев С.А. (Москва). Демографическое развитие российских этносов в 1920-е гг.	10
Лыткина У.В. (Сыктывкар). Демографические изменения Коми края в годы индустриализации	23
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Трудпоселки и спецпоселки в Коми АССР в начале 1940-х гг. по данным дислокации	32
Попов А.А. (Сыктывкар). Влияние расселенческих факторов на социально-культурное положение территориальной общности «село, деревня» в регионах Европейского Севера России (1950–1980-е гг.).....	43

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Обедков А.П. (Сыктывкар). Тенденции изменения численности и структуры населения города Сыктывкара в постсоветский период	50
Миляева Т.В. (Сыктывкар). Психическое здоровье в период постковида и репродуктивное поведение населения	61
Теребихин В.М. (Сыктывкар). Современные угрозы и вызовы демосоциальной безопасности северного региона как каузальные основания проектирования и реализации концепции социогуманитарного преобразования (на примере Республики Коми)	65

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Садыков Т.С., Ильясова Г.С. (Астана, Казахстан). О формировании историко-демографической школы в Республике Казахстан	74
Силин В.И. (Сыктывкар). Коми край в статистических и отраслевых Российских атласах второй половины XIX в.	79
Рошевская Л.П. (Сыктывкар). Документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН по истории колонизационных экспедиций Наркомзема в Автономную область Коми в 1920-х гг.	85

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Жеребцов Л.Н. Вопросы этнической истории. Из научного отчета об итогах этнографической экспедиции 1962 г. в Троицко-Печорский и Печорский районы Коми АССР. (Публикация И.Л. Жеребцова , Л.Я.Каневой (Сыктывкар))	91
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография»	99

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК: 616.912-085.371 (091)

*Д.В. Вишнякова**

Распространение натуральной оспы в Коми крае: заболеваемость, смертность и методы борьбы (середина XIX – начало XX в.)**

В статье рассматривается история распространения натуральной оспы в Коми крае. Выявляются народные представления о болезни, методы борьбы и профилактики.

Ключевые слова: оспа, оспопрививание, Коми край, история медицины

D.V. Vishnyakova

The spread of smallpox in the Komi Region: morbidity, mortality and methods of control (mid. XIX – early XX century)

The article discusses the history of the spread of smallpox in the Komi region. Folk ideas about the disease, methods of control and prevention are revealed.

Keywords: smallpox, smallpox vaccination, Komi Region, history of medicine

Изучение истории отдельных болезней представляет интерес и с точки зрения истории, и с демографической и этнографической сторон рассмотрения. Целью нашего небольшого исследования является изучение истории распространения натуральной оспы в Коми крае. Анализ данной проблемы позволяет осветить взаимосвязь между традиционными народными представлениями, образом жизни, заболеваемостью и смертностью населения. Исследование основывается на междисциплинарном научном подходе, что позволяет рассматривать изучаемый вопрос в проблемном поле и истории медицины, и исторической антропологии, и этнодемографии.

Основным материалом для исследования послужили архивные данные, включающие в себя депеши органов власти, отчёты, прошения и донесения Врачебной управы и уездных врачей. Также были привлечены отчеты земской управы, издания обзоров губерний. Основная проблема в изучении динамики заболеваемости населения заключается в ограниченном круге тех источников, которые содержат материал о количестве заболевших и умерших от болезней, распространенных в крае. Данные о заболеваемости и смертности населения в указанных источниках отражают эпидемическую ситуацию, сложившуюся в изучаемый период неполно, так как фиксировалась лишь небольшая часть заболевших и обратившихся за врачебной помощью людей. Но несмотря на то, что

* **Вишнякова Дарья Викторовна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

привлекаемые материалы не дают представления об абсолютном числе заболевших, в целом они позволяют судить об общей динамике и тенденциях развития болезней.

Одной из самых опасных и высоклетальных болезней считалась натуральная оспа (лат. Variola, Variola vera) или, как ее еще называли ранее, черная оспа — высокозаразная вирусная инфекция. Натуральная оспа была известна людям с древнейших времен. В качестве специфической профилактики заболевания народами Африки, Азии, Кавказа применялись различные модификации вариоляции. Вариоляция – искусственное заражение оспой в надежде вызвать у человека легкое заболевание и сделать его невосприимчивым к тяжелой оспе путем нанесения оспенного материала здоровому человеку на слизистые оболочки носа или помещения заразного материала в надрез, сделанный на коже предплечья [1]. С XVIII в. вариоляция распространилась в странах Европы, в том числе и в России. В целом вариоляция как попытка профилактики данного инфекционного заболевания не оказала какого-либо серьезного влияния на снижение интенсивности эпидемий [2]. Новый метод профилактики болезни – вакцинация против оспы – стал возможен благодаря открытию, сделанному английским врачом Э. Дженнером в 1796 г. В первое десятилетие XIX в. большинство стран Европы начали принимать меры по введению вакцинации в качестве государственно одобряемого средства предупреждения оспы. История внедрения вакцинации в первой трети XIX в. показывает, что власти использовали самые разные методы для осуществления своих целей. Чаще всего проводились агитационные кампании. С этой целью использовались дипломированные доктора, сельские хирурги, учителя, духовенство, местные чиновники [3].

В Российской империи меры к массовому распространению вакцинации правительство стало принимать после издания Положений 1804 г. и 1811 г. о повсеместном оспопрививании. В 1811 г. были учреждены во всех губернских, областных и уездных городах оспенные комитеты. Губернские оспенные комитеты подчинялись МВД, а уездные – губернскому комитету. От духовного ведомства в комитеты доставлялись полугодовые ведомости о родившихся младенцах. Распространение оспопрививания было крайне затруднено: члены оспенных комитетов никакого особого жалования не получали, медицинских работников не хватало, а со стороны населения исходило недоверие к новому методу [4]. «Императорское Вольное экономическое общество» включилось в процесс вакцинации с 1824 г., оно рассылало по России оспенную материю, инструменты, заботилось о подготовке оспопрививателей, пропагандировало идею оспопрививания, распространяло инструкции по оспопрививанию. Также распространение вакцинации осуществлялось с помощью разветвленной сети церковных приходов, на духовенство было возложено «пояснение пользы» оспопрививания [5].

Сведения о первых случаях заболевания оспой в Коми крае не были зафиксированы. Можно только предположить, что отдельные эпизоды заболевания оспой вполне могли иметь место после вхождения края в состав Московского государства. Появление оспы в России чаще всего относят к XVI в., однако в Никоновской летописи есть упоминания о том, что на протяжении 1426–1427 гг. сначала в Пскове, затем в Новгороде, Твери, Торжке и других городах прошел мор, во время которого люди покрывались прыщами. Вероятно, это и было первым описанием эпидемии оспы. К этому же периоду относятся и сведения об эпидемиях оспы в Европе [6]. Коми имели различные контакты с автохтонным населением Северо-Западной Сибири (ненцами, хантами, манси), принимали участие в освоении Западной Сибири. Жителям Западной Сибири в XVII в. уже были знакомы эпидемии оспы. Так, в 1610 г. у нарымских ханты появилась оспа, вызвавшая смерть значительной части населения. В 1630–1631 гг. сильнейшая эпидемия оспы поразила ненцев и энцев [7].

У коми отношение к таким инфекционным заболеваниям, как тиф и оспа, было особым. В этнографических работах по народной медицине отмечается, что представление о причинах целого ряда заболеваний у коми было вполне реалистичным. Однако возникновение инфекционных, психических и ряда других болезней связывалось в традиционном мировоззрении с действием сверхъестественных сил, влиянием «инога» мира. По представлениям коми, такие болезни вызываются духами, часто бесплотными, но иногда принимающими материальную форму. В частности, оспу коми-зыряне представляли в виде женщины, которая является во сне и предупреждает о своем приходе. Если ей не сумеют угодить, то, рассердившись, она может испортить лицо или даже забрать заболевшего с собой. Не разрешалось ругать болезнь и даже лечить заболевшего, в таком случае

болезнь «не обидится, погостит и уйдет». И.В. Ильина отмечает, что для коми не была характерна антропоморфизация образов болезней, и допускает возможность заимствования подобных представлений об оспе у соседнего русского населения [8]. Различного рода персонификации болезней повальных болезней имелись в традиционной культуре многих народов. Божества были тесно связаны с архаическим культом Великой Богини-Матери, восходящей к стихии водного пространства и хтонического подземного мира. Впоследствии богиня-мать, приобрела ярко выраженные деструктивные черты, относящиеся к хтонической константе, и стала, помимо всего прочего, властительницей чумы, оспы и других смертельных заболеваний [9].

Антропоморфный образ оспы не получил отражения в наименованиях этой болезни в коми языке. Не зафиксировано также ни одного названия оспы, заимствованного из соседних севернорусских говоров. Исконные номинативные единицы, обозначающие оспу, мотивированы особенностями данного тяжелого заболевания, оставляющего следы на коже, распространяющегося воздушным путем. В названиях оспы также нашло отражение ее восприятие как болезни «от Бога». Вместе с тем в других местностях бытовали комплиментарные имена, даваемые оспе. У некоторых близкородственных коми народов на лингвистическом уровне прослеживается идея задабривания духа оспы. Коми-пермяками для наименования оспы использовалось комплиментарное имя: лексическая единица *майбыр*, основным значением которой в пермских языках является «счастливый, счастливчик» [10]. У удмуртов оспу обозначали словом *чача* – «игрушка, цветочек», которое восходит к общепермской основе *č'ač'a «игрушка» или ласково называли *куно висён* (букв.: гостя-болезнь) [11]. Во многих местностях России болезнь как дорогую, «божью» гостью величали по отчеству: Ивановной, Афанасьевной, Осиповной, употребляли по отношению к ней термины родства: у русских оспа – матушка, у белорусов – тетка [12].

Таким образом в традиционной культуре коми выработалось особое отношение к такой опасной инфекционной болезни, как натуральная оспа: с болезнью не следует бороться, необходимо почитать болезнь, не нарушать определенных запретов, в том числе и запреты на лечение болезни. До начала XIX в. в Коми крае в виду отсутствия профессиональной медицинской помощи заболевшие фактически не подвергались никакому лечению. Не использовались и средства народной медицины, так как существовало особое отношение к данному заболеванию. Начало основных мероприятий, связанных с лечением натуральной оспы, мы можем отнести к середине XIX в.

Главными трудностями в тот период являлись отсутствие соответствующих медицинских кадров, дефицит лечебных средств и неудовлетворительное состояние имевших место больничных учреждений. Медицине в процессе своего становления и развития приходилось преодолевать недоверие со стороны крестьянского населения. Особенно сильное противодействие крестьян проявлялось при проведении профилактических мероприятий, в частности, в оспопрививании. За определенную плату (30–40 руб. в год) медицинские учреждения нанимали специальных оспопрививателей из числа местных жителей, которые осуществляли противоэпидемиологические мероприятия. С введением земских учреждений, помимо специальных оспопрививателей, этим начали заниматься фельдшера и акушерки. Положение к лучшему в оспопрививании изменилось лишь с появлением врачебных и фельдшерских участков на селе. Другой серьезной проблемой, кроме поиска оптимального варианта организации оспопрививания, на протяжении длительного периода времени было плохое качество прививочного материала (как телячьей, так и гуманизированной лимфы). Оно особенно ухудшалось после длительной перевозки. В 80-е гг. XIX в. для оспопрививания в Коми крае постепенно стали использовать более прогрессивный метод – прививки детритом. Детрит выписывался из различных заведений. Он значительно лучше сохранял свои свойства при длительной пересылке [13]. Прививку ставили в руку младенца методом разреза ланцетом, реже – с помощью укола. Эффективность прививки была разной, довольно часто требовалась ревакцинация.

Попытки укрепления доверия крестьян к оспопрививанию далеко не всегда достигали своих целей. Так, на страницах губернской печати отмечалось: «Благодетельность оспопрививания по сие время не понята народом. Почти в каждой деревне крестьянские дети ежегодно мрут от натуральной оспы, и не только в деревнях и не единично, а повально. Родители же этих маленьких страдальцев сторонятся от оспопрививания, как от какого-то несчастья или бедствия» [14].

Еще более затруднительной была работа по оспопрививанию среди старообрядческого населения края. Старообрядцы выступали против оспопрививания, называя прививку от оспы «приложением к руке ребенка печати антихриста». Староверы из религиозных побуждений отказывались от медицинской помощи, лечение у врача и прививки считались страшным грехом. Когда впервые в 1845 г. в Печорский округ были направлены оспопрививатели, жители деревень Покча, Скаляп, Кодач, Митрофан бросили свои дома и вместе с детьми укрылись в лесах. В результате с помощью местных властей удалось привить только 13 детей в с. Троицко-Печорск [15]. Как показало подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, не изменилась ситуация и в начале XX в., старообрядцы все также сторонились профилактических прививок [16].

По отчетам земских врачей жители уездов, в особенности жители Печоры и верховьев Вычегды, всевозможными мерами препятствовали распространению оспопрививания, давали взятки, чтобы откупиться от прививок, замалчивали случаи вспышек натуральной оспы. Процент непривитых детей в разных районах сильно колебался. По сведениям земских врачей, от 10 до 30 % детей оставались непривитыми от натуральной оспы. По случаям появления этого заболевания обычно проводилась ревакцинация. Так, по постановлению врачебного совета 19 января 1894 г. была произведена проверка оспопрививания. Разъездной фельдшер Усть-Куломской больницы объехал и осмотрел поголовно, насколько это было возможно, детей до 12 лет на всем втором врачебном участке. Всех детей в итоге было 6 228 чел. Детям, не имевшим следов оспы, была сделана прививка (417 чел.) [17]. В Усть-Цилемской волости в 1866 г. были привиты 54 новорожденных, не привиты – 147 [18]. Из отчета за 1866 г. пристава 2-го стана Мезенского уезда следовало, что «действия оспопрививателей были неудовлетворительны, так как они по небрежности своей теряли оспенную материю; оспенный комитет вынужден был за таковою обращаться к Врачебному отделению, но присылаемая материя в большинстве случаев оказывалась недействующей» [19]. В мае 1875 г. мезенский уездный исправник рапортовал о неимении в Мохченской волости оспенной материи для привития, и это несмотря на то, что в апреле того же года в волости стали распространяться заболевания натуральной оспой [20]. Успешной борьбе с оспой мешало отсутствие закона о введении обязательного оспопрививания, вопрос этот неоднократно поднимался, но закон был принят лишь в 1914 г.

Тем не менее сильному распространению эпидемии оспы препятствовало то обстоятельство, что население проживало в отдаленных друг от друга селениях. Инфекционные заболевания не получали интенсивного распространения только благодаря малой плотности населения и значительной хозяйственной изоляции.

Таблица 1

*Заболееваемость населения Коми края натуральной оспой
на 10 тыс. жителей (сер. XIX – нач. XX в.)*

Годы	1853	1865	1878	1890	1905
Случаи оспы	14,3	13,3	10,5	12	11,9

Подсчитано по: Држевецкий А.И. Медико-топография Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии: дис. на степень д-ра медицины. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 82; Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). – 1879. – № 68. – С. 2; ВГВ. – 1890. – № 24. – С. 3; Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. – Вологда, 1905. – Вып. 5. – С. 1.

Анализ данных таб. 1 показывает процесс постепенного снижения заболеваемости натуральной оспой. Возможно, в этом сыграли роль развитие земской медицины, активное проведение карантинных мероприятий, а также усиливавшаяся вакцинация населения. Сокращение заболеваемости от инфекций положительно сказалось и на смертности населения. Летальных исходов от некоторых заразных болезней со временем становилось меньше (табл. 2).

*Смертность населения Коми края от натуральной оспы,
на 100 заболевших (сер. XIX – нач. XX в.)*

Годы	1853–1869	1876–1878	1890–1895	1907–1910
Умерших	22,7	22,3	11,3	10

Подсчитано по: Држевецкий А.И. Медико-топография Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии: дис. на степень д-ра медицины. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 82; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, XXIII очередной сессии с приложениями 1892 года. – Вологда, 1893. – 166 с.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, XXIV очередной сессии с приложениями 1893 г. – Вологда, 1894. – 150 с.; ВГВ. – 1890. – № 24. – С. 3; ГААО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 208. Л. 260; ГААО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 332. Л. 30; ГААО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 344. Л. 139; НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1277. Л. 143; НАРК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1817. Л. 153; НАРК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 125. Л. 22.

Значительная часть младенцев к началу XX в. все же уже подвергалась вакцинации. В связи с этим смертность от натуральной оспы с середины XIX по начало XX в. снизилась в два раза. Для сравнения мы также можем привести наши подсчеты смертности от натуральной оспы среди жителей Вологодской и Архангельской губерний и Европейской России в целом в 1882 г. [21]. По Вологодской губернии в 1882 г. на сто заболевших пришлось 23,2 умерших от натуральной оспы, по Архангельской губернии – 24,3, по Европейской России – 23,9.

В целом можно заключить, что несмотря на устойчивое бытование практики среди крестьянства Коми края невмешательства в ход болезни, связанной с традиционными народными представлениями об оспе, заболеваемость и смертность от оспы постепенно снижались, благодаря мерам, предпринимаемым властями, земствами и медицинскими учреждениями.

Источники и литература

1. Боровикова З.В. Оспа и вакцинация: исторический аспект / З.В. Боровикова // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2021. – Т. 2. – № 4. – С. 20.
2. Кошелева А.И. Из истории эпидемий натуральной оспы / А.И. Кошелева, В.А. Мишин, В.П. Павлушина // Science Time. – 2021. – Вып. № 12 – С. 27.
3. Михель Д. Оспа в контексте истории / Д. Михель // Логос. – 2007. – № 6 (63). – С. 17–40.
4. Васильев К.Г. История эпидемий в России / Васильев К.Г., Сегал А.Е. – Москва, 1960. – С. 283.
5. Голикова С.В. Оспа хорошая и плохая: эволюция народных представлений о персонификации болезни на Урале в XIX – начале XX в. / С.В. Голикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 3 (58). – С. 149.
6. Константин К.Н. По следам минувших эпидемий / К.Н. Константин, Т.И. Грекова. – Ленинград, 1986. – С. 58.
7. Бытраков Д.А. Распространение эпидемий и голода среди коренного населения Сибири в XIX — начале XX в. / Д.А. Бытраков // Молодой ученый. – 2019. – № 47 (285). – С. 427–430. – URL: <https://moluch.ru/archive/285/64243/> (дата обращения: 06.12.2022).
8. Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока / И.В. Ильина. – Сыктывкар, 2008. – С. 67–69.
9. Тадевосян Т.В. Божества чумы, оспы, холеры и дева Мария // Семантические параллели фольклорных архетипов: мифологический аспект / Т.В. Тадевосян. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2014. – С. 36–45.
10. Айбабина Е.А. Некоторые особенности номинации болезней в диалектах коми языка / Е.А. Айбабина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 19.
11. Панина Т.И. Оспа в традиционных представлениях удмуртов / Т.И. Панина // Вестник угроведения. – 2016. – № 3 (26). – С. 164–173.
12. Голикова С.В. Оспа хорошая и плохая: эволюция народных представлений о персонификации болезни на Урале в XIX – начале XX в. / С.В. Голикова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 3 (58). – С. 153.
13. Вайровская С.В. Земство Коми края (1869–1918 гг.) / С.В. Вайровская. – Сыктывкар, 2001. – С. 97.
14. Вологодские губернские ведомости. – 1880. – № 7. – С. 4.

15. Гагарин Ю.В. Старообрядцы / Ю.В. Гагарин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. – С. 40.
16. Печорский край. Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда, произведенное доктором С.В. Мартыновым. – Санкт-Петербург, 1905. – Ч. 2. – С. 165.
17. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, XXVI-й очередной сессии 1895 года, и чрезвычайной сессии 15-го июля 1895 года: с приложениями. – Вологда: Тип. Вологодского Губерн. правл., 1896. – Ч. 3. – С. 49–50.
18. ГААО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 208. Л. 75.
19. ГААО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 208. Л. 42об.
20. ГААО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 344. Л. 26.
21. Статистический временник Российской империи: Сер. III. Вып. 8: Сборник сведений по Европейской России за 1883 г. – Санкт-Петербург: ЦСК МВД, 1886. – С. 78–79.

С.А. Кропачев*

Демографическое развитие российских этносов в 1920-е гг.

Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и племенных групп в РСФСР в 1920-е гг. Рассматриваются вопросы перехода страны к мирной жизни после окончания гражданской войны и то, как это повлияло на динамику народонаселения. Автор рассматривает особенности административно-территориального деления России и динамику развития почти 200 этносов, существовавших тогда в стране. Анализируются вопросы продолжительности жизни, смертности, семейно-брачных отношений, грамотности и верований различных этносов. Подчеркиваются консервация традиционных укладов жизни народов и сохранение укоренившихся типов воспроизводства населения в условиях смягчения экзогенных факторов.

Ключевые слова: демография, этносы, Россия, РСФСР, 1920-е гг., административно-территориальное деление

S.A. Kropachev

Demographic development of Russian ethnic groups in the 1920s

The article analyzes the demographic development of Nations, nationalities and tribal groups in the RSFSR in the 1920s. The article deals with the country's transition to peaceful life after the end of the civil war and how this affected the population dynamics. The author examines the features of the administrative-territorial division of Russia and the dynamics of the development of almost 200 ethnic groups that existed in the country at that time. The questions of life expectancy, mortality, family and marriage relations, literacy and beliefs of various ethnic groups are analyzed. The preservation of traditional ways of life of peoples and the preservation of entrenched types of population reproduction in the conditions of mitigation of exogenous factors is emphasized.

Key word: demographics, ethnic groups, Russia, RSFSR, 1920s, administrative division

Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и племенных групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг. Хронологические рамки статьи охватывают период с конца 1920 г., когда закончился основной период гражданской войны** [1], до 1929 г., названного Сталиным «годом великого перелома». В 1920-е гг. власть вынуждена была отказаться от губительной политики «военного коммунизма» и перейти к более лояльной по отношению к народу новой экономической политике. Серьезные авторы называют этот короткий период «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии [2]. Согласимся с этими оценками с оговорками. Во-первых, не все демографические проблемы предыдущего кризисного периода (1914–1921 гг.) были преодолены.

* **Кропачев Сергей Александрович** (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, igiran@mail.ru

** Как известно, осенью 1920 г. гражданская война закончилась, большинство ее фронтов было ликвидировано. Начался медленный переход к мирной жизни, который прерывался в 1921 г. многочисленными мятежами на Тамбовщине, в Сибири, на Северном Кавказе, Украине и других местах. В ноябре 1922 г. в состав РСФСР вошла Дальне-Восточная республика (ДВР), завершился длительный период войны с белым движением и японскими интервентами, а борьба с басмачеством в Средней Азии продолжилась до начала 1930-х гг.

Во-вторых, страшный голод, разразившийся в 1921–1922 гг. в Поволжье, Северном Кавказе, юге Украины, Казахстане унес миллионы человеческих жизней* [3].

Тем не менее страна возрождалась. Этому способствовала демобилизация Красной Армии. Численность личного состава Вооруженных Сил РСФСР за вторую половину 1921 г. сократилась на 650 тыс. чел. [4]. Это были мужчины в активном, репродуктивном возрасте. Воссоединение семей, а также восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков, привели к повышению уровня рождаемости [5]. С 1923 по 1928 г. в СССР (прежде всего, в сельской местности** [6]) общий коэффициент деторождения был очень высоким и варьировался от 45,3 до 49 % [7]. По утверждению В.А. Исупова, «в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» [8].

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой, Гражданской войн, интервенции, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Всё это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни в СССР.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии*** и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны**** [10; 11]. Однако острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни в середине – второй половине 1920-х гг. продолжали оставаться повседневным явлением [12].

В связи с улучшением внешних факторов, в значительной степени влиявших на демографические процессы, в стране сократилась смертность. Общий коэффициент смертности населения СССР составлял во второй половине 1920-х – 1930 гг. от 25 до 27 %, что было меньше не только по отношению к периоду Гражданской войны, но и благополучному довоенному 1913 г. [13]. В Российской империи очень высокой была младенческая смертность. В 1913 на первом году жизни умирало 269 из каждой тысячи родившихся [14]. За весьма короткий срок в СССР добились резкого снижения детской смертности, что говорит о позитивных социальных изменениях в стране и успехах советского здравоохранения. Если в 1920 г. в СССР из каждой тысячи новорожденных умер, не дожив до года, 251 младенец, то в 1923 г. – 229, в 1926 г. – 197, в 1927–1928 гг. – 182 новорожденных. Таким образом, за 1920–1928 гг. коэффициент младенческой смертности в Советском Союзе уменьшился на 27,5 % [15]. В России в эти годы показатели детской смертности были выше общесоюзного. Так, в 1930 г. в РСФСР умирали 227 младенцев на 1000 родившихся [16]. Но в целом успехи в борьбе с детской смертностью в первые десять лет после окончания Гражданской войны были весьма внушительными.

* В 1922 г. голод достиг своей высшей точки в пределах бывшей Российской империи или будущего СССР. Число голодавших доходило до 30 млн. чел. Амплитуда оценок погибших от голода колеблется от 1 млн. (что маловероятно при десятках миллионов голодавших) до 5 млн. чел. Последнюю цифру многие историки и демографы считают завышенной.

** По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в сельской местности проживало 82,1 % жителей страны.

*** Пандемия – термин, который, к сожалению, спустя сто лет, снова вошел в наш лексикон.

**** В 1918–1922 гг. в стране от пандемии испанского гриппа (в народе говорили «спанка»), сыпного («сыпняк»), возвратного и брюшного тифа, дизентерии, малярии и других острых инфекционных болезней погибло от 5 до 7 млн. чел. Исследователь С. Адамец в работе, вышедшей в Париже, в 2003 г., отмечает, что «за 1918–1922 годы двенадцать эпидемических и паразитарных болезней (сыпной тиф, брюшной тиф, возвратный тиф, неопределенный тиф, оспа, дифтерия, холера, малярия, дизентерия, корь, скарлатина и коклюш) обусловили около 9 млн. смертей, в том числе почти 4 млн. от сыпного тифа, около 1,5 млн. – от других видов тифа, 2,5 млн. – от малярии, более полумиллиона – от дизентерии». Удивительно, но признанные авторы (Е.З. Волков, В.А. Исупов, С. Адамец и др.) в своих выводах не приводят статистику смертности в 1918 г. от испанского гриппа.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения СССР и России, в том числе сокращение детской смертности, привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 1920 г. в России она в среднем составляла (у мужчин и женщин) 20,5 лет, то в 1926–1927 гг. – 37,5 лет [17]. Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы* [18], но за неполных десять лет произошел серьезный скачок. Глобальным следствием позитивных изменений в СССР стал естественный прирост населения. В годы нэпа (1923–1928 гг.) коэффициент естественного прироста населения Советского Союза составлял от 17,9 до 21,4 %. Ежегодно население страны в этот период увеличивалось в среднем на 3 млн. чел. [19]. К сожалению, 1920-е гг. стали коротким периодом относительной демографической стабильности, который скоро сменился глубоким кризисом 1930–1940-х гг. и снижением основных характеристик народонаселения.

Демографическое благополучнее 1920-х гг. по-разному повлияло на жизнь, быт, уклад, поведение и здоровье народов, населявших РСФСР. В 1926 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения, которая, по мнению большинства специалистов, стала лучшей в советское время. Согласно переписи на конец 1926 г. в СССР проживало 146 989 460 чел., в самой крупной союзной республике – РСФСР – соответственно 100 857 985 чел. [20]. В Российскую Федерацию входило 11 автономных советских социалистических республик: Карельская, Башкирская, Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Крымская, Дагестанская, Казахская**, Киргизская, Бурят-Монгольская и Якутская. В нее также входило 13 автономных областей: Коми (Зырянская), Вотская (переименованная позднее в Удмуртскую АССР), Марийская, Калмыцкая, Адыгейско-Черкесская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская, Ойратская*** и Кара-Калпакская область (входившая в состав Казахской АССР).

В РСФСР также входили три края – Дальне-Восточный (с о. Сахалин и полуостровом Камчатка), Сибирский и Северо-Кавказский, а также Уральская область, делившиеся на округа в качестве административных единиц (Хакассия входила в Сибирский край в качестве округа, а не автономной области как, например, Горно-Алтайская) [21]. Кроме того, в состав краев входили автономные области, а на Северном Кавказе и автономные города (Владикавказ и Грозный) [22]. В Российской Федерации насчитывалось 32 губернии (будущие области).

Мы видим пеструю картину административно-территориального деления России в середине 1920-х гг. Такой же разнообразной была этническая карта республики. Для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Комиссией по изучению племенного состава населения Академии наук СССР был составлен «Перечень и словарь народностей», на основе которого анализировались данные переписи о народностях и языках [23]. В «Перечне...» все этнические группы, входившие в состав наций и народностей, учитывались как самостоятельные, даже если насчитывали сотни или десятки человек. В дальнейших переписях 1937 и 1939 гг. были взяты за основу крупные нации и народности, поэтому число этнических групп в них меньше примерно в два раза, чем в 1926 г. (Так, в «Словаре народностей» 1937 г. к грузинам присоединены сваны и ментрелы, к татарам – бухарцы и кряшены; к узбекам – ферганские тюрки и курама; к якутам – долганы; к армянам – хемшины; ойроты объединили в себе собственно ойротов, алтайцев, черных (черневых) татар, телеутов, талышей) [24].

В перечне народностей 1926 г. (вышел отдельной брошюрой в 1927 г.) было указано 187 этнических единиц, семь из которых переписью не были зарегистрированы [25]. Важным требованием

* Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Россией и развитыми странами, такими как США, Франция, Швеция, Япония, в XX в. всегда был значительным. Так, в 1938–1939 гг., по официальным оценкам, возможно завышенным, ожидаемая продолжительность жизни в России составила в среднем 43 года (40 лет у мужчин и 46 лет у женщин). В те же годы во Франции она достигла 59 лет, а в США превысила 63 года.

** В документах тех лет встречается написание Казакская АССР. С 1925 г. утвердилось наименование «казахи», но часто написание было неточным – «казаки». Правильная транскрипция укоренилась в 1930-е гг.

*** Иное написание – Ойротская (Горно-Алтайская) автономная область.

переписи было положение, по которому опрашиваемый самостоятельно определял свою принадлежность к тому или иному народу. Инструкция предписывала, что «при записи не следует перекладывать показания опрашиваемого» [26]. Это же относилось и к языку. Не всегда принадлежность к этносу совпадала с принадлежностью к данному языку как родному [27].

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этнических единиц (Ю.А. Поляков и В.Б. Жиромская в своих работах называли соответственно 194 и 195 народностей [28]). Более точную цифру назвать трудно. Во-первых, в основном издании итогов переписи, в отличие от Кратких сводок, вышедших ранее, некоторые этнические группы с очень малым числом представителей (как это в дальнейшем будет в 1937 и 1939 гг.) присоединены, «в целях экономии места», к более крупным родственным группам [29]. Во-вторых, в Кратких сводках содержатся данные о двух группах народностей («Прочие народности» и «Народность не указана»), в которых насчитывалось соответственно 8 381 и 90 199 чел. Но определить какие этнические единицы вошли в эти группы не представляется возможным. Кроме того, перепись 1926 г. выявила 389 989 иностранцев (надо полагать, иностранных подданных), которые вошли в общее число жителей СССР в 1926 г. [30].

Итак, 200 этносов! Нельзя не согласиться с академиком Ю.А. Поляковым в том, что «такое количество наций, народностей, этногрупп в составе одной страны – уникальное явление, не имеющее аналогов в истории нового времени» [31]. Большинство из этносов (более 90 %), проживавших в 1926 г. на территории СССР, были зафиксированы переписью и на территории России, за исключением десятка немногочисленных этнических групп (ирани, джемшиды, хазара, белуджи и др.) [32].

В 1920-е гг. многочисленные народы России находились на разных уровнях своего экономического, политического, социального, культурного развития. Академик Ю.А. Поляков выделил следующие стадии развития различных народов в начале 1920-х гг.:

- капитализм;
- феодализм;
- родо-племенной строй;
- патриархально-родовой строй.

Существенные отличия в своем развитии этносы имели не только между собой, но один и тот же народ мог находиться на различных стадиях эволюции на территории одной страны в одно и то же время [33].

Государствообразующей, основной национальностью в 1920-е гг. в РСФСР были русские. Их по данным переписи 1926 г. в республике проживало 74 042 тыс. чел., или 73,4 % от общего числа жителей [34]. Из них в городах – 14,6 млн., сельской местности – 59,4 млн. чел. [35]. Русский был родным языком для 77 840 тыс., или 77,2 % населения [36]. Русские (иногда в документах тех лет писали – великоруссы) проживали на всей территории республики. Наиболее высокий их процент был сосредоточен в центральных районах европейской части Российской Федерации (Промышленный, Черноземный, Западный, Северный районы и др.) [37]. Десятки этнических групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг., насчитывали 100 тыс. и более человек, или 0,1 % и более от общей численности жителей республики. Вслед за русскими самыми крупными народами являлись украинцы – 7.873 тыс., татары, включая крымских татар – 2.846 тыс. (без родственных народов – мишарей, тептярей, нагайбаков, кряшенов), мордва – 1.335 тыс., чуваша – 1.115 тыс., немцы – 806 тыс., башкиры – 713 тыс., белорусы – 638 тыс., евреи (включая крымских и горских) – 589 тыс., вотяки (удмурты) – 504 тыс., марийцы – 428 тыс., чечены* – 318 тыс., карелы – 248 тыс., финны ленинградские (включая категорию «финны») – 241 тыс., зыряне (коми) – 221 тыс., поляки – 198 тыс., эсты (эстонцы) – 150 тыс. и др. [38]. Как известно, в РСФСР в 1920-е гг. в качестве автономных республик входили Казахстан и Киргизия. Соответственно, в России насчитывалось 3 852 тыс. казахов и 672 тыс. киргизов [39]. Распределение этносов по территории республики в эти годы подробно описано в исторической литературе [40].

* Так в источнике.

Русские и русский язык в качестве родного преобладали в большинстве субъектов республики. Соответственно их влияние на другие народы в культурном, языковом, ментальном, значительно реже – в религиозном аспектах, было очень велико. В стране шли процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского народа и русского языка.

Но не везде в 1920-е гг. русские составляли большинство населения. Исключением были национальные автономии (республики и области). Из 24 автономий коренные народы занимали первое место в 19 своих территориях, а их языки главенствовали над языками других народов, проживавших в национальных районах [41]. Это относится ко всем (за исключением Ойротской) автономным областям и к семи из одиннадцати автономным республикам (Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Дагестанская, Казахская, Киргизская и Якутская АССР). Титульная нация и титульный язык, как правило, в количественном отношении являлись определяющими в той или иной автономии. Но были некоторые нюансы. В Адыгейско-Черкесской АО (в источнике – Адыгее-Черкесская АО [42]) на первом месте значатся черкесы и черкесский язык, в Ингушской – ингуши, но язык – чеченский, в Кабардино-Балкарской – кабардинцы, язык – черкесский, в Дагестанской – горцы и горские языки и т.д.

Это говорит о том, что в 1920-е гг. в национальных автономиях проживали близкие по происхождению, языку, религии, ментальности народы. Например, чеченцы и ингуши (вайнахи), чьи языки очень похожи. Адыгейцы, черкесы и кабардинцы также являются родственными народами. Адыгейцы и черкесы имеют общее самоназвание – адыгэ. Эти народы говорят на родственных языках. Черкесы и кабардинцы – на кабардино-черкесском, адыгейцы на близком к нему, но самостоятельном адыгейском языке. В материалах переписи населения 1926 г. адыгейцы как самостоятельная народность не выделялась. Они были включены вместе с черкесами в общую этническую группу «черкесы», проживавшую, в основном, в Адыгейско-Черкесской и Черкесской автономных областях. Вместе с тем в Переписи представлена родственная адыгейцам малочисленная этническая группа – убыхи. Адыгейцы присутствуют в переписи 1939 г. среди 57 «наиболее многочисленных национальностей» СССР. Но также вместе с черкесами -- «адыгейцы и черкесы». Несмотря на то, что со времени описываемых событий прошло около ста лет, родственные связи народов Северного Кавказа претерпели изменения, но, к счастью, разрушены не были [43].

Устойчивым явлением было то, что русские и русский язык оставались вторыми даже в национальных автономиях. Исключение составляли Ингушская АО, где русские были третьими по численности населения, а язык – на втором месте, Кабардино-Балкарская – четвертое место по национальности и языку, Карачаевская – шестое и четвертое, Северо-Осетинская – третье место по обоим показателям, Черкесская – пятое и третье места [44]. Тенденция к увеличению русского населения в субъектах республики продолжала нарастать и в последующие годы. Так, по переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик и автономных областей РСФСР [45].

Вернемся к анализу развития этносов в 1920-е гг. Были национальные особенности в административно-территориальном делении Северо-Кавказского и Сибирского краев. В последнем существовало два округа, где первое место по численности населения и языку занимали хакасы (Хакасский округ) и украинцы (Славгородский округ) [46]. В октябре 1930 г. Хакассия получила автономию, но коренной народ вскоре перестал быть лидирующим в структуре населения. Если в середине 1920-х гг. в Хакассии хакасов и русских было примерно равное количество, то в конце 1930-х гг. русских в автономной области насчитывалось в пять раз больше, более 200 тыс. чел. [47].

В Северо-Кавказском крае в середине 1920-х гг. имелись четыре округа с преобладанием украинского населения и украинского языка (Донецкий, Кубанский, Таганрогский и Черноморский) [48]. Во-первых, это объясняется жизнью населения Донецкого и Таганрогского округов в условиях русско-украинского пограничья и наличия устойчивых семейных, родственных, экономических и иных связей с Украиной. Во-вторых, традиционно население кубанских станиц самоидентифицировало себя с украинскими этносом. Это проявлялось в элементах материальной культуры, в том числе жилище, одежде, пище, изделиях народных промыслов. Говорили (и это в значительной мере сохранилось сегодня) сельские жители Кубани на «балачке», своеобразном синтезе украинского языка

и южнорусских диалектов. Попытки искусственно увеличить украинское население Кубани, принятые в середине 1920-х гг. (так называемая «украинизация»), не увенчались успехом. Украинцев в Краснодарском крае, по переписи 1939 г., насчитывалось около 150 тыс., или 5 % от общего количества жителей всех национальностей [49]. «Украинизация» в культурном отношении имела более весомые последствия в отличие от демографических показателей. Так, в Краснодарском педагогическом институте был открыт факультет украинского языка и литературы, в Краснодарской Ассоциации пролетарских писателей существовала сильная украинская секция, на украинском языке издавались газеты, художественные произведения, ставились спектакли.

Важной особенностью регионов России в 1920-е гг. была их многонациональность. Несмотря на то, что русские составляли более 73 % от общего числа жителей республики, остальные народы играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии. Несколько народов проживало во всех губерниях, краях, области и национальных автономиях. Это три восточнославянских народа – русские, украинцы, белорусы, а также татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане*. Такое рассредоточение по субъектам республики данных народов объясняется разными причинами, прежде всего, историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., осваивавших огромные пространства Российской империи. Если немцы в основном обитали в сельской местности и занимались сельским хозяйством, то поляки преимущественно являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя) и проживали в городах. После отмены «черты оседлости» в 1917 г., запрещавшей начиная с 1791 г. проживание евреев за пределами западных и юго-западных губерний Российской империи, их значительные группы стали переселяться в другие районы. Этот процесс получил значительный размах в 1920–1930-е гг. Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. В дальнейшем, большая часть цыган перешла на оседлость, но в 1920-е гг. этот процесс еще не начался [50]. Проживание указанных народов на всей территории страны объясняется также трудовой миграцией, изменением границ РСФСР в 1920-е гг. и др.

Обратимся к характерным примерам распределения народов на территории республики и их особенностям. В переписи 1926 г. все субъекты были сгруппированы в 19 районов (регионов), куда входили те или иные губернии, края и национальные автономии, похожие по составу населения, социально-экономическому развитию и другим параметрам. Иногда территории районов (регионов) совпадали с территориями тех или иных субъектов федерации. Как уже говорилось, в их большинстве проживали русские, за исключением национальных республик и областей. Часто русское население составляло 90 % и более от общего числа жителей территории. Но были и свои рекордсмены. Так, в Вологодской губернии проживало 99,6 % русских, во Владимирской – 99,4, Ивано-Вознесенской – 99,3, Орловской – 99,1, Тамбовской – 99,1 % [51] и т.д. В Архангельской губернии, входившей в Северный район, кроме русских, проживали зыряне (позднее, в переписи 1939 г. зырян и пермяков объединили в одну этническую группу – коми), самоеды (более позднее название – ненцы), евреи, татары, украинцы, поляки, латыши. В Ленинградской губернии (Ленинградско-Карельский район) также проживали финны ленинградские, евреи, эсты, поляки, немцы, латыши, белоруссы, ижорцы, украинцы, вепсы, финны, татары, литовцы, мишкари, карелы, в Смоленской губернии (Западный район) – евреи, белоруссы, латыши, поляки, украинцы, цыгане, литовцы, немцы, в Ивано-Вознесенской губернии (Центрально-промышленный район) – татары, белоруссы, евреи, украинцы, поляки, мордва, эсты, в Орловской губернии (Центрально-черноземный район) – евреи, белоруссы, поляки, немцы, латыши, цыгане, татары, в Вятской губернии (Вятский район) – марийцы, вотяки, татары, пермяки, бесермяне (в дальнейшем отнесены к удмуртам), евреи, поляки, цыгане, в округах Уральской области (Уральском районе) – украинцы, татары, белоруссы, мордва, чувашаи, казахи, поляки, эсты, цыгане, евреи, латыши, зыряне и другие народы. В Оренбургской губернии (Средне-Волжский район) проживали, кроме русских, украинцы, татары, казахи,

* В этот перечень не включены армяне. В современной России они присутствуют в большинстве субъектов. Это в конце XX в. стало следствием глобальных миграционных процессов, вызванных политическими кризисами, войнами и природными катастрофами (землетрясение в Спитаке, развал СССР, война в Нагорном Карабахе и т.д.).

мордва, немцы, башкиры, евреи, белоруссы, в Астраханской губернии (Нижне-Волжский район) – татары, казахи, украинцы, евреи, калмыки, армяне, немцы, персы, поляки, туркмены.

Границы Башкирского района совпадали с Башкирской АССР, Крымского – с Крымской АССР, Дагестанского – с Дагестанской АССР, Казахского и Киргизского районов – соответственно с Казахской и Киргизской АССР, Сибирского района – с Сибирским краем, Северо-Кавказского района – с Северо-Кавказским краем, Бурят-Монгольского района – с Бурят-Монгольской АССР, Якутского района – с Якутской АССР, Дальневосточного района – Дальневосточным краем. Последний был весьма, полиэтничным. На его огромных просторах проживали русские, украинцы, корейцы, белоруссы, тунгусы (так раньше именовали эвенов и эвенков), чукчи, буряты, поляки, евреи, коряки, татары, гольды, камчадалы, гиляки, китайцы, молдоване, мордва, латыши, немцы, эсты, удехе, ламуты, литовцы, цыгане, румыны, ороганы, якуты, чувашаи, орочи [52].

Многонациональными в 1920-е гг. были города, прежде всего, столичные – Москва и Ленинград. В 1930-е гг., в связи с быстрыми темпами индустриализации и урбанизации, городское население резко увеличивается, разнообразнее становится и его национальный состав [53]. Учитывая основные народы, проживавшие на территориях республики, перепись 1926 г. выделяла ещё две категории – «иностранцы» и «прочие». В состав «прочих» входили, как правило, народы проживавшие в субъектах РСФСР в небольшом количестве. Их доля составляла до 2 %.

Даже на фоне такого национального разнообразия был регион, отличавшийся уникальным представительством народов, проживавших на одной территории, в составе одной автономной республики. Это Дагестанская АССР, образованная в 1921 г. [54]. Перепись 1926 г. выявила в республике более тридцати коренных народностей и этнических групп: авары или аварцы, агулы, андии или андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы (богулалы или кванадинцы), ботлихцы, годоберинцы, даргинцы, дидои или дидойцы (встречается наименование цезы), кайтаки или кайтагцы, каратаи или каратины, капучины, кубачинцы, кумыки, лаки или лакцы, лезги или лезгины, ногайцы, рутулы или рутульцы, таты, тиндии или тиндалы, табасараны или табасаранцы, удины*, хварцины или хваршинцы, чамалалы, цахуры, чинухцы, бежтины или бештинцы, гунзебцы, акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы (последние пять диалектико-этнографических групп относятся к даргинцам), кюринцы, ахтынцы, кубинцы (относятся к лезгинам).

В последующие годы более мелкие народности и этнические группы включили в состав крупных народов. Например, кайтаки и кубачинцы слились с даргинцами. В категорию аварцев вошли четырнадцать народностей, родственных им по языку и др. [55]. В материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. были оставлены только десять народов Дагестана: агулы, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, рутульцы, табасараны, цахуры [56]. Это говорит не столько о процессах ассимиляции и этнической интеграции, сколько о том, что в условиях господства коммунистической идеологии, более важным для режима было обосновать искусственно формируемую аморфную общность «советский народ», чем сохранить уникальную самобытность десятков этносов с их языками, культурой, традициями, многовековой историей.

Краткие сводки, подготовленные после проведения переписи 1926 г., не выделяли коренные народы Дагестана, обобщив их под названием «горцы» и указав долю в структуре населения республики – 61,76 %. Удивительно, но кумыки и ногайцы (в переписи 1939 г. ногайцы в национальном составе населения СССР также были представлены в качестве самостоятельного этноса наряду с 57 основными народами СССР [57]), которых обычно относят к народам Дагестана, были даны в сводках отдельно. Их не включили в собирательное понятие «горцы». Также в Дагестанской АССР проживали русские, турки, чечены, ингуши, евреи горские, армяне, украинцы, персы, евреи, татары, немцы, туркмены [58]. С учетом категории «прочие» (0,62 %) в республике в 1920-е гг. обитало более 50 народов и этнических групп.

В любом государстве, жизнь в условиях этнической чересполосицы не может быть простой и безоблачной. Мы хорошо это знаем и помним по событиям 1980–1990-х гг., когда республики СССР, Югославии и других стран захлестнули волны межнациональных конфликтов. В 1920-е гг. также

* Удины являются одним из древних народов, населявших не только Дагестан, но и Россию в целом. Они приняли христианство задолго до крещения Руси.

было немало проблем и нерешенных вопросов в отношениях между народами. Но новая экономическая политика принесла оттепель не только в сферу социально-экономических, но и межэтнических отношений, культурного развития наций и народов. Этнотолерантность, даже малочисленные, имели возможность изучать свой родной язык, культуру, традиции, историю, сохранили свою веру. Работали национальные школы, дома культуры, храмы, мечети, костелы, синагоги. Активная борьба с религией и церковью, которую вели большевики в годы революции, гражданской войны и голода, поутихла, правда ненадолго. Рассмотрим жизнь этноса в 1920-е гг. на примере польской диаспоры Кубани.

Появление поляков на Кубани было связано, прежде всего, с расширением границ Российского государства. В составе казачьих отрядов, переселявшихся в кубанские земли по повелению Екатерины II с **территорий, некогда входивших в состав Речи Посполитой, встречалось немало этнических поляков**. С началом Кавказской войны (1817–1864 гг.) количество поляков – военных в регионе постоянно увеличивалось. По мере стабилизации социально-политической ситуации кавказские земли все более нуждались в специалистах самых разных направлений, что также способствовало увеличению числа польского населения гражданских профессий, желавших сделать карьеру в динамично развивающемся регионе империи [59].

По результатам Всероссийской переписи населения 1920 г. в Кубано-Черноморской области проживало 7 238 поляков [60]. Польскую диаспору Кубани отличали: преобладание мужского населения; некомпактное проживание, в основном, в городах; наличие значительного количества квалифицированных специалистов; высокая степень организации культурной и духовной жизни; активное желание не потерять свои этнические корни [61].

В 1920-е гг. религиозная и культурная жизнь польской общины Кубани формировалась вокруг римско-католических костелов. В конце XIX – **начале XX в. на территории Кубанской области (основана в 1860 г.) и Черноморской губернии (основана в 1896 г.)** был построен ряд римско-католических религиозных центров. Поляки сыграли решающую роль в создании и развитии четырех из них. Это Екатеринодарская приходская церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии (1893 г.), Новороссийский молитвенный дом во имя Святой Анны (1895 г.), Армавирский молитвенный дом Иконы Ченстоховской Божьей Матери (1909 г.), Майкопская филиальная церковь во имя Святого Антония Падуанского (1914 г.). В регионе были и другие молитвенные дома и церкви, однако в них ведущую роль играли представители других народов, исповедующих католицизм: в селениях вокруг Анапы и Новороссийска преобладали чехи и словаки, в селах Семеновка, Новониколаевка и Рождественское – немцы, а в станицах Крымской и Баталпашинской – армяно-католики [62].

Важной сферой проявления польского духа и традиций взаимопомощи стали организуемые при костелах римско-католические благотворительные общества, были открыты польские школы [63]. Так, в начале 1920-х гг. в г. Краснодаре была открыта польская школа № 30. Она занимала часть помещения римско-католического собора, располагавшегося на улице Графской (ныне – Советская). В школе проводились общие собрания поляков-краснодарцев. Заведующий школой в 1923–1925 гг. была Ядвига Казимировна Годзевич (урожденная Янковская). В Краснодаре был создан в это время городской клуб «Нацмен». В него входили представители диаспор, проживавших в городе. Клуб «Нацмен» свои заседания проводил в помещениях польской школы. В клубе с успехом работали драматический, музыкальный и политический кружки. Члены польской секции клуба «Нацмен» совместно с учителями польской школы ставили спектакли, устраивали концерты и семейные вечера*.

Как известно, смена политического курса в конце 1920-х гг. имела негативные последствия и по отношению к нацменьшинствам, повлияла на сохранение их численности и возможность развиваться. Так, в годы «большого террора» и проведения «польской операции» в 1937–1938 гг. были уничтожены практически все взрослые мужчины польского происхождения, проживавшие на Кубани. С 1926 по 1939 гг. польское население Краснодарского края сократилось в два раза [64].

* Городской клуб «Нацмен» был возрожден в г. Краснодаре в начале 1990-х гг. в форме Центра национальных культур. Организатором и первым его руководителем являлся автор этих строк. Сегодня в Центре насчитывается более 30 национальных обществ. Среди них – Польский национально-культурный центр «Единство».

В 1937 г. в Краснодаре был закрыт костел, его здание было переоборудовано в жилой дом. Большинство тех, кто имел отношение к костелу, были репрессированы [65].

Этносы России в 1920-е гг. находились на разных стадиях не только социально-экономического, но и культурного развития. Эти процессы, впрочем, очень тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности* по переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7 % грамотных (52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин) [66]. Правда, в других советских республиках, кроме Украинской ССР, это уровень был еще ниже. Например, в ЗСФСР – 27,8 %, УзССР – 7,7 %, ТуркССР – 9,6 % [67]. В Российской Федерации у жителей городов уровень грамотности был значительно выше, чем у сельских жителей [68]. Мужчины были гораздо образованней, чем женщины. Самый высокий показатель грамотности был у мужчин (73 %), проживавших в городах, самый низкий – у сельских женщин (24,1 %) [69].

Перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у латышей – 74,5 %, эстов – 72,4, литовцев – 70,5, финнов – 76,0, финнов ленинградских – 70,5, немцев – 60,2, чехов и словаков – 74,3, сербов – 61,3, болгар – 51,5, румын – 56,4, греков – 50,3, албанцев – 46,5 % [70]. В переписи указана еще одна собирательная группа «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4 % грамотных), но в силу ее малочисленности (14 920 чел.) [71] она является лишь исключением и не может сопоставляться с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР.

Высоким процент грамотности был у евреев (ашкеназов) – 72,3 %, евреев крымских – 58,2 % (другие ветви еврейского народа, проживавшие в СССР, имели более низкий уровень грамотности: евреи горские – 19,7 %, евреи грузинские – 32,8, евреи среднеазиатские (бухарские) – 25,0 %), ижоры – 60,9 % [72]. Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8 324 чел.), проживавшему в основном в Крыму – караимам**. У них уровень грамотности составлял 84,9 % и был одинаково высоким у мужчин и женщин. У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР***: у русских – 45,1, украинцев – 41,3, белорусов – 37,3 % [73]. Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, места его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка были широко распространены у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х гг.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) – 33,4 %, башкир – 24,3, марийцев – 26,6, мордовцев – 22,9, чувашей – 30,7, вотяков (удмуртов) – 25,6 % [74]. В сельской местности показатели грамотности были значительно ниже, чем в городах, они резко снижаются и у мужчин, и у женщин с повышением возраста. Грамотных мужчин у народов Поволжья в 1920-е гг. было в 2–4 раза больше, чем грамотных женщин [75].

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера»**** шесть этносов – гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4 %. Примерно такая же картина была у тунгусов (эвены и эвенки) – 13,6 %,

* Подходы, определившие уровень грамотности, были весьма лояльными. Грамотным считался гражданин (начиная с 5-летнего возраста), умеющий читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке (См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 245).

** Данные приводятся по СССР в целом.

*** Приводятся данные по СССР, без северных округов Якутской АССР и Туруханского округа Сибирского края.

**** В дальнейших переписях в эту группу включили еще больше малочисленных северных народов. Так, в материалах переписи населения 1939 г. была зарегистрирована группа «народы Севера». В них включили 26 этносов: ненцев, саами (устаревшее название – лопари), манси, ханты, эвенов, эвенков, чукчей, эскимосов, алеутов и др.

якутов – 6,3, остяко-самоедов и самоедов (ненцы) – 3,0 % и т.д. Исключение составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2 % (у мужчин – 36,9, у женщин – 9,3%) [76].

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Цивилизация, остановившиеся у гор Кавказа, пятидесятилетняя война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего, расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных было всего 5,9 %, у других народов, проживавших в республике, примерно столько же: у татов – 5,9, кумыков – 11,1 % [77].

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) – 16,9%, кабардинцы – 6,8, чечены и бацбии – 2,9, ингуши – 9,1, карачаи – 9,2, балкары – 5,3 % и т.д. Исключением, «кавказскими бурятами», являлись осетины, среди которых было 21,2 % грамотных. Среди киргизов грамотных было всего 4,6 %, среди казахов – 7,1 % [78]. Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных народов составлял от 0,3 % (киргизы и чечены) до 11 % (осетины) [79]. Это говорит о бесправии женщин этих народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин. Образование в стране в 1920-е гг. не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е гг., но они были весьма скромными. В конце 1930-х гг. среднее образование имели 4,6 % населения, а высшее – 0,6 % [80].

Революционные идеи об институтах брака и семьи конца XIX – начала XX в. отчасти были воплощены в России после революции 1917 г. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [81].

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина становилась юридически свободной. Эти прогрессивные нормы на практике воплощались очень медленно. Ранние браки, бесправие женщин, недобровольность вступления в брак, многоженство (в Средней Азии и на Северном Кавказе) оставались в 1920-е гг. массовым явлением. Вера, традиции, институты социального контроля, прежде всего у неславянских народов, долгие годы консервировали укоренившиеся модели брачного поведения.

Зарегистрированные гражданские браки не покрывали всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Происходило это, в том числе, из-за дефицита мужчин на брачном рынке. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков. Особенно такие браки были популярны у молодежи крупных городов. Это обстоятельство заставляло государство признать юридическую силу за фактическими браками. Данная правовая норма была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый Кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 г. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г. в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом мужей было на 1 459 159 чел. меньше, чем жён, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, существовавшего в Казахстане, Киргизии, Дагестане и на Северном Кавказе, подлинные размеры которого установить весьма сложно [83].

В целом в 1920-е гг. институт семьи и брака в России не претерпел значительных трансформаций, несмотря на изменившиеся социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения (раннее вступление в брак, многодетные семьи, фактическое неприменение аборт, табу на разводы и т.д.). Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отношений стала разрушаться позднее, в 1930-е гг., под влиянием политики индустриализации и коллективизации [84].

При этом нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семьи и брака исчезли. Многие живы до сих пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, у адыгейцев, проживающих в Республике Адыгея и Краснодарском крае, обязательной нормой поведения как для сельских, так и городских жителей, является полное отсутствие контактов между зятем и тещей, сохранились обычаи «кражи» (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль. Прежде всего, православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых, для православных людей, слова: «За веру, царя и отечество!» Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е гг. религиозные верования и убеждения в России играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства: православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-грегорианство и др., мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтничной и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, гражданской войны и голода 1921–1922 гг., в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. Это мы видели на примерах польской диаспоры Кубани. В 1920-е гг. в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам увеличилось количество атеистов. Наблюдалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Очень популярны у православных были церковный брак, крестины, отпевание, празднование пасхи и других религиозных праздников. Так, доля церковных браков в 1922–1924 гг. у рабочих Нижнего Тагила составляла 40 % от общего числа заключенных брачных союзов [85].

Перелом наступил в 1929 г. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза Воинствующих Безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской Православной Церкви [86]. Гонениям подверглись все имевшиеся в Российской Федерации конфессии – мусульманство, иудейство и др. Каталитическая церковь в конце 1930-х гг. прекратила свое существование.

Подводя итоги демографическому развитию этносов России в 1920-е гг., отметим, что они существовали в относительно благоприятной политической, социально-экономической и культурной среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на демографическое поведение многочисленных этносов, проживавших в стране. Десятилетие демографического благополучия привело к стабильному приросту населения, снижению смертности, в том числе детской, победе над многими опасными болезнями. Двести российских этносов имели возможность изучать свой родной язык, историю, культуру, исповедовать традиционную религию. Это десятилетие можно назвать переходным от господства укоренившихся обычаев, традиций, ценностей, верований, институтов к новациям во всех сферах существования этносов, координально изменивших их уклад и качество жизни. К сожалению, этот «золотой период» был весьма непродолжительным, ему на смену пришел этап демографических кризисов, продолжившихся до середины XX в.

Источники и литература

1. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – Москва, 2001. – С. 157.
2. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / *В.А. Исупов.* – Новосибирск, 2000. – С. 71; Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. – Москва, 2006. – С. 448–451.
3. Демографическая модернизация России... –С. 401; Население России в XX веке. В 3-х т. – Москва, 2000. – Т. 1. – С. 130, 131, 133; *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 67–68 и др.
4. Россия и СССР в войнах XX века. – С. 142.

5. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 71.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – Москва, 1992. – С. 20.
7. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72.
8. Там же.
9. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 67.
10. Родина. – 1990. – № 10. – С. 15.
11. Демографическая модернизация России... – С. 402, 580.
12. Об этом подробнее см.: *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 74–75.
13. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72; Демографическая модернизация России... – С. 262.
14. Демографическая модернизация России... – С. 262.
15. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72.
16. Демографическая модернизация России... – С. 262.
17. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 73.
18. Демографическая модернизация России... – С. 270–273.
19. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72–73.
20. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. III: Население СССР. – Москва, 1927. – С. 48.
21. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. III: Население СССР. – С. 53.
22. Там же. – С. 51.
23. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – Москва, 1928. – С. III–IV; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – Москва, 2007. – С. 312.
24. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. – С. 312.
25. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. IV.
26. Там же. – С. III.
27. Там же. – С. IV.
28. *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / *Ю.А. Поляков.* – Москва, 1986. – С. 156; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / *В.Б. Жиромская.* – Москва, 2001. – С. 75.
29. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 1.
30. Там же. – С. 22.
31. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 157.
32. См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22 (расчет наш. – *С.К.*).
33. Об этом см.: *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 197–198.
34. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. V.
35. *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. / *Н.А. Араловец.* – Тула, 2009. – С. 48.
36. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. V.
37. Там же.
38. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14 (расчет наш. – *С.К.*).
39. Там же. – С. 16.
40. См.: *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 157–186; *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С. 74–79; *Араловец Н.А.* Указ. соч. – С. 48–49 и др.
41. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 42, 56, 57, 60, 65, 66, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 92, 94, 96.
42. Там же. – С. 78.
43. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 57, 58, 247, 248.
44. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 79, 80, 81.
45. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 59–68.

46. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 92, 94.
47. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 94; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С.60.
48. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 73, 74, 76, 77.
49. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 59.
50. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 186.
51. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 42, 43, 48, 49, 55.
52. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 42, 43, 44, 47, 49, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 68, 96, 97.
53. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – С. 60–67.
54. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 174.
55. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 174; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 246.
56. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 174.
57. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 59.
58. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 81, 82.
59. Население и территория России: история и современность. – Москва–Самара, 2017. – С. 549.
60. *Кропачев С.А.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированных в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. / *С.А. Кропачев, А.И. Селицкий.* – Майкоп, 2016. – С. 16.
61. *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов / *С.А. Кропачев* // Проблемы российской истории и историографии. – Майкоп, 2018. – С. 110.
62. *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Указ. соч. – С. 11.
63. *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. – С. 122.
64. *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Указ. соч. – С. 20.
65. Там же. – С. 23.
66. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – Москва, 1928. – С. 95.
67. Там же. – С. 102, 105, 108, 109.
68. Там же. – С. 95.
69. Там же; *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С. 179.
70. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – С. 86.
71. Там же.
72. Там же.
73. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – С. 86.
74. Там же.
75. Там же (расчет наш. – *С.К.*); *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С. 181.
76. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – С. 87.
77. Там же.
78. Там же.
79. Там же.
80. Об этом подробнее см.: *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С.182–185.
81. Демографическая модернизация России... – С. 87.
82. Там же.
83. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. – Москва, 1991. – С. 82.
84. См.: Демографическая модернизация России. – С. 86–91; *Араловец Н.А.* Указ. соч. – С. 32–35 и т.д.
85. *Араловец Н.А.* Указ. соч. – С. 36.
86. Об этом подробнее см.: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. – Париж, 1977 и др.

У.В. Лыткина*

Демографические изменения Коми края в годы индустриализации**

В статье рассматриваются изменения численности, размещения и состава населения Республики Коми, произошедшие в период индустриализации. Итоги переписей 1926 и 1939 гг. анализируются на уровне волостей и сельских советов. Выявлены изменения в системе расселения региона. Определена специализация сельсоветов, продемонстрировавших лучшие показатели прироста численности населения. Проведен анализ изменений состава населения по полу и возрасту. На основе половозрастных пирамид оцениваются фазы демографического перехода сельского населения Коми АССР.

Ключевые слова: перепись 1926 года, перепись 1939 года, Республика Коми, Коми автономная область, волости, состав населения

U.V. Lytkina

Demographic changes of the Komi Region during the years of industrialization

The article reveals changes in the number, distribution and composition of the population of the Komi Republic that occurred during the period of industrialization. The text examines the results of the 1926 and 1939 censuses, analyzed at the level of volosts and village councils. The author revealed changes in the settlement system of the region, determined the specialization of village councils that showed the best indicators of population growth. The article analyzes changes in the composition of the population by sex and age. On the basis of age and sex pyramids, the author evaluates the phases of the demographic transition of the rural population of the Komi ASSR.

Key words: 1920 census, 1926 census, Komi Republic, Komi Autonomous Region, volosts, composition of the population

Период с конца 1920-х по начало 1940-х гг. связан с коренными изменениями в социально-демографических процессах и расселении Российского Севера. Ускоренная коллективизация, индустриализация, массовое использование подневольного труда и принудительных миграций повлияли на динамику и состав населения Коми края. Для выявления этих изменений в статье сравниваются итоги переписей населения 1926 и 1939 гг. Особое внимание уделяется данным на местном уровне – по сельским советам и городским населенным пунктам, а также составу населения по полу и возрасту.

Рассмотрим экономические предпосылки демографических процессов в период индустриализации. В коми деревне основным фактором изменений выступала коллективизация. К 1934 г. доля хозяйств, вступивших в колхозы, превысила половину, а к 1940 г. – достигла 97,7 %. Колхозное крестьянство вместе с кооперированными кустарями в 1939 г. составляло 51,4 % населения Коми АССР. В районах с преобладанием в хозяйстве оленеводства создавались сельскохозяйственные артели. Несмотря на все попытки развития сельского хозяйства (создание машинно-тракторных станций, улучшений породности скота и др.), результаты 1930-х гг. были весьма скромными. Прак-

* Лыткина Ульяна Владимировна (Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ulytkuina@yandex.ru.

** Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Трансформации общества, власти и экономики в регионах европейского Севера России» (№ FUUU-2021-0011).

тически не изменились показатели эффективности производства, такие как урожайность и удои коров. Рост был экстенсивным – за счет увеличения посевных площадей, поголовья скота. Так, к концу десятилетия большую часть производства мяса, молока, картофеля и шерсти давали не колхозы, а личные подсобные хозяйства [1].

В середине 1920-х гг. Коми автономная область оставалась преимущественно аграрным регионом, а на промышленность приходилось менее 7 % валовой продукции народного хозяйства. На изучаемый период приходится начало формирования новой экономической специализации региона – добывающей промышленности. Если в первой половине 1930-х гг. основные капиталовложения приходились на лесозаготовки, то со второй – на топливную промышленность. Значительные средства вкладывались в геологоразведку, в результате чего были выявлены крупные запасы угля и нефти. Развернулось промышленное и транспортное строительство общесоюзного масштаба: создание самого северного в СССР нефтяного промысла в Чибью, угольной шахты на берегу р. Воркуты, железнодорожной линии Котлас–Воркута. При создании и эксплуатации новой промышленной базы региона неизмеримо возросла роль подневольного труда [2].

Всего за 12 лет – с 1928 по 1940 г. население Коми АССР увеличилось более чем в полтора раза, а с учетом заключенных – более чем вдвое. За этот же период продукция крупной промышленности увеличилась в 7,4 раза, производство электроэнергии – в 250 раз, вывозка древесины – почти в 4 раза, посевные площади – вдвое, а добыча угля только с 1932 г. выросла в 33 раза [3]. Тем не менее на 1930-е гг. приходился только первый этап создания масштабной добывающей промышленности. В 1940 г. на топливную промышленность приходилось всего 13,4 % выпуска в действующих ценах. Для сравнения, на лесную промышленность приходилось 35,2 %, а на пищевую – 31,2 % [4]. Если раньше экономическая активность была распределена почти равномерно [5], то в результате индустриализации стали доминировать несколько промышленных центров. Поэтому актуален анализ демографических закономерностей на местном уровне – для отдельных сельских советов и городских поселений.

Цель исследования – на материалах из Национального архива Республики Коми и Государственного архива Архангельской области выявить закономерности демографического развития Республики Коми в период индустриализации. На уровне районов они уже достаточно подробно изучены, главным образом в трудах Н.П. Безносовой [6–8]. В данном исследовании демографические процессы рассматриваются на уровне городских и сельских советов, что позволило выявить их общие черты и различия. Задачи исследования: собрать и систематизировать демографические данные о волостях и сельсоветах на территории современного Коми края; сопоставить административно-территориальное деление Коми края 1926 и 1939 гг.; изучить характеристики населения на местном уровне, включая динамику численности и состав населения; выявить закономерности пространственного развития.

Между переписями населения 1926 и 1939 гг. произошли несколько изменений в административно-территориальном устройстве [9–10]. В 1929 г. из Архангельской губернии в Автономную область Коми были переданы несколько волостей Печорского уезда и Пысская волость Мезенского уезда, а из Вятской губернии – Слудская волость. Изменился и статус региона. Автономная область Коми (Зырян) в 1936 г. преобразована в Коми Автономную Советскую Социалистическую Республику. В 1939 г. в Коми АССР были: один город, два рабочих поселка и 146 сельских советов в 15 районах. Для сравнения с итогами предыдущей переписи каждой сельсовет был сопоставлен с соответствующей ему волостью на 1926 г. (табл. 1). Для этого был проанализирован состав волостей и сельсоветов по спискам населенных мест разных лет и итогам переписей [11–18]. В результате появилась возможность сравнения на местном уровне демографических данных двух всесоюзных переписей – 1926 и 1939 гг.

Таблица 1

Изменение административно-территориального деления Коми края в 1926–1939 гг.

1926 г. Один город, 103 волости в семи уездах (районах) трех областей (губерний)		1939 г. Один город, два рабочих поселка, 146 сельсоветов в 15 районах Коми АССР	
2 уровень	1 уровень	2 уровень	1 уровень
Усть-Сысольский уезд АО Коми	г. Усть-Сысольск и 27 волостей	Сыктывкар	г. Сыктывкар и 2 сельсовета
		Сыктывдинский район	рп Ньючим и 12 сельсоветов
		Сысольский район	15 сельсоветов
		Летский район	7 сельсоветов
Халтуринский уезд Вятской губернии	1 волость	Прилузский район	8 сельсоветов
Усть-Куломский уезд АО Коми	28 волостей	Усть-Куломский район	14 сельсоветов
		Корткеросский район	8 сельсоветов
		Сторожевский район	10 сельсоветов
		Троицко-Печорский район	6 сельсоветов
Усть-Вымский уезд АО Коми	21 волость	Усть-Вымский район	10 сельсоветов
		Железнодорожный район	6 сельсоветов
Мезенский уезд Архангельской губернии	1 волость	Удорский район	10 сельсоветов
Ижмо-Печорский уезд АО Коми	20 волостей	Ижемский район	12 сельсоветов
		Усть-Усинский район	13 сельсоветов
		Ухтинский район	рп Чибью и 4 сельсовета
Печорский уезд Архангельской губернии	5 волостей	Усть-Цилемский район	9 сельсоветов

Составлено по: [11–18].

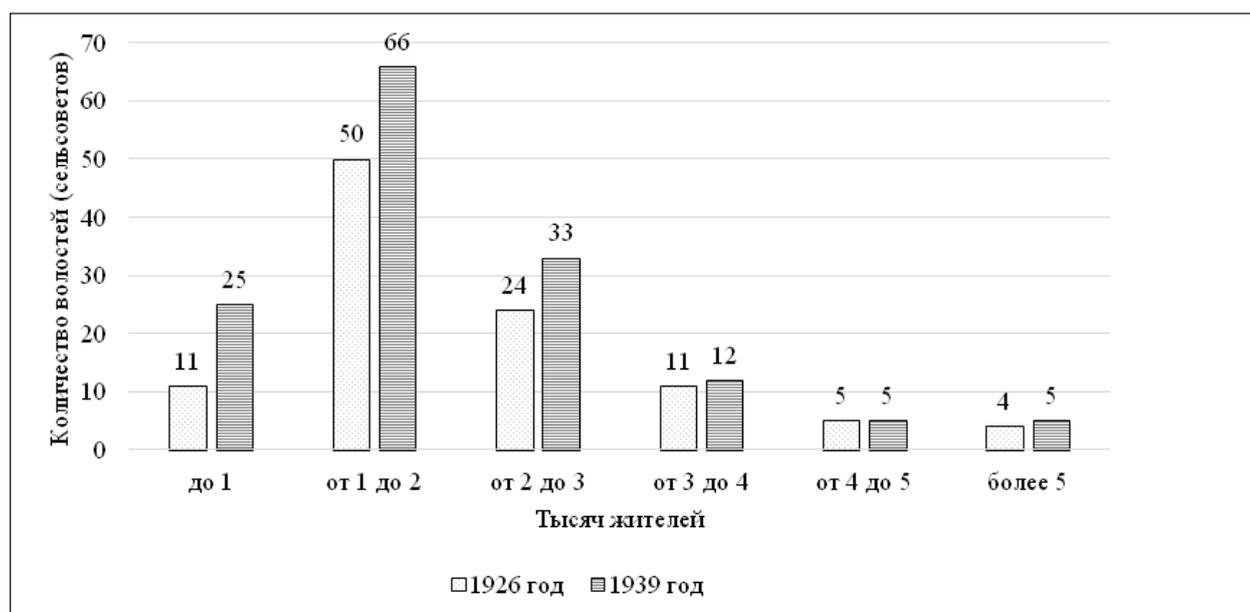

Рис. 1. Волости Коми края в 1926 и 1939 гг. по численности населения.

Составлено по: [12, 14, 16–18].

В ходе административно-территориальной реформы 1929 г. волости были преобразованы в сельские советы. Это сопровождалось их разукрупнением. Количество сельсоветов на 42 % превышает число соответствующих им волостей по данным на 1926 г. К 1939 г. возрос удельный вес сельских советов с низкой численностью населения – до 3 тыс. чел. Количество крупных сельсоветов при этом практически не изменилось (рис. 1).

Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 г. не дают полную картину расселения на территории республики, поскольку в нее не были включены заключенные и личный состав исправительно-трудовых лагерей. В конце 1930-х гг. численность заключенных, спецпереселенцев и ссыльных превышала 100 тыс. чел., а в 1941 г. достигла 298 тыс. чел. [19, с. 98]. Если спецпереселенцы [20] в 1939 г. переписывались на общих основаниях, то для заключенных и сотрудников исправительно-трудовых лагерей проведена спецперепись НКВД [21], которую прошли 131,9 тыс. чел. [22, с. 229]. Общие сведения о расселении заключенных и специализации лагерей в 1939 г., собранные В.Н. Земсковым и М.Б. Смирновым [23, с. 312; 24], представлены в табл. 2. Вместе с заключенными население в 1926–1939 гг. выросло примерно вдвое – с 224,9 до 450,0 тыс. чел. Удельный вес титульной национальности без учета спецпереписи сократился при этом с 86,9 до 72,5 % [21].

Таблица 2

Исправительно-трудовые лагеря в Коми АССР в 1939 г.

Исправительно-трудовой лагерь	Тип деятельности	Места размещения заключенных	Численность заключенных на 1939 г.
Севжелдорлаг	Железнодорожное строительство	от Котласа до Воркуты (управление в пос. Княжпогост и пос. Железнодорожный)	29 405
Ухтижемлаг	Топливная промышленность	рп Чибью (Ухта)	27 006
Локчимлаг	Лесозаготовки	Верховья Вычегды (управление в с. Пезмог)	26 242
Воркутлаг	Горнодобывающая промышленность	Воркута	17 923
Устьвымлаг	Лесозаготовки	Усть-Вымский район (управление в пос. Вожаель)	11 974
Всего			112 550

Составлено по: [23, с. 312; 24].

Расселение населения региона в середине 1920-х гг. подробно рассмотрено в предыдущей работе [25]. Оно концентрировалось преимущественно вдоль рек на юге и северо-западе региона. Из-за увеличения численности заключенных, особенно в Воркутлаге, удаленном от основных центров расселения республики того времени, центр населенности региона сместился примерно на 81 км в северо-восточном направлении. Тем не менее благодаря тому, что остальные лагеря не были столь отдаленными, кардинальной трансформации территориальной картины расселения в 1930-х гг. еще не произошло. В последующие десятилетия благодаря созданию крупных промышленных центров на Севере республики, изменения будут более существенными [26].

Карта на рис. 2 показывает изменение численности населения сельсоветов с 1926 по 1939 г. Увеличились более чем вдвое Сыктывкар и семь сельсоветов. Они отмечены на карте самым темным оттенком. Еще в 22 волостях/сельсоветах прирост численности составил от 50 до 100 %. Они сосредоточены в основном в северной и восточной частях республики – в местах освоения углеводородного сырья. Убыль продемонстрировали 16 волостей/сельсоветов. В основном они расположены вблизи Сыктывкара. Их демографическая динамика, вероятно, объясняется миграцией в столицу республики.

Прирост более двукратного продемонстрировали в основном сельские советы, которые специализировались [28] на добыче полезных ископаемых, связаны с основными транспортными путями и перевозкой заключенных. В 6,5 раз вырос Усть-Ухтинский сельсовет (с рабочим поселком Чибью), специализирующийся на добыче нефти и радиевого концентрата. В 5,0 раз увеличилась численность населения столицы республики – г. Сыктывкар. Помимо административных функ-

ций, город был социальным, культурным и экономическим центром, в нем находились лесозавод и электростанция. В 4,8 раза вырос Усть-Усинский сельсовет, где были расположены консервный завод, перевалочный пункт для перевозки заключенных и управление пароходства. Абезьский сельсовет (железнодорожный транспорт) вырос в 3,7 раза, Шельяюрский сельсовет (речной техникум, судоремонтные мастерские) – в 3,3 раза, Подчерский и Усть-Войский сельсоветы (точильная фабрика и речной транспорт) – в 3,2 раза. Несколько ниже прирост был в сельских советах, специализирующихся на лесозаготовках и транспортировке древесины. Хорошую динамику демонстрируют села, где были расположены школы, медицинские учреждения, машинно-тракторные станции.

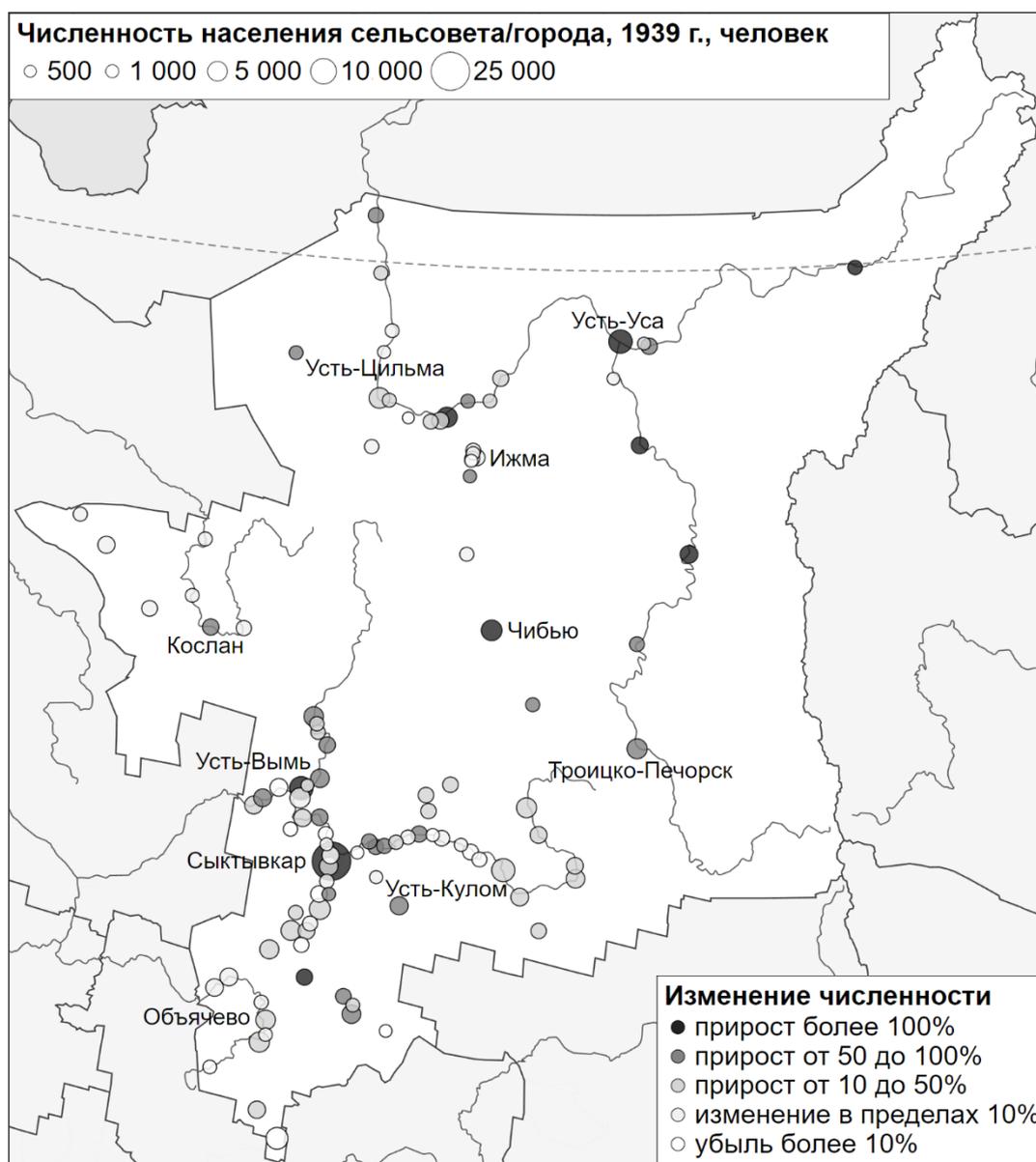

Рис. 2. Изменение численности населения сельских советов (волостей) Коми АССР в 1926–1939 гг. Составлено по: [12, 14, 16–18, 27].

Примечание. Круги расположены в местах размещения административных центров сельсоветов. Размеры кругов пропорциональны численности населения сельсоветов и г. Сыктывкара.

Рассмотрим соотношение между миграционным и естественным движением населения. Показатели интенсивности демографических процессов в изучаемый период были нестабильными. Общий коэффициент рождаемости колебался от 32,7 до 47,1, а смертности – от 19,4 до 37,2 [29, с. 29,

50]. Это объясняется комплексом факторов, среди которых низкая урожайность в отдельные годы, изменения в аграрной политике государства и правилах торговли, особенности распределения зерна, развитие здравоохранения. Почти во все годы между 1926 и 1939 гг. естественный прирост населения был положительным. Единственное исключение – 1933 г.

Косвенно оценим величину миграции. Поскольку перепись 1926 г. состоялась в конце года, а перепись 1939 г. – в начале, временной промежуток 1927–1938 гг. почти точно соответствует межпереписному периоду. За 1927–1938 гг. в регионе зафиксировано 133 980 рождений и 47 094 смерти [29, с. 27, 51]. Естественный прирост таким образом составил 47 094 чел., что вдвое меньше изменения численности населения Коми АССР по итогам переписей – 94 067 чел. Если в сельской местности естественный прирост объясняет 62,2 % изменения численности населения, то в городской – всего 8,0 %. То есть около половины общего прироста численности населения и 92 % в городских населенных пунктах стали результатами миграционного обмена. Среднегодовое сальдо миграции в этот период по приблизительным оценкам составляло 3 914 чел. И это без учета заключенных. Настоящие объемы миграционных потоков, включая принудительную миграцию, были многократно выше.

В 1926 г. (по пересчету 1938 г.) доля мужчин в населении Республики Коми составляла 45,6 %, в 1939 г. – 48,6 %, а с учетом спецпереписи НКВД – 59,5 %. Таким образом, население республики, которое было преимущественно женским после Гражданской войны, в результате создания лагерей ГУЛАГа стало преимущественно «мужским». На рис. 3 показано изменение соотношения полов между 1926 и 1939 гг. в разрезе сельсоветов. Если в 1926 г. ни в одной волости доля мужчин не превышала 50 %, то в 1939 г. таких сельсоветов стало уже 24. В трех доля мужчин превзошла даже 60 %. Преобладанием мужчин выделяются в основном сельсоветы, связанные с промышленностью: Сереговский (сользавод), Ухтинский (нефть), Абезьский (железнодорожная станция на ветке до Воркуты).

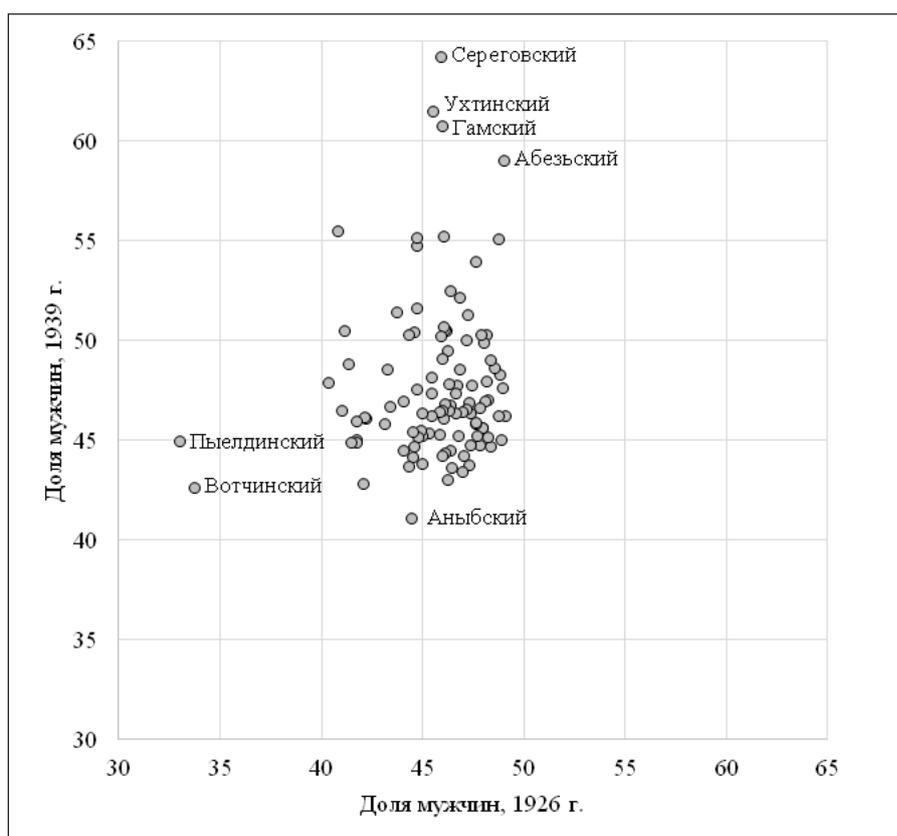

Рис. 3. Доля мужчин в Коми АССР в 1926 и 1939 гг. по сельским советам (волостям).
Составлено по: [12; 14; 17].

Возрастной состав населения тоже претерпел некоторые изменения (рис. 4). Для построения половозрастных пирамид к итогам переписи по Коми автономной области [30] было прибавлено население волостей Печорского уезда Архангельской губернии [31], вошедших позднее в состав республики. Поскольку таблицы по Печорскому уезду не содержат детализации возрастов населения от 60 лет и старше, то для получения сопоставимых данных группа 60+ была разбита на пять групп пропорционально численности всего сельского населения Архангельской губернии. Структура населения за 1939 г. приводится по итогам переписи без изменений [32].

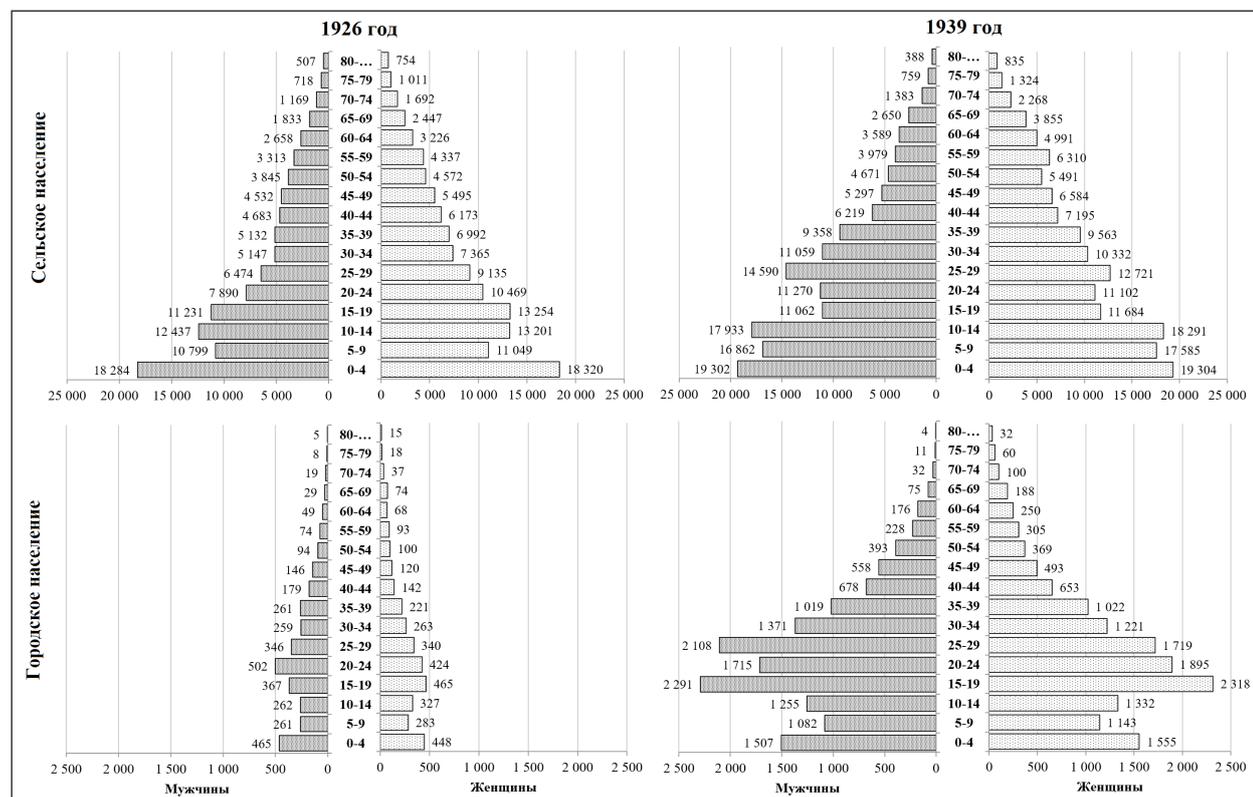

Рис. 4. Состав населения Коми АССР по полу, возрасту и типу поселения в 1926 и 1939 гг.
Составлено по: [30–32].

По форме половозрастных пирамид можно судить о стадиях демографического перехода. Крупное международное сравнительное исследование показало, что переход к устойчиво низкой рождаемости на территории Республики Коми был одним из самых поздних в Европе [33, с. 340]. Состав сельского населения в 1926 г. с очень высоким удельным весом детей до 4 лет скорее характерен для первой фазы демографического перехода, когда высокая рождаемость является естественной реакцией на высокую смертность. Сельское население в 1939 г. по форме пирамиды больше соответствует второй фазе (треугольная форма), когда сохраняется высокая рождаемость, но смертность начинает снижаться. Доля самой младшей 5-летней группы снизилась с 16,6 до 13,3 %. Большой удельный вес группы 25–29 лет, особенно среди мужчин, вероятно связан с межрегиональным миграционным приростом. Судить по форме пирамид о демографическом переходе в городском населении не представляется возможным из-за очень высокого миграционного оборота в городской местности. Можно отметить, что в 1939 г. в Сыктывкаре и рабочих поселках Коми АССР была очень высока доля населения в возрасте от 15 до 19 лет (41,3 %). Интересно, что несмотря на общее увеличение численности населения, численность мужчин от 80 лет и старше сократилась как в городской, так и в сельской местности. Высокая мужская смертность сигнализирует об огромных проблемах в материально-бытовом положении населения 1930-х гг.

Для пространственной неоднородности демографических процессов в 1920-е гг. не было экономических оснований. Сельское хозяйство оставалось основной отраслью экономики почти во всех волостях. В ходе исследования системно проведен демографический анализ всех сельских советов Коми АССР. Как было показано, к концу 1930-х гг. появились места, численность и состав населения которых кардинально изменились в результате форсированной индустриализации, привлечения рабочей силы из-за пределов региона, в том числе в ходе принудительных миграций. У демографических процессов появились ярко выраженные географические закономерности. В последующие десятилетия эта неоднородность усилилась.

Источники и литература

1. *Сметанин А.Ф.* Возникновение и развитие коми колхозной деревни / *А.Ф. Сметанин, В.В. Якоб, Г.Ф. Доброноженко, Л.И. Сурина* // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд. / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова и А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – Т. 2. – С. 373–381.
2. *Турубанов А.Н.* Индустриальный прогресс в Коми АССР / *А.Н. Турубанов, Н.М. Игнатова, Л.А. Максимова, М.Б. Рогачев, Н.И. Сурков, А.Ф. Сметанин* // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд. / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова и А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – Т. 2. – С. 381–398.
3. Коми АССР за 50 лет. – Сыктывкар: Статистическое управление Коми АССР, 1971. – 234 с.
4. Республике Коми – 90 лет. Историко-статистический сборник / В.Я. Сквозников, О.И. Конакова, Ж.А. Свириева, В.Г. Масалимова, Т.А. Шерстюкова. – Сыктывкар: Комистат, 2011. – 420 с.
5. Отчет областного исполнительного комитета автономной области Коми за 1925/26 хозяйственный год, 1927. – Усть-Сысольск, 1926. – 139 с.
6. *Безносова Н.П.* Возрастнополовая структура населения Коми автономной области (АССР) в 1920–1930-е годы / *Н.П. Безносова* // Историческая демография. – 2013. – № 1 (11). – С. 43–48.
7. *Безносова Н.П.* Итоги переписи населения 1939 г. по Коми АССР: численность и социально-демографическая структура населения / *Н.П. Безносова* // Историческая демография. – 2017. – № 1 (19). – С. 31–38.
8. *Безносова Н.П.* Перепись населения 1939 года как индикатор демографических изменений в Республике Коми / *Н.П. Безносова* // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 1. – С. 5–15. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.5.
9. *Жеребцов И.Л.* Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. / *И.Л. Жеребцов* // История Коми с древнейших времен до современности. – 2-е изд. / под общ. ред. И.Л. Жеребцова, А.А. Попова и А.Ф. Сметанина. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – Т. 2. – С. 264–271.
10. *Жеребцов И.Л.* Формирование внешних административных границ Коми автономии в XX веке: Материалы к Научным чтениям памяти академика Ю.А. Полякова «Население России: историко-демографическое измерение» (Краснодар, 23–24 сентября 2014 г.) / *И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова*. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 39 с.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года: население по возрасту, полу, народности и грамотности Автономной Коми области / Коми Областной Статистический Комитет. – Усть-Сысольск, 1928. – 190 с.
12. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 429. Л. 1–5.
13. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 989. Л. 1–69.
14. НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 990. Л. 6–71.
15. НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 253. Л. 15–22.
16. Перепись населения 1926 г. Выпуск V. Список населенных мест Вятской губернии. Халтуринский уезд. – Вятка: Вятский Губстатотдел, 1927. – 118 с.
17. Список населенных мест Коми области / Областная Плановая Комиссия. Статистический сектор. – Сыктывкар: Комиоблплан, 1930. – 123 с.
18. Список населенных пунктов Уральской области. Том I. Верхкамский округ. – Свердловск: Отдел Уралоблисполкома, Уралстатуправление и окружные исполкомы, 1928. – 85 с.
19. *Лыткина Т.С.* Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. / *Т.С. Лыткина, В.В. Фаузер* // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 1. – С. 90–109.

20. *Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. / *Н.М. Игнатова.* – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2009. – 192 с.
21. *Сквозников В.Я.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи) / *В.Я. Сквозников, И.Л. Жеребцов, В.В. Фаузер, Н.П. Безносова.* – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. – 175 с.
22. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – Москва: Наука, 1992. – 256 с.
23. *Земсков В.Н.* Массовые репрессии: заключенные / *В.Н. Земсков* // Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2000. – Т. 1: 1900–1939 гг. – С. 311–330.
24. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960. Справочник / Сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – Москва: Звенья, 1998. – 600 с.
25. *Лыткина У.В.* Демографическое развитие волостей Коми края в 1920-е гг. / *У.В. Лыткина* // Историческая демография. – 2021. – № 2. – С. 21–29. DOI: 10.19110/2304-5922-2021-2-21-29.
26. *Smirnov A.V.* Economic specialization and demographic development of settlements in the Northern region / *A.V. Smirnov, U.V. Lytkina* // Population and Economics. – 2022. – Vol. 6(2). – P. 14–34. DOI: 10.3897/poreson.6.e81561.
27. Геопортал Республики Коми / ГБУ РК «Территориальный фонд информации Республики Коми». – URL: <https://geo.rkomi.ru/viewer/>
28. *Жеребцов И.Л.* Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник / *И.Л. Жеребцов.* – Москва: Наука, 2001. – 580 с.
29. *Фаузер В.В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция / *В.В. Фаузер, Е.Н. Рожкин, Г.В. Загайнова* / Отв. ред. *И.Л. Жеребцов.* – Сыктывкар, 2001. – 124 с.
30. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Москва: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–29. – Т. 1–9 / Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_26.php.
31. ГААО. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 853. Л. 36.
32. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Таблица ф. 11. Возрастной состав населения. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 607 / Демоскоп Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php.
33. *Alter C.G.* The Evolution of Models in Historical Demography / *C.G. Alter* // The Journal of Interdisciplinary History. – 2020. – Vol. 50. – No. 3. – P. 325–362. DOI: 10.1162/jinh_a_01445.

*Н.М. Игнатова**

**Трудпоселки и спецпоселки в Коми АССР в начале 1940-х гг.
по данным дислокации****

В статье представлен анализ расселения спецпереселенцев (граждан, высланных в административном порядке из мест постоянного проживания на спецпоселения в отдаленные районы страны с ограничением права передвижения) в Коми АССР в 1941 г. на основе данных таблиц дислокации, составленных в рассматриваемый период. Таблицы дислокации, как источник, являются видом отчетной документации, содержащей сведения о расположении поселков и численности высланных.

Ключевые слова: спецпереселенцы, трудпереселенцы, Коми АССР, дислокация, трудпоселок, спецпоселок

N.M. Ignatova

**Labor settlements and special settlements in the Komi ASSR in the early
1940s. based on location data**

The article presents an analysis of the resettlement of forced migrants (citizens administratively deported from their places of permanent residence to special settlements in remote areas of the country with restrictions on the right to move) in the Komi ASSR in 1941 based on the data of deployment tables compiled during the period under review. Dislocation tables, as a source, are a type of reporting documentation containing information about the location of settlements and the number of deportees.

Key words: forced migrants, Komi ASSR, dislocation, work settlement, special settlement

В ходе принудительных миграций в Республику Коми в 1930–1940-е гг. было заселено более 100 тыс. спецпереселенцев разных категорий, высланных по административным решениям в массовом порядке. [1] Одним из источников, который позволяет проанализировать процесс расселения, являются таблицы дислокации. Таблицы дислокации содержали информацию разного уровня, в простейшем варианте включались названия поселков, район расположения и численность спецпереселенцев. В наиболее расширенном варианте таблицы по дислокации содержали более 20 пунктов, с указанием численности спецпереселенцев, в том числе по полу и возрасту, расположения спецпоселений относительно райцентра, железнодорожного полотна, транспортных пунктов, указывались также предприятия, где использовался труд высланных граждан, вид связи (письменная, телефонная), сельсовет или горсовет, в состав которого входил спецпоселок и др.

В ходе принудительных миграций в Коми автономной области в 1930–1931 гг. были расселены спецпереселенцы («бывшие кулаки»), выселенные с мест постоянного проживания в ходе коллективизации и раскулачивания. В Коми области к 1931 г. численность спецпереселенцев составила более 40 тыс. чел. [2]. В 1931 г. было организовано 46 спецпоселков [3]. К концу 1930-х гг. их число сократилось до 36, включая спецпоселок Новый Бор в Усть-Цилемском районе, который ведомственно был подчинен Воркуталагу.

* **Игнатова Надежда Максимовна** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заведующий сектором историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

С 1933 г. спецпереселенцы-«бывшие кулаки» стали именоваться «трудпоселенцы», («трудпереселенцы», «трудссылка»), а спецпоселки, в которых они проживали – «трудпоселки». В середине 1940-х гг. трудпереселенцы вновь стали называться спецпереселенцы-«бывшие кулаки». В Коми АССР в начале 1940 г. проживало 20 556 трудпереселенцев, с учетом 1 615 находящихся в Воркутлаге. Всего в СССР на 1 января 1940 г. существовало 1 690 трудпоселков, в которых было расселено 262 787 семей – 997 513 чел. трудпоселенцев, в том числе 396 037 детей до 16-летнего возраста [4].

В первом квартале 1940 г. трудпереселенцы в Коми АССР были расселены в следующих трудпоселках по районам (Прилузский: Усть-Вель, Вельдорью, Сор-ель, Прилузье, Чес-ель; Усть-Куломский: Пивью, Ындын, Лопью-Вад, Тимшор, Лечной Чер, Вежаю, Окос, Зинстан; Сто-рожевский: Боровой; Железнодорожный: Божьюдор, Мещура, Ветью, Усть-Коин, Выльбордым; Корт-керосский: Расью, Соль, Веж, Емельстан, Сапыч, Теплогорска; Сыктывдински: Ворью; Сысольский: Воквад, Воктыла (с присоединенным т/п Воквад), Рабог, Ниашор; Троицко-Печорский: Горт-ель, Сой-ю, Ичет-ди; Кожвинский: Песчанка, Пиня-из; Усть-Цилемский: Новый Бор).

В течение 1940–1941 гг. значительно увеличилась численность спецпереселенцев в Коми АССР за счет переселения спецпереселенцев-польских «осадников» и «беженцев» и переселенных в ходе эвакуации трудпереселенцев, размещенных ранее в приграничных территориях, преимущественно в Карело-Финской ССР. С 1940 г. в документации начинается деление поселков на «старые» (трудпоселки) и «новые» (спецпоселки). Под «старыми» понимались поселки, созданные в 1930–1931 гг., «новыми» назывались созданные с 1940 г. Всего в СССР в октябре 1940 г. существовало 2 217 поселков, в том числе 1 654 трудпоселка, 312 спецпоселков «осадников» и 251 спецпоселок «беженцев» [5]. Правовое положение трудпереселенцев и спецпереселенцев не отличалось, также как и статус трудпоселка и спецпоселка, оба вида были поселениями для проживания граждан, высланных в административном порядке с ограничением свободы передвижения. Поэтому в документации употреблялись объединяющие термины «спец-трудпоселки» и «спец(труд)переселенцы».

Всего за 1940 г. в Коми АССР прибыло 19 388 чел. спецпереселенцев – «осадников» и «беженцев» [6]. «Осадники» (спецпереселенцы преимущественно польской национальности) были расселены в 22 спецпоселках, в том числе 21 вновь созданных, «беженцы» (спецпереселенцы преимущественно еврейской национальности) – в 35, в том числе 29 вновь созданных. В отличие от предыдущего периода 1930-х гг., когда поселки организовывались в удалении от административного центра г. Сыктывкара, польских спецпереселенцев активно заселяли в пригороды – Максаковку, Лесозавод, Красный Затон, Дырнос, где были созданы спецкомендатуры для организации деятельности спецпоселков (табл. 1, 2).

Таблица 1

Дислокация спецпоселков спецпереселенцев-«осадников» по Коми АССР по состоянию на 1 января 1941 г.*

Район	№ пп	Поселковая комендатура и дислокация	Спецпоселок, город или с/совет в который входит спецпоселок	Человек	Расстояние от райцентра, км	Хозорганизация, где работают
Сыктывдинский	1	л/у Джепт	Джепт, Ибский с/с	580	77	Сыктывдинский ЛПХ, Комилес
	2	Лопинский л/п	Ворью**, Лопинский с/с	342	95	То же
	3	Лопинский л/п	Варышель, Ибский с/с	424	62	То же
	4	Максаковка, Максаковская запань	Максаковка, г. Сыктывкар	283	11	Максаковская запань Вычегдолеса
	5	Лесозавод, Рабочий поселок	Лесозавод***, г.Сыктывкар	715	9	Экспортлес
	6	Кряжский л/у № 2. Кряжский млп.	Кряжск, Часовский с/с	343	79	Кряжский млп, Вычегдолес
Сысольский	7	Куз-Ель, Койгородский млп.	Куз-Ель, Койгородский с/с	845	141	Койгородск млп Комилеса

Окончание табл. 1

Район	№ пп	Поселковая комендатура и дислокация	Спецпоселок, город или с/совет в который входит спецпоселок	Человек	Расстояние от райцентра, км	Хозорганизация, где работают
Усть-Вымский	8	Вогвоздино, Усть-Вымской сплавконтры	Вогвоздино, Усть-Вымский с/с	247	6	Усть-Вымская сплавконтора
Железнодорожный	9	Ветка, Кытловского млп	Ветка, Сереговский с/с	684	66	Кытловский млп, Вычегдолеса
	10	Мича-Ласта, Турьинский ЛПХ.	Мича-Ласта, Турьинский с/с	214	54	Турьинский ЛПХ, Наркомлес
Прилузский	11	Коржа, Лоемский л/п	Коржа, Лоемский с/с	493	120	Лоемский л/п, Объячевский ЛТХ
	12	Лопью, Объячевский л/п	Лопью, Объячевский с/с	481	60	Объячевский л/п, Объячевск ЛТХ
	13	Сокся, Верхолузский л/п	Сокся, Ношульский с/с	340	72	Верхолузский л/п Ношульск ЛТХ
	14	Ляпомоз, Занульский с/с	Ляпомоз, Занульский с/с	339	50	Занульский л/п, Объячевский ЛТХ
	15	Новая База, Ношульский ЛТХ.	Н.-База, Ношульский с/с	1004	45	Ношульский млп, Лузтранлес
	16	Старая База. Верхолузский л/п	Ст.База, Ношульский с/с	344	67	Верхолузский л/п Ношульский ЛТХ
	17	Горгошор, Объячевский л/п	Горгошор, Объячевский с/с	412	22	Объячевский л/п, Объячевский ЛТХ
	18	Соль, Объячевский л/п	Соль, Объячевский с/с	321	30	Объячевский л/п, Объячевский ЛТХ
	19	Якшордин, Верхолузский л/п	Якшордин Ношульский с/с	466	54	Верхолузский л/п Ношульский ЛТХ
	20	Черныш, Чернышский л/п	Черныш, Чернышск с/с	399	29	Чернышский л/п, Ношульский ЛТХ
	21	Гобшор, Ловленский л/п	Гобшор, Ловленск с/с	398	65	Ловленский Ношульский ЛТХ
22	Мутница	Мутница, Мутницкий с/с	318	136	Мутницкий л/п Комилес	
Итого				9 992		

* Здесь и далее л/у – лесоучасток, л/п – лесопункт, с/у – сплавной участок, млп – механизированный лесопункт, ЛТХ – лестранхоз, лесное транспортное хозяйство, ЛПХ – леспромхоз, лесное промышленное хозяйство, с/с – сельский совет, п. – поселок, г. – город.

** Курсивом выделены поселки, организованные в 1930–1931 гг.

*** Подчеркиванием выделены спецпоселки, в которых проживали «осадники» и «беженцы».

Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 62. Л. 119.

Таблица 2

Дислокация спецпоселков спецпереселенцев-«беженцев» по Коми АССР по состоянию на 1 января 1941 г.

Район	№ п/п	Спецпоселок, комендатура и дислокация	Спецпоселок, город или с/совет в который входит спецпоселок	Человек	Расстояние от райцентра км	Хозорганизация, где работают спецпереселенцы
Сыктывдинский	1	Нювчимский чугунолитейный завод	Нювчим, Нювчимский поселок	384	32	Нювчимск. чугунолит. завод
	2	Карнаельский л/п	Карнаель, Шошкинский с/с	297	27	Сыктывдинский ЛПХ

Район	№ п/п	Спецпоселок, комендатура и дислокация	Спецпоселок, город или с/совет в который входит спецпоселок	Человек	Расстояние от райцентра км	Хозорганизация, где работают спецпереселенцы	
Сыктывдинский	3	Затон Красный водник	Затон Красный водник, Сыктывкарский горсовет	173	16	Затон Красный Водник	
	4	Рабочий поселок Лесозавод	Лесозавод*, Сыктывкарский горсовет	226	9	Наркомлес	
	5	Сыктывкар	Стройтрест, Сыктывкарский горсовет	575	6	Наркомхоз	
	6	Кирпичный завод Рабочий поселок Дырнос	Кирпичный завод, Сыктывкарский горсовет	270	10	Управление Стройматериалами при СНК Коми АССР	
	7	Кряжский млп	Кряжск, Часовский с/с	213	79	Наркомлес	
	8	Палевицкий л/п	Пычим, Палевицкий с/с	185	71	Наркомлес	
	9	Лопинский л/у	Малая Лечь, Шиладорский с/с	339	126	Наркомлес	
	10	Мандачский л/у	Мандач Шиладорский с/с	320	134	Наркомлес	
	Корткеросский	11	Спецпоселок Расью	<i>Расью**</i> , Маджинский с/с	345	32	Наркомлес
		12	Уч. 31 квартал	31-й квартал, Маджинский с/с	436	32	Наркомлес
Сысольский	13	Обросовский л/п	Ель, Чухломский с/с	252	50	Наркомлес	
	14	Куратовский л/п	Видзью, Куратовский с/с	156	54	Наркомлес	
	15	Гогшорский л/п	Гогшор, Палаузский с/с	254	40	Наркомлес	
	16	Палаузский л/п	Иван-Чомья, Палаузский с/с	200	67	Наркомлес	
	17	Лопьинский л/п	<i>Вок-Вад</i> , Гривенский с/с	275	116	Наркомлес	
	18	Лопьинский л/п	<i>Воктыла</i> , Гривенский с/с	264	120	Наркомлес	
	19	Лопьинский л/п	<i>Рабог</i> , Ужгинский	242	130	Наркомлес	
	20	Лопьинский л/п	92-93 кв, Ужгинский	248	131	Наркомлес	
	21	Койгородский млп	8 километр, Койгородский с/с	151	135	Наркомлес	
	22	Койгородский млп	Долгая, Койгородский с/с	171	139	Наркомлес	
	23	Комский млп	Ком, Койгородский с/с	319	163	Наркомлес	
Железнодорожный	24	Кылтовский млп	Кылтово, Сереговский с/с	433	55	Наркомлес	
	25	л/п Зада	Зада. Княжпогост. с/с	152	11	Наркомлес	
	26	Елвинский и Мещурский л/п	<i>Ветью</i> , Турьинский с/с	142	64	Наркомлес	
	27	Елвинский и Мещурский л/п	<i>Божьдор</i> , Веслянский с/с	127	80	Наркомлес	
Усть-Вымский	28	л/у Борган	Мадмас, Межогский с/с	172	69	Наркомлес	
	29	л/у Башлыково	Динтом, Жешартский с/с	216	60	Наркомлес	
	30	л/у Гуа-Яг	Гуа-Яг, Гамский с/с	187	61	Наркомлес	
	31	л/у Устье-Сопью	Устье-Сопью, Гамский с/с	197	43	Наркомлес	
	32	л/у Юрумка	Коквица, Коквицкий с/с	352	12	Наркомлес	
	33	с/у Чернойарский	Черный Яр, Оквадский с/с	255	7	Наркомлес	
	34	с/у Усть-Вымской сплав-конторы	<i>Вогвоздино</i> , Усть-Вымский с/с	202	6	Наркомлес	
Итого				8730			

* Подчеркиванием выделены спецпоселки, в которых проживали и «осадники» и «беженцы».

** Курсивом выделены поселки, организованные в 1930–1931 гг.

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 62. Л. 118.

В 1941 г. в ходе эвакуации в Коми АССР прибывали в том числе трудпереселенцы, в конце 1941 г. в Коми АССР было размещено эвакуированных – 8 147 чел. (вольных граждан) и 8 410 эвакуированных трудпереселенцев [7]. В связи с эвакуацией трудпоселенцев было организовано 29 новых трудпоселков и общее число трудпоселков значительно увеличилось. На 1 февраля 1942 г. эвакуированные трудпереселенцы проживали в 36 трудпоселках, 29 из которых были вновь организованные, семь – существовавшие с начала 1930-х гг. (табл. 3).

Таблица 3

*Расселение в Коми АССР эвакуированных трудпереселенцев
из Карело-Финской ССР на 1 февраля 1942 г.*

№	Трудпоселок/Район	Человек	№	Трудпоселок/Район	Человек
1	Ворью*	43	19	Сед-шор	312
2	Мет-ель	270	20	Яран-кудья	234
3	Шиладор	152	21	Портстрой	380
4	Кряжск	210		Кожвинский	926
5	Ипатово	160	22	Коквица	226
6	Слобода	95	23	Кочмос	148
7	Судоверфь	198	24	Черныш-яр	282
	Сыктывдинский	1128	25	Башлыково	221
8	Говк	383		Усть-Вымский	877
9	Кия-ю	193	26	Божьюдор	233
10	Нам	104	27	Ветью	96
11	Веж	91	28	Усть-Коин	140
	Корткеросский	771	29	Кылтово	265
12	131 квартал	333	30	53 квартал	360
13	Центр. База	411	31	Пытырью	46
	Усть-Куломский	744		Железнодорожный	1140
14	Северная Мыльва	190	32	Воквад	73
15	Кочиль	163	33	Ниашиор	209
16	Кодач	205	34	Гагшор	241
17	Дугово	158	35	Ель	237
18	Лья-ди	97	36	Коин	131
	Троицко-Печорский	813		Сысольский	891
	Всего по Коми АССР				7290

*Курсивом выделены поселки, организованные в 1930–1931 гг.

Составлено по: Национальный архив Республики Коми. ФП.-1. Оп. 3. Д. 775. Л. 73.

Таблица по дислокации трудпоселков на 1 января 1942 г. включает данные по всем трудпоселкам, в том числе вновь созданным для эвакуированных из Карело-Финской ССР спецпереселенцев. Представленные сведения дают информацию о расстоянии трудпоселков до районных центров и административного центра (г. Сыктывкар), включенность в сельсоветы, трудоустройство и численность трудпереселенцев. Самыми удаленными от административного центра были трудпоселки Кожвинского и Троицко-Печорского районов, расположенные на расстоянии 500–700 км. К сельсоветам с самой насыщенной концентрацией трудпоселков относились Ношульский (Прилузский р-он), Веслянский (Железнодорожный р-он) и Мординский (Корткеросский р-он). Без учета трудпоселков Воркутлага в Коми АССР в начале 1942 г. было дислоцировано 63 трудпоселка (табл. 4).

Представленные в табл. 4 сведения не включают информацию по трудпоселку Новый Бор, вследствие другой ведомственной его принадлежности. По данным дислокации поселка на 1 января 1940 г. указывалось, что трудпоселок Новый Бор Воркутпечлага НКВД расположен в 165 км от районного административного центра с. Усть-Цильма, расстояние до ближайшей ж/д станции Архангельск 1150 км, до пристани Новый Бор два км, проживает 1 622 чел., труд которых используется на предприятии «Маслосовхоз Новый Бор Воркутпечлага НКВД» [8].

Дислокация труднопоселков в Коми АССР на 1 января 1942 г.

№	Наименование адм. района или города	Наименование труднопоселков	В какой сельсовет входит и расстояние до него	Кол-во человек	Место расположения трудпоселка				Каким хозорганизациям переданы трудпоселенцы для трудоустройства
					Расстояние в км от районного адм. центра	Расстояние в км от ближайшей ж/д станции или водной пристани	Расстояние в км от поселка до районной комендатуры	Расстояние в км от трудпоселка до ОИТК* (г. Сыктывкар)	
1	Прилузский район	Усть-Вель	Ношульский с/с, 27 км	206	54	78	54	276	Лузгранлес
2		Вельдорью	Ношульский с/с, 35 км	310	63	75	63	288	Тоже
3		Сор-ель	Ношульский с/с, 39 км	243	65	65	65	290	Тоже
4		Прилузье	Ношульский с/с, 44 км	484	70	60	70	294	Тоже
5		Чес-ель	Ловлинский с/с, 6 км	260	65	86	65	288	Тоже
	Итого			1503					
6	Усть-Куломский район	Пивью	Усть-Куломский с/с, 56 км	430	56	56	56	245	Коми-лес
7		Бьндын	Усть-Немский с/с, 36 км	489	116	116	116	312	Тоже
8		Лопью-Вад	Мьелдинский с/с, 20 км	455	120	120	120	390	Тоже
9		Тимшор	Пожегодский с/с, 33 км	352	88	88	88	277	Тоже
10		Лесной Чер	Вольдинский с/с, 34 км	316	130	130	130	320	Тоже
11		Вежаю	Вольдинский с/с, 54 км	541	150	688	150	348	Тоже
12		Окос	Вочевский с/с, 38 км	245	78	596	78	276	Тоже
13		Зинстан	Керчемский с/с, 28 км	535	88	606	88	286	Тоже
14		131 квартал	Мьелдинский с/с, 28 км	333	128	450	128	318	Тоже

№	Наименование адм. района или города	Наименование трудпоселков	В какой сельсовет или горсовет входит и расстояние до него	Кол-во человек	Место расположения трудпоселка				Расстояние в км от трудпоселка до районной комендатуры (г. Сыктывкар)	Каким хозяйством переданы трудпоселенцы для трудоустройства
					Расстояние в км от районного адм. центра	Расстояние в км от ближайшей ж/д станции или водной пристани	Расстояние в км от полотно ж/д	Расстояние в км от трудпоселка		
15	Усть-Куломский район	Центральная База	Усть-Немский с/с, 3 км	411	85	85	603	85	300	Тоже
	Итого			4107						
16	Сторожевский район	Боровой	Нившерский с/с, 40 км	355	111	111	Не указано	111	211	Комилес
17	Железнодорожный район	Божьюдор	Веслянский с/с, 20 км	1271	97	97	97	97	230	Вычедолес
18		Мещура	Веслянский с/с, 45 км	424	105	105	105	105	256	Тоже
19		Ветью	Турынский с/с, 20 км	1180	52	52	52	52	201	Тоже
20		Усть-Коин	Веслянский с/с, 38 км	827	86	86	86	86	239	Тоже
21		Вильордым	Княжпогостский с/с, 23 км	546	24	24	24	24	165	Тоже
22		Кылтово	Сереговский с/с, 16 км	265	54	48	48	48	118	Тоже
23		53 квартал	Княжпогостский с/с, 12 км	360	12	7	7	7	140	Тоже
24		Пытырю	Веслянский с/с, 28	46	92	92	92	92	235	Тоже
	Итого			4919						
25	Корткеросский район	Расью	Мординский с/с, 21 км	805	31	24	184	31	80	Комилес
26		Соль	Лопыдинский с/с, 26 км	240	131	131	192	131	179	Тоже
27		Веж	Лопыдинский с/с, 26 км	467	140	140	300	140	188	Тоже
28		Емельстан	Мординский с/с, 47 км	230	124	124	284	124	172	Тоже

Продолжение табл. 4

№	Наименование адм. района или города	Наименование трудпоселков	В какой сельсовет входит и расстояние до него	Кол-во человек	Место расположения трудпоселка				Каким хозорганизациям переданы трудпоселенцы для трудоустройства
					Расстояние в км от районного адм. центра	Расстояние в км от ближайшей ж/д станции или водной пристани	Расстояние в км от полотно ж/д	Расстояние в км от трудпоселка до районной комендатуры (г. Сыктывкар)	
29	Корткеросский район	Сапыч	Мординский с/с, 21 км	402	93	93	253	141	Тоже
30		Теплогорка	Мординский с/с, 37 км	346	112	112	272	160	Тоже
31	Корткеросский район	Певк	Мординский с/с, 42 км	383	120	120	273	168	Тоже
32		Кия-Ю	Корткеросский с/с, 12 км	193	12	12	153	65	Тоже
33		Нам	Лопыдинский с/с, 5 км	104	103	103	255	151	Тоже
	Итого			3170					
34	Сыктывдинский район	Ворью	Ловлинский с/с, 25 км	482	95	45	246	100	Промсоюз
35		Мет-ель	Ловлинский с/с, 25 км	270	86	45	246	92	Комилес
36	Корткеросский район	Шиладор	Шиладорский с/с, 9 км	152	120	61	89	114	Комилес
37		Кряжск	Часовский с/с, 17 км	210	65	65	65	65	Вычегдолес
38	Корткеросский район	Ипатово	Прокопьевский с/с, 20 км	160	35	75	75	70	Коминаркомлес
39		Слобода	Слободской с/с, 20 км	95	31	120	120	22	Промсоюз
40	Корткеросский район	Судоверфь	Выльгортский с/с, 15 км	198	15	9	Не указано	9	Судоверфь
		Итого			1567				
41	Сыктывдинский район	Воквад	Гривенский с/с, 16 км	1360	116	216	381	216	Комилес
42		Рабог	Ужгинский с/с, 20 км	433	128	228	380	228	Тоже

Продолжение табл. 4

№	Наименование района или города	Наименование трудпоселков	В какой сельсовет или горсовет входит и расстояние до него	Кол-во человек	Место расположения трудпоселка				Расстояние в км от трудпоселка до районной комендатуры (г. Сыктывкар)	Расстояние в км от трудпоселка до ОИТК* (г. Сыктывкар)	Каким хозорганизациям переданы трудпоселенцы для трудоустройства
					Расстояние в км от районного адм. центра	Расстояние в км от ближайшей ж/д станции или водной пристани	Расстояние в км от полотно ж/д	Расстояние в км от трудпоселка			
43	Сысольский район	Ниашор	Палаузский с/с, 16 км	1327	355	155	295	355	135	Тоже	
44		Гагшор	Палаузский с/с, 10 км	241	50	160	261	50	150	Тоже	
45		Ель	Чухломский с/с, 12 км	237	44	105	295	44	105	Тоже	
46		Ком	Койгородский с/с, 30 км	131	154	254	364	154	254	Тоже	
	Итого			3729							
47	Троицко-Печорский район	Гортель	Подчерский с/с, 5 км	444	270	Не указано	Не указано	270	675	Точильная фабрика	
48		Сой-Ю	Савиноборский с/с, 13 км	493	186	Не указано	Не указано	186	591	Коминаркомлес	
49		Ичет-ди	Савиноборский с/с, 20 км	738	193	Не указано	Не указано	193	598	Тоже	
50		Дутово	Савиноборский с/с, 40 км	158	213	Не указано	100	213	596	Тоже	
51		Лья-ди	Тр.-Печорский с/с, 25 км	97	25	25	517	25	450	Тоже	
52		Кочиль	У.-Илычский с/с, 45 км	163	85	85	577	85	510	Тоже	
53		Северная Мылва	Тр.-Печорский с/с, 120 км	190	120	120	612	120	388	Тоже	
54		Кодач	Тр.-Печорский с/с, 20 км	205	20	20	Не указано	20	445	Тоже	
	Итого			2488							
55	Усть-Вымский район	Коквица	Коквицкий с/с, 7 км	226	14	1	35	14	83	Вычетдлес	
56		Кочмос	Гамский с/с, 13 км	148	59	3	24	59	156	Тоже	

№	Наименование адм. района или города	Наименование трудпоселков	В какой сельсовет входит и расстояние до него	Кол-во человек	Место расположения трудпоселка				Каким хозорганизациям переданы трудпоселенцы для трудоустройства	
					Расстояние в км от районного адм. центра	Расстояние в км от ж/д станции или водной пристани	Расстояние в км от ближайшей ж/д станции или водной пристани	Расстояние в км от поселка до районной комендатуры (г. Сыктывкар)		Расстояние в км от трудпоселка до ОИТК* (г. Сыктывкар)
57	Усть-Вымский район	Черный Яр	Оквадский с/с, 4 км	282	7	3	25	7	38	Тоже
58		Башлыково	Жешартский с/с, 4 км	221	65	1	10	65	168	Тоже
	Итого			877						
59	Кожвинский район	Песчанка	Кожвинский с/с, 12 км	724	22	14	14	22	622	Коми-нарком-лес
60		Пиня-из	Войский с/с, 2 км	712	120	120	120	120	720	Точильная фабрика
61		Сед-шор	Соколовский с/с, 8 км	312	45	35	35	45	645	Коми-нарком-лес
62		Яран-Курья	Конецборский с/с, 28 км	234	32	38	38	32	634	Тоже
63		Портстрой	Кожвинский с/с, 13 км	380	Не указано	13	13	Не указано	600	Порт
	Итого			2362						
	Всего			25077						

* Отдел исправительно-трудовых колоний.
Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 120. Л. 122.

Таким образом, в 1941 г. в Коми АССР существовало 110 специальных поселений (труд-спецпоселков), в которых были размещены трудпереселенцы («бывшие кулаки»), высланные в 1930-е гг., польские «осадники» и «беженцы» и эвакуированные из приграничных районов трудпереселенцы. Разные категории высланных на спецпоселения селили, как правило, отдельно, как от местного населения, так и от других категорий, поэтому организовывались новые поселения, но в некоторых поселках проживали одновременно «осадники», «беженцы» и эвакуированные трудпереселенцы, как в спецпоселке Кряжск Сыктывдинского района. В поселках Божьюдор, Ветью, Усть-Коин Железнодорожного района и Вокавд Сысольского района в 1941 г. проживали трудпереселенцы, высланные в 1930-е гг., и также были размещены эвакуированные в 1941 г. трудпереселенцы, «осадники» и «беженцы». В дальнейшем, несмотря на уменьшение численности трудпереселенцев в связи с мобилизацией на фронт и частичным освобождением и выездом польских переселенцев за пределы республики, размещение новых категорий спецпереселенцев приведет к концу 1940-х гг. к росту более чем в три раза числа специальных поселений в Коми АССР. Число поселков, кварталов и лесочастьков, где будут расселены спецпереселенцы, на 1 января 1949 г. составит более 350 пунктов [9].

Источники и литература

1. Подробнее см.: *Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. / *Н.М. Игнатова.* – Сыктывкар, 2009. – 192 с.
2. НАРК. Ф.Р.-148. Оп. 1. Д. 576. Л. 121.
3. НАРК. Ф.Р.-144. Оп. 1. Д. 1575. Л. 25, 46.
4. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 62. Л. 4.
5. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 62. Л. 23–25.
6. НАРК. Ф.Р.-605. Оп. 4. Д. 68. Л. 49.
7. НАРК. Ф.П.-1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 91. Л. 21.
9. *Игнатова Н.М.* Архивные данные по всесоюзному переучету выселенцев и спецпоселенцев 1949 г. / *Н.М. Игнатова* // Историческая демография. – 2018. – № 1 (21). – С. 114–136.

А.А. Попов*

Влияние расселенческих факторов на социально-культурное положение территориальной общности «село, деревня» в регионах Европейского Севера России (1950–1980-е гг.)**

В статье осуществлен сравнительный анализ систем сельского расселения в регионах Европейского Севера России и их воздействие на социально-культурное развитие северного села в период так называемой «политики неперспективных деревень».

Ключевые слова: Европейский Север, Архангельская область, Вологодская область, Республика Карелия, Республика Коми, структура сельского расселения, социально-культурное обслуживание, 1950–1980-е гг.

A.A. Popov

The Influence of Settlement Factors on the Socio-Cultural Situation of the Territorial Community «Village, Village» in the Regions of the European North of Russia (1950s – 1980s)

The article provides a comparative analysis of rural settlement systems in the regions of the European North of Russia and their impact on the socio-cultural development of the northern village during the so-called «policy of unpromising villages».

Key words: European North, Arkhangelsk region, Vologda region, Republic of Karelia, Republic of Komi, structure of rural settlement, social and cultural services, 1950s–1980s.

Анализируя процессы в системе сельского расселения Европейского Севера под углом зрения их воздействия на социально-культурное положение села, целесообразно выделить два аспекта этой проблемы. Первый состоит в том, чтобы учитывать расселенческие процессы на всей территории. В частности, имеются в виду процессы промышленного освоения, развития сети городских поселений, урбанизации. Можно обозначить эти процессы как «внешний» фактор воздействия на сельское расселение. Второй аспект – это процессы, которые происходили непосредственно в самой системе сельского расселения. Условно их можно обозначить как «внутренний» фактор воздействия на социальное развитие села.

Что касается «внешнего» фактора, то следует иметь в виду, что Европейский Север в рассматриваемый период являлся районом исключительно интенсивного промышленного освоения. В связи с этим отметим, что на обширной территории Европейского Севера процессы урбанизации проходили неравномерно. Так, в Архангельской и Вологодской областях, Карелии по сравнению с Коми АССР они начались гораздо раньше в силу более интенсивного индустриального развития этих районов в более ранний (довоенный) период. Например, в 1940 г. в Коми АССР имелся всего один город (столица) и два рабочих поселка городского типа, городское население составляло лишь 2 %. В 1975 г. их число составило соответственно 7 и 45, а численность городского населения за 1939–1976 гг. выросла с 39 тыс. до 730 тыс. чел., или в 18,7 раза, тогда как в Карелии лишь в 3,7 раза.

В целом по Европейскому Северу удельный вес городского населения за этот же период повысился с 39,3 до 75,7 % [1]. В 1980-е гг. сельское население в Карельской и Коми республиках со-

* **Попов Александр Александрович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

ставляло менее четверти всего населения, в Архангельской и Вологодской областях – менее трети. Отражением бурно протекавших в эти годы на Севере процессов урбанизации является и тот факт, что если в 1959 г. минимальная доля аграрного населения (среди всего сельского населения) в Нечерноземной зоне РСФСР была характерна для Карелии и составляла 19,4 %, то в 1970 г. по этому показателю на первое место вышла Коми республика, где доля аграрного населения составляла всего 11,6 % [2]. Процесс хозяйственного освоения в регионе сопровождался развитием всех видов транспортного сообщения: железнодорожного, воздушного, речного, автомобильного. Например, в Коми АССР, районе наиболее интенсивного нового промышленного освоения, только за 1960–1975 гг. сеть автодорог с твердым покрытием увеличилась в 4,5 раза, составив 1347 км.

Все это, несомненно, способствовало более интенсивному общению сельского населения с городскими центрами, хотя доступность центров общественного обслуживания для них оставалась еще крайне ограниченной. В Коми республике возникшие в 1950–1970-е гг. агломерации вокруг новых городских поселений связывали всего около 60 населенных пунктов, включая сельские. Территория, занимаемая этими группами, составляла лишь немногим более 17,4 тыс. кв. м (4 % всей территории) [3]. Несомненно также и то, что значительную часть трудовых ресурсов в ходе промышленного освоения составили мигранты из аграрной подсистемы региона Европейского Севера.

Анализ процессов, происходивших непосредственно в системе сельского расселения по республикам и областям Европейского Севера, показывает, что в системе расселения (относительно РСФСР) в целом было больше общего, чем отличий. Однако она имела свои региональные и внутрирегиональные особенности, которые в свою очередь оказывали существенное влияние на практику культурного строительства, формирование системы социально-культурного обслуживания в каждом конкретном административно-территориальном образовании.

По всему региону Европейского Севера за период 1960–1970-х гг. произошло значительное сокращение числа сельских поселений. В основном оно происходило за счет ликвидационной политики, так как административные преобразования были минимальные. Правда, способы этой политики и, следовательно, реконструкции расселения были разными. В Архангельской и Вологодской областях достаточно широко практиковалось наряду с другими «сселение», тогда как в Коми и Карелии, как правило, «ограничение к дальнейшему развитию». Несомненно, что во всем регионе сыграла свою роль и самоликвидация мелких поселений за счет стихийной миграции населения. Так, за межпереписной период 1959–1979 гг. число сельских поселений в Коми АССР сократилось с 1 601 до 780, в Карелии – с 1 553 до 742, в Вологодской области – с 12 442 до 8 583 [4]. Процесс сокращения поселенческой сети сопровождался значительным сокращением сельского населения. Лишь в Коми АССР наблюдался рост его численности в 1960-е гг. Это привело к повсеместному снижению плотности сельского населения.

Сокращение поселенческой сети более интенсивно шло в Коми и Карелии. Отсюда более выраженное снижение там густоты сельских поселений (табл. 1). При меньшей интенсивности оттока населения в города людность поселений здесь возросла, причем в Коми довольно значительно (табл. 2). Напротив, в Архангельской и Вологодской областях продолжался процесс измельчения поселенческой сети, при этом людность поселений в Вологодской области начала даже снижаться. Таким образом, в республиках региона имелась тенденция к относительной крупноселенности, тогда как в областях доминирующей оставалась мелконаселенность. Последнее объясняется тем, что не только в 1960–1970-е гг., но и в предшествующий период здесь более интенсивно шел процесс сокращения мельчайших поселений, которые являлись базой для пополнения средних и крупных, в 1960–1970-е гг. начался процесс разукрупнения и средних поселений, что в итоге и определило тенденцию к так называемому «самовосстановлению» структуры поселенческой сети.

Обратимся к тому, какое воздействие оказывали поселенческие системы на социально-культурное состояние села. Специалистами в качестве критерия связанности поселенческой сети, которая обеспечивает развитие сельской территории как единого целого, рассматривается густота поселений, которая влияет на характер социальной освоенности территории. При этом минимальный порог густоты поселений определяется примерно в 120–140 поселений на 10 тыс. кв. м территории [5]. Если исходить из этого параметра, то данный критерий не выдерживался нигде за исклю-

чением Вологодской области (табл. 1). Плотность размещения поселений играет значение как для социально-экономического, так и для социально-культурного состояния села. Чем она выше, тем интенсивнее межселенные взаимообслуживающие функции поселений. В регионе это характерно более всего для Вологодской области и в какой-то мере для Архангельской (с учетом относительной развитости транспортной сети).

Таблица 1

*Плотность сельского населения, густота сельских поселений
в республиках и областях Европейского Севера РСФСР*

Показатели	Средняя плотность сельского населения (на 1 кв. км)		Средний показатель густоты сельских поселений (на 10 тыс. кв. м)	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Архангельская обл.	1,0	0,8	117,9	89,5
Вологодская обл.	5,9	4,7	853,9	691,0
Карельская АССР	1,4	1,3	90,1	62,0
Коми АССР	0,8	0,9	38,5	25,4
РСФСР	3,3	2,9	172,2	127,0
Нечерноземная зона РСФСР	8,0	6,3	638,7	504,6

Источник: Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. – Москва, 1975. – С. 23–24.

Таблица 2

*Средняя людность сельских поселений
в республиках и областях Европейского Севера РСФСР*

Показатели	1959 г.	1979 г.
Архангельская обл.	82	99
Вологодская обл.	68	64
Карельская АССР	155	219
Коми АССР	207	415

Источники: Сельские населенные пункты Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). Стат. сб. – Сыктывкар, 1990. – С. 2–3; Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. – Петрозаводск, 1988. – С. 8, 22, 27; Вологодская область в цифрах. Стат. сб. – Вологда, 1991. – С. 13; Государственный архив Архангельской области. Ф. 1892. Оп. 5. Д. 75. Л. 2–4.

В условиях, когда непосредственная обслуживающая роль городов на Севере минимальна (хотя и постоянно возрастает), самостоятельную роль играют локальные системы расселения. При этом центрами обслуживания являются сами сельские населенные пункты. Например, в какой-то степени в Вологодской и еще в меньшей мере Архангельской областях такую роль играли районные центры (многие из них являлись городскими поселениями), но, как правило, на всей территории региона эта роль отводилась центрам сельсоветов. Особенно это характерно для Коми, в определенной степени для Карелии. Так, в Коми средняя людность поселения была самой высокой – более 400 чел. в 1979 г. Здесь же в крупных поселениях с числом жителей более 1 тыс. чел. (9,5 % всех поселений) проживало 37,4 % населения (в Карелии соответственно 4,4 и 30,1 %). Для сравнения эти показатели составляли: в Вологодской области 0,6 и 20,3 %, Архангельской – 1,3 и 26,3 %. Такая же картина и для поселений с числом жителей более 500 чел.

Таким образом, если исходить из того, что с понижением плотности населения и плотности поселений возрастает необходимость в обеспечении минимальным набором социально-культурных услуг непосредственно в самих локальных системах расселения, то поляризация пройдет между сложившимися на практике системами культурно-бытового обслуживания, с одной стороны, в Архангельской и Вологодской областях, с другой – в Коми и Карельской АССР. В литературе по вопросам социально-демографического развития села отмечается зависимость характера системы обслуживания от степени освоенности территории, Чем она выше, тем выше уровень специализации предприятий обслуживания, дифференцированнее обслуживающие функции городов, а, следовательно, сфера обслуживания приобретает все более «открытый» характер, взаимосвязывая группу

населенных мест в единую систему. И, наоборот, в условиях низкой освоенности территории характерен «закрытый» тип системы обслуживания, рассчитанный уже, как правило, на одно поселение (или очаг поселений), возрастает универсальность учреждений соцкультбыта и реже используются наиболее квалифицированные виды обслуживания [6]. В практике культурного строительства в рассматриваемый период тенденции развития так называемого «открытого» типа системы обслуживания характерны для всех областей и республик Европейского Севера (рост городских поселений, урбанизация, налаживание межселенных форм обслуживания). Однако для Коми АССР преобладающим оставался еще «закрытый» тип, для Карелии – сочетание обоих видов, для Архангельской и особенно Вологодской областей доминирующим становился все более «открытый» тип социально-культурного обслуживающего комплекса. Это в свою очередь определяло особенности в культурной политике и практике культурного строительства в областях и республиках региона.

Выделить региональные (относительно страны в целом) и внутрирегиональные особенности воздействия на социально-культурное положение северного села такого фактора, как исторически сложившаяся и реконструируемая в 1960–1980-е гг. система сельского расселения, возможно на основе данных итогового сводного типологического анализа социального развития села, который осуществлен по 130 областям, краям и республикам СССР коллективом ученых (экономистов и социологов) Москвы и Новосибирска под руководством Т.И. Заславской и М.Б. Мучника на информационной базе Всесоюзной переписи населения 1970 г. [7]. Построение интересующих нас показателей (освоенность территорий; людность поселений; транспортная доступность центров обслуживания – городов и райцентров; плотность и мощность сети учреждений соцкультбыта; обеспеченность ими сельских поселений и населения услугами; миграционный отток населения) осуществлялось путем ранжирования по уровню социально-культурного развития села, относительно достигнутого в целом по стране. Было избрано пять основных ранговых показателей оценки социально-культурного состояния села: «очень низкий», «низкий», «средний», «высокий», «очень высокий». Была проведена соответствующая выборка по региону Европейского Севера СССР (Коми и Карельская АССР, Архангельская и Вологодская области), данные выборки сгруппированы нами в табл. 3.

Таблица 3

*Социально-культурные характеристики села на Европейском Севере СССР
(региональный типологический анализ по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г.)*

Показатели	Коми АССР	Карельская АССР	Архангельская область	Вологодская область
Освоенность территории	2	2	2	3
Людность поселений	3	3	2	1
Транспортная доступность центров обслуживания (городов, райцентров)	1	2	2	3
Миграционный отток населения	3	5	5	5
Плотность сети учреждений обслуживания	1	1	1	1
Обеспеченность поселений учреждениями обслуживания	3	2	1	1
Мощность учреждений обслуживания	3	2	2	2

Источники: Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской и М.Б. Мучника. – Москва, 1980. – С. 168, 170, 178, 179, 182, 183, 188, 192, 193, 199, 200, 201, 332, 339.

Примечание: Оценка рангов: 1 – «очень низкий», 2 – «низкий», 3 – «средний», 4 – «выше среднего», 5 – «высокий».

Их анализ показывает, что значительная часть территории Европейского Севера, кроме Вологодской области, характеризуется низким уровнем хозяйственного и социально-культурного освоения. В этих условиях транспортная доступность центров обслуживания для сельских жителей оказывается самой низкой в Коми АССР, несколько выше она в Карелии и Архангельской области и находится на среднем уровне в Вологодской области. Система сельского расселения различается

в них и по размерам поселений: более компактно проживает население в Коми и Карелии и менее в Архангельской и Вологодской областях, где уровень людности поселений соответственно «низкий» и «очень низкий», а характер расселения преимущественно дисперсный. Это подтверждается и такими данными, как среднее число поселений, приходящихся на один совхоз: в Коми и Карелии оно составляло 9–10, а в Архангельской и Вологодской областях – 29–30. Понятно отсюда в целом невысокая плотность размещения культурно-бытовых учреждений, характерная для всего региона. В этих условиях наблюдается различная мощность учреждений обслуживания и обеспеченность ими поселений. Более высокий уровень по этим показателям в Коми АССР, «низкий» и «очень низкий» – на остальной части региона. Это подтверждает уже отмеченную особенность, а именно: более «закрытый» характер системы обслуживания в Коми республике. Об этом убедительно свидетельствуют и данные единовременных обследований Статуправления Коми АССР в 1970 и 1974 гг. (табл. 4, 5).

Выделяются различия и по уровню миграционного оттока. Выше среднего он в Карелии, Архангельской и Вологодской областях, на уровне «среднего», т.е. значительно ниже в Коми АССР. В первом случае значительное влияние, видимо, оказывает более высокая доступность центров обслуживания. В условиях мелконаселенности (а, следовательно, отсутствия на местах многих видов обслуживания) контакты сельского населения с городскими центрами возрастают, а следовательно возрастает и их притягательная сила, что стимулирует миграцию. Безусловно, сказалась и ликвидационная политика «неперспективных» деревень. Определенное влияние на сравнительно невысокий миграционный отток из села в Коми АССР, видимо, оказывает меньшая подвижность сельского населения коренной национальности (коми). Конечно, речь идет об относительных показателях в региональном разрезе, а применительно к местным условиям эта проблема везде имела исключительно острый характер.

Таблица 4

Группировка сельских поселений по отдаленности от центров обслуживания и путей сообщения (Коми АССР, 1970 г.)

Показатели	Число поселений	В них населения, тыс. чел.	В % к итогу	
			по числу поселений	по числу населения
Всего поселений	955	337,1	100,0	100,0
Из них на расстоянии (км):				
<u>От райцентра</u>				
до 5	63	57,8	6,6	17,1
6–25	154	46,3	16,1	13,8
26–50	239	66,7	25,0	19,8
более 50	499	166,3	52,3	49,3
<u>От сельсовета</u>				
до 5	483	228,1	50,6	67,7
6–10	185	43,5	19,4	12,9
более 10	287	65,5	30,0	19,4
<u>От железной дороги</u>				
до 10	120	57,6	12,6	17,1
11–25	36	11,7	3,8	3,5
26–50	87	27,0	9,1	8,0
51–100	211	63,1	22,1	18,7
более 100	501	117,7	52,4	52,7
<u>От автобусной остановки</u>				
до 5	408	160,6	42,7	47,7
6–10	63	15,0	6,6	4,4
более 10	484	161,5	50,7	47,9

Источник: Архив Госкомстата Республики Коми. Д. Данные о наличии культурно-бытовых учреждений в сельских населенных пунктах Коми АССР в 1970 г. – Л. 48–55.

*Обеспеченность сельских поселений Коми АССР
культурно-просветительскими учреждениями (на 1 января 1974 г.)*

Показатели	Всего поселений	В том числе с населением, чел.					
		до 50	51–100	101–300	301–500	501–1000	Свыше 1000
Общее число поселений	922	172	156	282	128	135	49
В них населения	282 795	4 379	11 519	51 100	49 739	90 679	75 379
В том числе населенные пункты не имеющие:							
1. Массовых библиотек	574	171	143	207	45	18	–
В них населения	91 093	4 357	10 962	36 146	17 223	12 405	–
2. Клубов	476	170	133	131	24	16	2
В них населения	57 934	4 312	9 513	20 995	9 530	10 875	2 709
3. Ни клубов, ни массовых библиотек	404	170	120	103	6	5	–
В них населения	34 488	4 312	8 472	15 813	2 359	3 532	–

Источник: Архив Госкомстата Республики Коми. Д. Единовременное обследование Статуправления Коми АССР в 1974 г.

Отметим, что по результатам проведенного нами в 1978–1979 гг. социологического исследования, из числа опрошенных сельских жителей Коми республики 8,7 % выразили стремление к перемене места жительства, т.е. были ориентированы на переезд в город, и еще 16,1 % не сумели дать определенный ответ по этому поводу. Среди опрошенных, утвердительно ответивших на вопрос о переезде из села в город, примечательно, что в качестве причин отметили неудовлетворенность: оплатой труда – 38,6 %, характером работы – 40,9 %, организацией труда – 46,5 % и, что важно, культурно-бытовыми условиями – 59,1 % (сумма ответов превышает 100 %, так как можно было указать на несколько причин) [8].

В заключение также необходимо обратить внимание еще на одну особенность: степень охвата стационарными формами обслуживания периферии поселенческой системы. По сходным в целом ситуациям, но имевшим место в разных условиях (т.е. в различных по структуре поселенческих системах), например, в Вологодской области и Коми АССР применялись разные способы их разрешения. Если в условиях расселения Вологодской области ставился вопрос о преимущественной рентабельности передвижных форм обслуживания в условиях более развитых межселенных связей, то в условиях более «закрытого» типа обслуживания Коми АССР в большей степени практиковалось развертывание сети учреждений обслуживания непосредственно на местах.

Таковы особенности реконструкции сельского расселения на Европейском Севере России во II половине XX в. и их воздействие на социально-культурное состояние территориальной общности «село, деревня».

Источники и литература

1. Добров В.В. Хозяйственное освоение и заселение территории Европейского Севера за 60 лет Советской власти / В.В. Добров, И.П. Покровская // Вопросы истории Европейского Севера. Межвуз. науч. сб. – Петрозаводск, 1978. – С. 144.
2. Староверов В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма / В.И. Староверов. – Москва, 1978. – С. 302.
3. Особенности градостроительного освоения северных районов (на примере Коми АССР). – Ленинград, 1976. – С. 55–57, 187.
4. Коми АССР за 50 лет. Стат. сб. – Сыктывкар, 1967. – С. 11–12; Основные итоги переписи населения 1979 года по Коми АССР. Стат. сб. – Сыктывкар, 1979. – С. 11–12; Народное хозяйство Карельской АССР. Стат. сб. – Петрозаводск, 1985. – С. 8; Вологодская область в цифрах. Стат. сб. – Вологда, 1991. – С. 13; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. / М.А. Безнин. – Москва–Вологда, 1991.

– С. 32–34; *Клементьев Е.И.* Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы / *Е.И. Клементьев.* – Петрозаводск, 1988. – С. 8, 22, 27.

5. См.: Социально-экономическое развитие сибирского села / Под ред. Т.И. Заславской, З.В. Куприяновой. – Новосибирск, 1987. – С. 365.

6. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ. – Москва, 1980. – С. 162.

7. Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ. – Москва, 1980. – С. 60.

8. Попов А.А., Сметанин А.Ф. Социально-культурный облик сельского населения Коми АССР (60–70-е годы). – Сыктывкар, 1986.

УДК 314.148:911.37(470.13)

А.П. Обедков*

Тенденции изменения численности и структуры населения города Сыктывкара в постсоветский период**

Представлен анализ демографических процессов, динамики численности и движения населения города Сыктывкара в постсоветский период с 1992 по 2022 г. Рассмотрены особенности формирования Сыктывкарской городской агломерации. Раскрыты тенденции изменения половой и возрастной структуры населения, ситуации рынка труда и занятости в городской экономике, этнической структуры и религиозного состава населения города Сыктывкара.

Ключевые слова: демографический потенциал, динамика численности населения, тип воспроизводства населения, естественное движение населения, возрастная и половая структура населения, структура занятых в экономике, этническая структура населения, религиозный состав населения, межнациональное согласие, национально-культурная автономия, город Сыктывкар, городское население, городская агломерация, постсоветский период

A.P. Obedkov

Trends in the number and structure of the population of Syktyvkar in the post soviet period

The analysis of demographic processes, dynamics of the number and movement of the population of Syktyvkar in the post-Soviet period is given the period from 1992 to 2022. The features of the formation of Syktyvkar urban agglomeration are considered. The trends of changes in the gender and age structure of the population, the situation of the labor market and employment in the urban economy, the ethnic structure and religious composition of the population of Syktyvkar are revealed.

Key words: demographic potential, population dynamics, type of population reproduction, natural population movement, age and sex structure of the population, structure of employed in the economy, ethnic structure of the population, religious composition of the population, interethnic consent, national-cultural autonomy, Syktyvkar city, urban settlement, urban agglomeration, post soviet period

В советский период ведущим трендом демографического развития города Сыктывкара был рост численности постоянного населения, который приобрел характер устойчивой тенденции в послевоенный период. В эти годы динамика людности Сыктывкара во многом определялась темпами и

* **Обедков Анатолий Павлович** (Сыктывкар) – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН», ObedkovAP@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

масштабами его индустриального развития и сопровождалась повышением роли миграционной составляющей в формировании демографического и трудового потенциалов города. В результате динамичного роста населения уже в середине 1950-х гг. Сыктывкар вошел в категорию статистически средних по людности городов, а с середины 1960-х гг. по настоящее время является статистически большим городом [1]. С 1920 по 1992 г. численность постоянного населения г. Сыктывкара увеличилась с 2,8 тыс. до 225,8 тыс. чел., или в 80,6 раза [2, 3].

С распадом СССР и началом рыночных преобразований в Сыктывкаре и Республике Коми, как и в других городах и регионах России, начала меняться демографическая обстановка и наметились новые тенденции демографического развития, вызвавшие соответствующие изменения в динамике численности, воспроизводстве, составе и структуре населения. В постсоветский период с 1992 по 2022 г. людность города Сыктывкара увеличилась на 17,5 тыс. чел., или на 7,7 %. По предварительной оценке Росстата на 1 января 2022 г. в Сыктывкаре проживало 243,3 тыс. чел., что позволило столице Республики Коми занять по численности постоянного населения 81 место среди 1 117 городов Российской Федерации и седьмое место среди 142 городов районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [4].

При общей тенденции роста демографического потенциала г. Сыктывкара динамика его людности в постсоветский период была неустойчивой. В отдельные годы постсоветского периода рост численности населения города прерывался снижением в 2000–2001, 2003–2004, 2007, 2012, 2019–2022 гг. или относительной стабилизацией людности в 1993, 1996, 1998 гг. Несмотря на колебания людности, удельный вес г. Сыктывкара в городском населении Республики Коми и города республиканского значения Сыктывкара с подчиненной ему территорией в общей численности населения Республики Коми увеличились соответственно с 24,4 до 38,6 % и с 19,8 до 32,2 % (табл. 1).

Помимо выполнения функций столицы республики в составе Российской Федерации, г. Сыктывкар является административным центром административно-территориального образования – города республиканского значения Сыктывкара с подчиненными ему территориями. В настоящее время в его состав входят семь населенных пунктов: г. Сыктывкар, три поселка городского типа (Верхняя Максаковка, Краснозатонский) и три поселка сельского типа (Верхний Мыртыю, Вильтыдор, Трехозерка). Проживающие в Сыктывкаре и поселках городского типа относятся к городскому населению, а жители поселков сельского типа – к сельскому населению.

Таблица 1

Повышение удельного веса города Сыктывкара в городском населении и города республиканского значения Сыктывкара с подчиненными ему территориями в общей численности всего населения Республики Коми

Годы	Всё население, тыс. чел.			Городское население, тыс. чел.		
	Республика Коми	г. Сыктывкар с подчиненной ему территорией	В % ко всему населению РК	Республика Коми	г. Сыктывкар	В % к городскому населению РК
1	2	3	4	5	6	7
1992	1222,1	242	19,8	925,6	225,8	24,4
2002	1018,7	245,8	24,4	766,6	230	30
2010	901,2	250,9	27,8	693,4	235	33,9
2018	840,9	260,8	31	656,8	246,1	37,5
2019	830,2	260,3	31,4	649,5	244,8	37,7
2020	820,5	259,9	31,7	641,7	244,4	38,1
2021	813,6	258,3	31,7	637,1	243,9	38,2
2022	803,5	258,4	32,2	630,5	243,3	38,6

Источник: Данные Росстата и Комистата.

Среди административно-территориальных единиц, входящих в состав города республиканского значения с подчиненными ему территориями, только г. Сыктывкар увеличил свою людность по сравнению с 1992 г. За три десятилетия с 1992 по 2022 г. численность постоянного населения

г. Сыктывкара увеличилась на 17,5 тыс. чел. (+ 6,3 %). При этом его удельный вес в численности города республиканского значения Сыктывкара с подчиненной ему территорией повысился всего на 0,3 % (с 93,8 до 94,1 %). В рассматриваемый период людность пгт. Верхняя Максаковка уменьшилась на 0,2 тыс. чел. (- 4,0 %), пгт. Краснозатонский – на 0,8 тыс. чел. (- 9,0 %) и пгт. Седкыркеш – на 0,6 тыс. чел. (- 24,3 %). В постсоветский период все городские населенные пункты города республиканского значения Сыктывкара с подчиненными им территориями достигли исторического максимума людности, после чего стали непрерывно терять население. Численность постоянного населения города республиканского значения Сыктывкара снижается с 2018 г., поселков городского типа Верхняя Максаковка и Краснозатонский – с 2017 г., а пгт. Седкыркеш – с 1989 г. (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности городского населения и городских населенных пунктов города республиканского значения Сыктывкара с подчиненной ему территорией

Годы	Численность городского населения, тыс. чел.	В том числе			
		г. Сыктывкар	пгт. Верхняя Максаковка	пгт. Краснозатонский	пгт. Седкыркеш
1	2	3	4	5	6
1992	241,6	225,8	4,3	9,1	2,4
2002	244,6	230	4	8,5	2,1
2010	249,8	235	4,2	8,6	2
2015	258,7	243,8	4,3	8,7	1,9
2016	259,4	244,6	4,3	8,6	1,9
2017	260,4	245,5	4,3	8,7	1,9
2018	260,8	246,1	4,2	8,6	1,9
2019	259,3	244,8	4,2	8,5	1,8
2020	258,9	244,4	4,2	8,5	1,8
2021	258,3	243,9	4,2	8,4	1,8
2022	257,5	243,3	4,1	8,3	1,8

Источник: Данные Росстата и Комистата.

Выгодное географическое положение Сыктывкара в месте слияния двух судоходных рек, наличие всех видов современных транспортных коммуникаций и продолжительное выполнение городом столичных функций во многом способствовали формированию влиятельной Сыктывкарской городской агломерации. В настоящее время она является единственной в республике сложившейся городской агломерацией, полностью отвечающей принятым в отечественной географии городов и градостроительстве методике и критериям выделения.

Сыктывкарская городская агломерация развивается как трехлучевая система на базе участков автомобильных дорог республиканского значения от Сыктывкара на Киров, Ухту и Троицко-Печорск, тупиковой железнодорожной ветки Микунь–Сыктывкар и двух судоходных рек – Вычегды и ее притока Сысолы. Границы агломерации, определяемые 1,5–2-часовой транспортной доступностью, охватывает территорию радиусом 80 км. В зону влияния Сыктывкарской городской агломерации попадает Сыктывдинский район, а также прилегающие к ним населенные пункты части территорий Корткеросского, Сысольского и Усть-Вымского районов, связанные с городом Сыктывкаром интенсивными межселенными связями организационно-хозяйственного, производственного, трудового, делового, культурно-бытового, учебного и иного характера. В широком понимании Сыктывкарская агломерация охватывает своим влиянием всю юго-западную часть Республики Коми в пределах Мезенско-Вычегодской равнины.

Ядром Сыктывкарской городской агломерации выступает на сегодня единственный в республике и в обозримой перспективе статистически большой г. Сыктывкар с тяготеющими к нему городскими и сельскими населенными пунктами. Среди населенных пунктов Сыктывкарской городской агломерации, имевших на 1 января 2021 г. людность более 1 тыс. чел., к северо-востоку от Сыктывкара находится с. Зеленец (3,3 тыс. чел.), на востоке – пгт Седкыркеш (1,8 тыс. чел.) и райцентр

Корткеросского района с. Корткерос (5,1 тыс. чел.), на юго-востоке – поселки городского типа Верхняя Максаковка (4,2 тыс. чел.) и Краснозатонский (8,4 тыс. чел.) и с. Пажга (2,2 тыс. чел.), на юго-западе – районный центр Сыктывдинского района с. Вильгорт (12,8 тыс. чел.). На 1 января 2021 г. общая численность населения городских и сельских населенных пунктов Сыктывкарской городской агломерации составила 288 тыс. чел., из них 85 % проживало в городе Сыктывкаре. Численность городского населения Сыктывкарской городской агломерации, сосредоточенного в одном городе-ядре и трех примыкающих к нему поселках городского типа, составила 258,3 тыс. чел., или 89,7 % всего населения агломерации [5]. Во внешней зоне Сыктывкарской городской агломерации расположены низовые административные районы, входящие в состав Сыктывкарского, Верхневьчегодского, Княжпогостского, Удорского, Юго-Западного экономических микрорайонов и объединенные с центром агломерации общностью лесозаготовительно-агропромышленной специализации.

Строительство и ввод в эксплуатацию Сыктывкарского ЛПК и Сыктывкарской фабрики нетканых материалов способствовало значительному росту миграционной составляющей в формировании демографического потенциала и улучшению возрастно-половой структуры населения города. Это нашло отражение в последующем увеличении естественного прироста и общей численности населения г. Сыктывкара в 1970–1980-е гг. С начала 1970-х гг. до середины 1980-х гг. в Сыктывкаре наблюдался высокий уровень рождаемости на фоне низкой смертности, соответствующий расширенному типу воспроизводства населения. С 1970 по 1985 г. все абсолютные показатели естественного движения населения демонстрировали устойчивый рост и приблизились к историческому максимуму, который был показан в конце 1980-х гг. В рассматриваемый период абсолютная численность родившихся увеличилась в 1,6 раза (с 2 571 до 4 173 чел.), умерших – в 1,7 раза (с 920 до 1 597 чел.), а естественный прирост – в 1,6 раза (с 1 651 до 2 576 чел.). В эти годы общий коэффициент рождаемости варьировался в пределах 18–19 ‰, смертности – 6,5–7,5 ‰, естественного прироста – 11,5–13 ‰, что соответствовало расширенному типу воспроизводства населения. Однако уже на рубеже 1980–1990-х гг. наметилось снижение абсолютных и относительных показателей рождаемости и естественного прироста населения на фоне устойчивого роста смертности [6].

Наращение негативных демографических процессов способствовало переходу к режиму пониженного естественного воспроизводства населения, который наметился в конце 1980-х гг. и продолжался до 1992 г. В 1993 г. в г. Сыктывкаре впервые за весь послевоенный период была зафиксирована естественная убыль населения. Это стало свидетельством перехода к суженному типу воспроизводства населения. Данный режим воспроизводства населения был характерен для населения Сыктывкара вплоть до 2006 г. и прерывался лишь однажды – в 1998 г., когда был отмечен небольшой (0,4 ‰) естественный прирост населения. При этом в 1990-е гг. локальный максимум смертности (13,7 ‰) и естественной убыли населения (3,6 ‰) был зафиксирован в 1994 г., а в нулевые и последующие годы XXI в. – в 2003 г. (соответственно 14,5 и 2 ‰) (табл. 3).

Одновременно с ухудшением естественной базы воспроизводства населения с начала 1990-х гг. непрерывно сокращался миграционный прирост населения, сменившийся в 1999 г. миграционным оттоком населения [7]. В результате естественной и миграционной убыли населения в первой половине нулевых годов наблюдалось непрерывное снижение численности постоянного населения Сыктывкара. Лишь в 2007 г. число родившихся превысило число умерших, впервые обеспечив небольшой положительный естественный прирост после длительного перерыва. В период с 2007 по 2017 г. показатели естественного движения населения во многом стабилизировались, что способствовало возвращению к простому типу воспроизводства населения с небольшим превышением рождаемости над смертностью. Одновременно с этим наблюдался незначительный, но устойчивый рост людности города за счет естественного и миграционного прироста населения. В это десятилетие абсолютные показатели родившихся варьировались от 2,9 до 3,8 тыс. чел., умерших – от 2,3 до 2,7 тыс. чел., естественного прироста – от 0,2 до 1,1 тыс. чел., общие коэффициенты рождаемости – в пределах 12–13 ‰, смертности – в пределах 10–11 ‰, естественного прироста – в пределах 1–2 ‰. С 2018 г. число родившихся в Сыктывкаре непрерывно падает. С 2018 по 2020 г. число детей, родившихся на территории МО ГО «Сыктывкар», сократилось с 3 232 до 2 500, или на 22,6 % [8]. При этом в 2020 г. естественная убыль населения составила 556 чел., а уже в 2021 г. увеличилась

в 2,2 раза и достигла 1 199 чел. С 2020 г. на естественное движение населения города Сыктывкара отрицательное влияние оказывает усложнение эпидемиологической обстановки, вызванное распространением новой коронавирусной инфекции. В 2020 г. в МО ГО «Сыктывкар» было зарегистрировано 8 192 случая заболевания новой коронавирусной инфекцией, из которых 300 закончились летальным исходом, что составило 9,8 % от общей численности умерших [9].

Таблица 3

Естественное движение населения города республиканского значения Сыктывкара с подчиненной ему территорией в период с 1991 по 2010 г.

Годы	Число человек			Человек в расчете на 1000 населения		
	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Родившихся	Умерших	Естественный прирост
1	2	3	4	5	6	7
1991	2898	2021	877	12	8,4	3,6
1992	2735	2313	422	11,3	9,5	1,8
1993	2363	2987	-624	9,7	12,3	-2,6
1994	2474	3343	-869	10,1	13,7	-3,6
1995	2381	3253	-872	9,7	13,2	-3,5
1996	2486	2897	-411	10,1	11,7	-1,6
1997	2405	2626	-221	9,7	10,6	-0,9
1998	2560	2452	108	10,3	9,9	0,4
1999	2405	2694	-289	9,7	10,9	-1,2
2000	2659	3079	-420	10,8	12,5	-1,7
2003	3053	3547	-494	12,5	14,5	-2
2004	3104	3435	-331	12,7	14,1	-1,4
2005	2916	3323	-407	11,9	13,6	-1,7
2006	2700	2953	-253	11	12,1	-1,1
2007	2983	2727	256	12,3	11,1	1,2
2008	2914	2676	238	11,6	10,9	0,7
2009	3063	2713	350	12,3	10,9	1,4
2010	3232	2737	495	12,8	10,9	1,9

Источник: Данные Комистата.

В нулевые и последующие годы Сыктывкар всё еще оставался притягательным для переселения из северных городов и сельских районов республики. Однако в последнее пятилетие миграционный отток населения стал ведущим фактором продолжающегося с 2018 г. снижения людности столицы Республики Коми. Среди основных причин миграционного оттока населения – переезд на постоянное место жительства в города и регионы с более комфортными климатическими условиями для проживания и более благоприятными условиями для трудоустройства и ведения бизнеса, а также отъезд молодежи в возрасте 18–20 лет в связи с поступлением на обучение в ВУЗы городов других регионов России. Традиционно привлекательными для мигрантов из Сыктывкара остаются г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, г. Москва и Московская область, Кировская область и Краснодарский край, в то время как для получения высшего образования сыктывкарские выпускники чаще всего выбирают ВУЗы Москвы, Санкт-Петербурга, Кирова, Екатеринбурга и Перми.

В половой структуре населения г. Сыктывкара традиционно наблюдается женский перевес с преобладанием женщин средних и старших возрастных групп. С 1990 по 2000 г. их доля в общей численности населения города увеличилась с 52,5 до 53,8 % и в последующие 20 лет практически не менялась [10]. В последние десятилетия в Сыктывкаре наблюдаются негативные тенденции в изменении возрастной структуры населения, свидетельствующие о старении населения. По данным Комистата, в период с 1995 по 2020 г. удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста в населении г. Сыктывкара с подчиненной ему территорией снизился с 23,5 до 21,2 %, а мужчин и женщин

трудоспособного возраста – с 63,2 до 59 %. В это же время произошло увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста с 13,3 до 19,8 %.

В постсоветский период в Сыктывкаре наблюдается непрерывный рост численности пенсионеров. С 1995 по 2021 г. число пенсионеров, проживающих на территории МО ГО «Сыктывкар», увеличилось в полтора раза. За последнее пятилетие максимальное число пенсионеров было зафиксировано в 2018 г. и достигло 81 803 чел. С тех пор численность и удельный вес пенсионеров постепенно снижаются. На 1 января 2021 г. численность пенсионеров составила 80 994 чел. В настоящее время на их долю приходится 31,3 % всего населения МО ГО «Сыктывкар». По данным Комистата по состоянию на 1 января 2021 г., в Сыктывкаре насчитывалось 70 494 пенсионеров по старости, 2 794 пенсионеров по инвалидности, 1 808 пенсионеров по случаю потери кормильца и 5 598 социальных пенсионеров. Из общего числа пенсионеров к категории работающих относилось 22 259 чел., или 27,5 % от их общей численности [11].

Рыночные преобразования 1990-х гг., совпавшие с постиндустриальным переходом, существенно повлияли на распределение занятых в разрезе основных отраслей экономики Сыктывкара. Результаты этих изменений нашли отражение уже к концу 1990-х гг., когда в основном завершился переходный пореформенный период рыночных преобразований. Косвенными результатами рыночных преобразований и постиндустриального перехода явилось сокращение численности занятых в отраслях производственной сферы на фоне увеличения численности занятых в непроизводственной сфере и особенно в сфере услуг.

В 1990-е гг. происходило постепенное снижение численности занятых в экономике Сыктывкара. Только в период с 1995 по 1999 г. численность занятых в городской экономике сократилась с 120,8 тыс. до 105,4 тыс. чел., или на 12,7 %. При этом численность занятых в отраслях производственной сферы городской экономики снизилась с 56,5 тыс. до 44,7 тыс. чел., а их удельный вес – с 46,8 до 42,4 %. Одним из характерных результатов состоявшегося постиндустриального перехода стала деиндустриализация городской экономики, сопровождавшаяся закрытием промышленных предприятий, которые не сумели вписаться в рыночную экономику. В период с 1995 по 1999 г. численность занятых в промышленности Сыктывкара сократилась с 27,3 до 21,5 тыс. чел., а их удельный вес – с 22,6 до 21,5 %. Такая же судьба ожидала все остальные отрасли производственной сферы городской экономики. Всего за четыре года численность занятых в строительстве снизилась в 1,6 раза (с 13,4 тыс. до 8,3 тыс. чел.), а на транспорте и связи – в 1,2 раза (14,2 тыс. до 12 тыс. чел.). При этом удельный вес занятых в строительстве снизился с 11,1 до 7,9 %, а на транспорте и связи – с 14,2 % до 11,4 % [12]. Среди отраслей непроизводственной сферы наибольший рост численности занятых в эти годы произошел в органах управления (с 5,8 тыс. до 8,2 тыс. чел., или с 4,8 до 7,8 %), здравоохранении, социальном обеспечении, физической культуре и спорте (с 10,3 тыс. до 12,2 тыс. чел., или с 8,5 до 12,2 %), культуре и искусстве (с 2,2 тыс. до 2,7 тыс. чел., или с 1,8 до 2,6 %) (табл 4).

Таблица 4

Распределение численности занятых на предприятиях г. Сыктывкара по отраслям экономики во второй половине 1990-х гг.

Отрасли экономики	1995 г.		1999 г.	
	тыс. чел.	В % к итогу	тыс. чел.	В % к итогу
Всего	120,8	100	105,4	100
Промышленность	27,3	22,6	22,7	21,5
Сельское хозяйство	1,6	1,3	1,7	1,6
Транспорт и связь	14,2	11,8	12	11,4
Строительство	13,4	11,1	8,3	7,9
Торговля и общепит, сбыт и заготовки, материально-техническое снабжение	12,6	10,4	9	8,5
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	8,7	7,2	6,3	6

Отрасли экономики	1995 г.		1999 г.	
	тыс. чел.	В % к итогу	тыс. чел.	В % к итогу
Здравоохранение, социальное обеспечение, физическая культура и спорт	10,3	8,5	12,9	12,2
Образование	14,4	11,9	14	13,3
Культура и искусство	2,2	1,8	2,7	2,6
Кредитование, страхование, пенсионное обеспечение	4,1	3,4	3,3	3,1
Органы управления	5,8	4,8	8,2	7,8
Прочие отрасли экономики	6,2	5,2	4,3	4,1

Источник: Сыктывкар в цифрах. – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. – С. 11.

С введением в 2005 г. Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) взамен действовавшего в предыдущие десятилетия советского и постсоветского времени Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) был прерван многолетний ряд сопоставимых статистических данных о развитии народного хозяйства в отраслевом и региональном разрезе. Между тем переход на новую систему статистического учета позволил получать более адекватные рыночной экономике структурные характеристики экономики, определить масштабы впервые появившихся на рынке видов экономической деятельности, обеспечить сопоставимость государственных систем и ресурсов и тем самым приблизиться к международным экономико-статистическим стандартам. При этом на смену прежней детализированной классификации отраслей промышленности пришла генерализованная группировка промышленных видов деятельности, объединившая три вида экономической деятельности: добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства и производство электроэнергии, газа и воды. Использование системы учета статистических данных ОКВЭД позволило отразить основные структурные особенности и тенденции развития экономики Сыктывкара в 2010-е гг.

В период с 2010 по 2020 г. в городской экономике продолжали действовать тенденции постиндустриального перехода, нашедшие отражение в изменении динамики и структуры среднесписочной численности работников организаций г. Сыктывкара по видам экономической деятельности. В рассматриваемый период среднесписочная численность работников организаций Сыктывкара снизилась с 87,2 тыс. до 75,2 тыс. чел. (на 12,0 тыс. чел., или на 13,8 %), занятых в видах экономической деятельности производственной сферы – с 28,8 тыс. до 21,2 тыс. чел., в непроизводственной сфере – 58,4 тыс. до 54 тыс. чел. При этом удельный вес занятых в производственных видах экономической деятельности снизился с 33 до 28,2 %, а в непроизводственных видах экономической деятельности увеличился с 67 до 71,8 %. В качестве положительных изменений в структуре занятых в городской экономике следует отметить повышение среднесписочной численности и удельного веса работников организаций, занятых в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, оптовой и розничной торговле, гостиницах и предприятиях общественного питания, здравоохранении и предоставлении социальных услуг (табл. 5).

В 2020 г. ситуация на рынке труда МО ГО «Сыктывкар» характеризовалась существенным ростом безработицы в связи с началом кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции, и ухудшением экономического положения предприятий и организаций города. На 1 января 2020 г. по 1 января 2021 г. число граждан, находившихся на регистрационном учете в ГУ РК «Центра занятости населения города Сыктывкара», увеличился с 1 631 до 4 447 чел., или в 2,7 раза. За 2020 г. регистрируемая безработица на рынке труда МО ГО «Сыктывкар» выросла на 2 775 чел. (с 1 130 до 3 905 чел.), а уровень регистрируемой безработицы – с 0,82 до 2,88 %, в то время как с 2017 по 2019 г. он постепенно снизился на 0,16 % [13].

Таблица 5

*Динамика и структура среднесписочной численности работников организаций
города Сыктывкара по видам экономической деятельности в 2010–2020 гг.*

Виды экономической деятельности	Среднесписочная численность работников организаций, чел.				В % к итогу			
	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2020 г.	2010 г.	2013 г.	2016 г.	2020 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Всего	87 200	85 356	80 451	75 183	100	100	100	100
Сельское хозяйство и лесное хозяйство	1 195	1 033	1 029	940	1,4	1,2	1,3	1,25
Добыча полезных ископаемых				33				0,04
Обрабатывающие производства	11 648	10 741	9 683	9 302	13,4	12,6	12	12,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4 892	4 776	4 818	5 281	4,9	5,6	6	7,0
Строительство	1 613	2 120	1 535	1 085	1,9	2,5	1,9	1,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	3 865	5 780	4 573	5 311	4,4	6,8	5,7	7,1
Гостиницы и предприятия общепита	647	714	886	880	0,7	0,8	1,1	1,2
Транспортировка и хранение, информатизация и связь	9 448	8 071	7 074	7 209	10,8	9,5	8,8	9,6
Финансовая и страховая деятельность	3 525	3 635	1 992	2 053	4	4,3	2,5	2,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5 136	5 763	5 765	3 525	5,9	6,8	7,2	4,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	13 622	12 729	12 179	12 122	15,6	14,9	15,1	16,1
Образование	13 994	12 996	12 605	11 326	16,1	15,2	15,7	15,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1 545	13 244	13 687	12 641	1,8	15,5	17	16,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4 514	3 609	3 571	3 093	5,2	4,2	4,4	4,1
Прочие виды экономической деятельности	11 556	145	1 054	382	13,2	0,1	1,3	0,5

Источник: Доклад «Социально-экономическое положение МО ГО «Сыктывкар» в 2020 году. – Сыктывкар: Управление экономики и анализа администрации МО ГО «Сыктывкар», 2021. – С. 77.

Активизация миграционных процессов в связи со строительством и вводом в эксплуатацию ряда крупных промышленных предприятий способствовала превращению Сыктывкара в многонациональный город, в котором ныне проживают представители более 70 национальностей. По данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., в Сыктывкаре происходит непрерывный рост численности и удельного веса русских на фоне сокращения численности и удельного веса коми. С 1989 по 2010 г. численность русских увеличилась на 30,5 тыс. чел. (на 23,9 %), а их удельный вес в общей численности населения Сыктывкара – с 54,3 до 63 %. В рассматриваемый период численность коми сократилась на 17 тыс. чел. (на 21,5 %), а их удельный вес в населения Сыктывкара – с 33,6 до 24,7 %. При этом удельный вес русских и коми как двух основных национальностей Сыктывкара и Республики Коми фактически не изменился: в 1989 г. он составил 87,9, а в 2010 г. – 87,7 % (табл. 6).

Таблица 6

Изменение численности и удельного веса основных национальностей в общей численности населения города республиканского значения Сыктывкар с подчиненными ему территориями (по данным всеобщих переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.)

Национальности	1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Количество человек	% ко всему населению	Количество человек	% ко всему населению	Количество человек	% ко всему населению
1	2	3	4	5	6	7
Всего	234 903	100	245 768	100	250 874	100
Русские	127 619	54,3	143 453	58,4	158 147	63
Коми	79 011	33,6	75 140	30,6	62 040	24,7
Украинцы	11 213	4,8	9 600	3,9	6 612	2,6
Немцы	4 089	1,8	3 382	1,4	2 113	0,8
Белорусы	3 551	1,5	2 989	1,2	2 079	0,8
Татары	1 644	0,7	1 474	0,6	1 377	0,6
Прочие	7 779	3,3	9 730	3,9	18 506	7,5

Источник: Данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

По данным Всероссийских переписей населения 1989 и 2002 гг., в Сыктывкаре насчитывалось пять национальностей (русские, коми, украинцы, немцы и белорусы), на долю каждой из которых приходилось более одного процента во всем населении города. Всероссийской переписью населения 2010 г. были зафиксированы только три такие национальности (русские, коми, украинцы). При этом суммарная численность национальностей с удельным весом менее 1 % в населении города увеличилась с 9,4 тыс. до 24,1 тыс. чел., или в 2,6 раза.

Подавляющее большинство верующих Сыктывкара являются православными христианами. В городе зарегистрированы 44 религиозные организации, среди которых 20 организаций Русской Православной Церкви, 19 организаций различных христианских течений, три мусульманские организации, одна иудейская и одна – кришнаитская. Этноконфессиональная ситуация в городе отличается стабильной благодаря взаимодействию с лидерами всех религиозных организаций, в том числе в рамках работы Совета по гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений Республики Коми, а также совместного проведения научных и просветительских мероприятий.

В декабре 1995 г. указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в столице республики была образована Сыктывкарская и Воркутинская епархия в границах Республики Коми (ныне – Сыктывкарская и Коми Зырянская Епархия), которой отводилась решающая роль в деле возрождения и укрепления православия на Коми земле. К этому времени на территории Сыктывкара действовали лишь построенный в 1820 г. каменный Свято-Вознесенский храм в местечке Кируль и восстановленный в 1915 г. деревянный Свято-Казанский храм в местечке Кочпон.

В 1996 г. первоначально в пользование, а с 2000 г. – в собственность Епархиального управления Сыктывкарской и Воркутинской епархии было передано здание бывшего Подворья Троицкого Стефано-Ульяновского мужского монастыря по улице Бабушкина, 20, где были размещены Епархиальное управление, домовая церковь Рождества Христова и подворье Троицкого Стефано-Ульяновского мужского монастыря. С 1996 г. в епархии функционирует миссионерское Стефано-Прокопьевское братство, призванное осуществлять духовное просвещение и православную катехизацию населения региона. В связи с организацией Сыктывкарской и Воркутинской епархии статус кафедрального собора получил Свято-Вознесенский храм, который сохранялся вплоть до завершения строительства Свято-Стефановского кафедрального собора в 2003 г. Возрождение православия в столице Республики Коми сопровождается строительством новых храмов и организацией новых православных приходов. Православные храмы и приходы, действующие в настоящее время на территории МО ГО «Сыктывкар, в организационном отношении относятся к двум благочинническим округам: Сыктывкарскому Центральному и Сыктывкарскому Эжвинскому благочинническим

округам, которые подчинены Епархиальному управлению Сыктывкарской и Коми Зырянской епархии Русской Православной Церкви. К Сыктывкарскому Центральному благочинническому округу относятся: Кафедральный Собор Святого Стефана Пермского; Храм Рождества Христова при Епархиальном управлении; Храм Вознесения Господня; Свято-Казанский храм; Храм Воскресения Христова подворья Крестовоздвиженского Кылтковского женского монастыря; Храм Петра и Павла; Храм Покрова Пресвятой Богородицы; Храм Иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»; Храм Троицы Живоначальной и Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия»; Храм Успения Пресвятой Богородицы; Храм Святого благоверного Великого князя Александра Невского; Храм Святого Питирима; Часовня Новомучеников и исповедников Церкви Русской; Часовня происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня; Приход подворья Крестовоздвиженского Кылтковского женского монастыря; Приход храма Преподобного Сергия Радонежского; Приход Святого Николая. К Сыктывкарскому Эжвинскому благочинническому округу относятся: Свято-Преображенский храм; Храм Благовещения Пресвятой Богородицы; Приход храма Святого Духа; Приход молитвенного дома храма Рождества Христова.

Одним из важнейших условий поддержания межнационального мира и согласия в многонациональном городе Сыктывкаре, в котором проживают представители более 70 национальностей, является диалог между властью и гражданским обществом, обеспечивающий вовлеченность общественности в принятие решений органами государственной власти и местного самоуправления. Большой вклад в решение этих вопросов вносят совещательные органы, на заседаниях которых вырабатываются профилактические меры по недопущению конфликтов на межнациональной почве. Важную роль в достижении межнационального согласия в городе и республике играют национально-культурные автономии, принимающие активное участие в культурной жизни города. Они ставят своей целью возрождение духовных и культурных традиций, исторических ценностей, языка и культуры народов, населяющих Республику Коми. Правовой основой их создания и функционирования является Закон Республики Коми от 28 июня 2004 г. «О национально-культурной автономии в Республике Коми».

В настоящее время в Сыктывкаре зарегистрированы центры, филиалы, отделения и представительства около 30 национально-культурных автономий, объединений, общественных движений и обществ республиканского и городского значения. В их числе – Межрегиональное общественное движение «Коми котыр» («Коми народ»), Межрегиональное общественное движение коми народа «Коми войтыр», Межрегиональное общественное движение коми-ижемцев «Изъватас», Межрегиональное общественное движение «Русь Печорская», Общество национальной культуры «Русский дом», национально-культурная автономия «Украина» в Республике Коми, национально-культурная автономия «Беларусь» в Республике Коми, национально-культурная автономия татар и башкир «Дуслык» («Дружба») в Республике Коми, Немецкая национально-культурная автономия «Видергебурт» («Возрождение») в Республике Коми, Еврейская национально-культурная автономия в Республике Коми, национально-культурная автономия «Азербайджан» в Республике Коми, Коми республиканская организация «Азербайджанское национально-культурное общество», Республиканская национально-культурная автономия «Сакартвело» в Республике Коми, Коми республиканская общественная организация «Общество армян Республики Коми – «Ван», Региональное отделение Общероссийской организации «Союза армян России» по Республике Коми, Коми республиканская национально-культурная автономия цыган, Коми республиканское общественное объединение «Национально-культурное объединение прибалтийских народов «Коми – Балтия» и другие национально-культурные образования.

Национально-культурные автономии формируют этнокультурную инфраструктуру, выступающую в роли важнейшего инструмента партнерской деятельности по реализации государственной национальной политики. Важную консолидирующую роль в жизни многонационального Сыктывкара играет «Дом дружбы народов», который открылся в 2016 г. При этом национально-культурные автономии получили здесь помещения и возможность проведения своих мероприятий. В городе функционируют два национальных центра коми культуры, на базе которых проводятся различные этнокультурные мероприятия и взаимодействие с другими национально-культурными объединениями.

В постсоветский период в динамике и структуре населения г. Сыктывкара наметились и укрепились новые тенденции демографического развития. При этом характерный для последних десятилетий советского периода непрерывный рост численности постоянного населения города сменился на неустойчивую динамику людности с сохраняющимся трендом на демографический рост, который с 2018 г. сменился на непрерывное и постепенное сокращение демографического потенциала в результате естественной убыли и миграционного оттока населения. После перехода в разряд статистически средних по людности городов бывших больших городов Воркуты и Ухты Сыктывкар является единственным статистически большим городом в Республике Коми. Город Сыктывкар одновременно является столицей субъекта Российской Федерации, административным центром административно-территориального образования «Город республиканского значения Сыктывкар с подчиненными им территориями» и МО ГО «Сыктывкар», а также ядром сформировавшейся Сыктывкарской городской агломерации. На протяжении трех десятилетий постсоветского периода город Сыктывкар непрерывно увеличивает свой удельный вес в общей численности всего и городского населения Республики Коми. В половой структуре населения Сыктывкара сохраняется сложившийся в советский период женский перевес. Одновременно с этим нарастают негативные тенденции изменения возрастной структуры населения и старения населения, связанные со снижением удельного веса лиц моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте на фоне повышения доли лиц старше трудоспособного возраста. Вследствие рыночных преобразований и постиндустриального перехода в структуре среднесписочной численности работников организаций г. Сыктывкара наблюдаются снижение удельного веса занятых в производственных видах экономической деятельности и повышение доли в непроизводственных видах экономической деятельности. Постсоветский Сыктывкар развивается как многонациональный город, в котором большое внимание уделяется мерам по поддержанию межнационального мира и согласия. В этнической структуре населения города Сыктывкара наблюдается непрерывный рост численности и удельного веса русских на фоне сокращения численности и удельного веса титульной нации республики. При этом на долю русских и коми, как двух основных национальностей Сыктывкара, языки которых закреплены Конституцией Республики Коми в качестве государственных языков, неизменно приходится около 88 % всего населения региона.

Источники и литература

1. Обедков А.П. Сыктывкар от центра до окраин. Социально-экономический атлас / А.П. Обедков. – Сыктывкар: Изд-во «Пролог», 1996. – С. 16.
2. Национальный архив Республики Коми, Ф. Р-140. Оп. 2. Ед. хр. 215. С. 14.
3. Республика Коми. Административно-территориальное деление на 1 августа 1992 года. Издание пятое. – Сыктывкар, 1992. – С. 38–39.
4. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2022 года // http://chisl_MO-Site_01-01-2022/xlsx
5. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. – Москва: Росстат, 2021. – С. 174.
6. Статистический ежегодник Республики Коми. 2001. – Сыктывкар, 2002. – С. 38.
7. Сыктывкар в цифрах. – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. – С. 10.
8. Доклад «Социально-экономическое положение МО ГО «Сыктывкар» в 2020 году. – Сыктывкар: Управление экономики и анализа администрации МО ГО «Сыктывкар», 2021. – С. 81.
9. Доклад «Социально-экономическое положение МО ГО «Сыктывкар» в 2020 году. – Сыктывкар: Управление экономики и анализа администрации МО ГО «Сыктывкар», 2021. – С. 83.
10. Сыктывкар в цифрах. – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. – С. 8.
11. Доклад «Социально-экономическое положение МО ГО «Сыктывкар» в 2020 году. – Сыктывкар: Управление экономики и анализа администрации МО ГО «Сыктывкар», 2021. – С. 75.
12. Сыктывкар в цифрах. – Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2000. – С. 11.
13. Доклад «Социально-экономическое положение МО ГО «Сыктывкар» в 2020 году. – Сыктывкар: Управление экономики и анализа администрации МО ГО «Сыктывкар», 2021. – С. 78.

Т.В. Милаева*

Психическое здоровье в период «постковида» и репродуктивное поведение населения**

В статье рассматривается влияние перенесенного заболевания ковидом на психическое здоровье человека, а также влияние пандемии на демографическую ситуацию, в частности, на рождаемость. После выздоровления у переболевших остаются в разном сочетании нарушения здоровья, которые образуют мультисистемный синдром. Для его обозначения учеными используется термин «постковидный синдром (ПКС)» – “post-COVID-19 syndrome”. Анализ результатов исследований отечественных и зарубежных ученых показал противоречивое влияние заболевания и его последствий на репродуктивное поведение населения в зависимости от страны проживания.

Ключевые слова: COVID-19, демографические процессы, рождаемость, постковидный синдром, психическое здоровье, психические расстройства

T.V. Milaeva

Mental health during post-COVID-19 syndrome and reproductive behavior of the population

The article examines the impact of being ill by COVID-19 on the mental health of a person, as well as the impact of the pandemic on the demographic situation, in particular, on the birth rate. After recovery, many people remain in a different combination of health disorders that form a multi-system syndrome. For its designation, scientists use the term “post-COVID syndrome”. Analysis of the research results of domestic and foreign scientists has shown a very contradictory effect of the disease and its consequences on the reproductive behavior of the population, depending on the country of residence.

Key words: COVID-19, demographic processes, fertility, post-ovoid syndrome, mental health, mental disorders

Эпидемия COVID-19 изменила жизнь людей во всём мире и значительно повлияла на их психическое здоровье. Люди неожиданно оказались в совершенно иных условиях жизни, испытали и продолжают испытывать экономические, социальные и психоэмоциональные последствия пандемии. В многочисленных исследованиях отмечается рост по всему миру симптомов стресса, повышенной тревоги, нарушений сна, симптомов посттравматического стрессового расстройства, депрессии [1], что в перспективе ведет к росту употребления психоактивных веществ и совершению суицидов.

Такое положение дел оказывает огромное влияние на демографическую ситуацию. Причем наблюдается противоречивая картина – в части стран во время пандемии число рождений снизилось до минимальных за полвека уровней. В других, наоборот, уровень рождаемости вырос относительно допандемийного времени.

В 2021 г. учеными из США проведено масштабное исследование «Ранняя оценка взаимосвязи между пандемией COVID-19 и рождаемостью в странах с высоким уровнем дохода» («Early assessment of the relationship between the COVID-19 pandemic and births in high-income countries») [2]. Они

* Милаева Татьяна Васильевна (Сыктывкар) – кандидат психологических наук, с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Tasha20012001@inbox.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022-2024 гг.).

проанализировали статистику из 22 стран: Европы, США, Израиля, Японии, Южной Кореи и др. Наибольшее снижение рождаемости произошло на юге Европы: в Испании, Италии и Португалии. Как мы помним, весной 2020 г. Италия и Испания стали европейскими эпицентрами пандемии. В результате в начале 2021 г. рождаемость в Италии снизилась на 9,1 % по сравнению с тем же временем 2019 г., в Испании – на 8,4 %, в Португалии – на 6,6. Также значительное снижение рождаемости произошло в Венгрии – на 8,5 % и в США – на 7,1 %.

Ученые из Флорентийского университета (Италия) в 2020 г. в рамках своего исследования «Стремление к родительству во время пандемии COVID-19: взгляд на ситуацию в Италии» [3] провели онлайн-опросы и выявили, что более 80 % людей не планировали обзаводиться детьми в этот период, так как испытывают страх за свое будущее, а треть тех, кто планировали, отказались от этой идеи. Ковидные ограничения повлияли на образ жизни людей и ее качество, способствовали росту беспокойства, страха и паники. Эти чувства, испытываемые в течение длительного времени, приводят к возникновению или обострению депрессии и других психических расстройств, что влияет на взаимоотношения в паре в целом. Руководитель исследования Элизабетта Мичелли считает, что психологическое состояние будущих родителей в период ограничений негативно сказывается на желании иметь ребенка. При этом молодые мужчины находятся в унынии сильнее, чем женщины. Такой психологический настрой однозначно не способствует зачатию полноценного и здорового ребенка. Помимо экономических трудностей, людей беспокоит и возможный риск для здоровья будущего ребенка в результате ослабленного физического здоровья родителей после перенесенного заболевания коронавирусной инфекцией.

В то же время в ряде стран наблюдается обратная тенденция. Во Франции пандемия не оказала никакого влияния на рождаемость. А в Финляндии, Нидерландах, Швейцарии, Германии, Южной Кореи, Сингапуре, Японии демографическая ситуация даже улучшилась. В Германии в марте 2021 г. наблюдался самый высокий рост числа рождений за двадцать с лишним лет. Последний раз подобный бэби-бум произошел в Германии в 1998 г.

Ученые считают, что в данных странах рост рождаемости обусловлен, в первую очередь, высоким уровнем жизни и уверенностью в завтрашнем дне. В странах Северной Европы и Германии экономика более стабильна, чем в Испании и Италии. В Азии рост рождаемости также отмечен в государствах с относительно высоким уровнем жизни.

В России произошел незначительный спад рождаемости, при этом минимум рождений наблюдался в январе и феврале 2021 г. Это как раз дети первой волны пандемии [2].

Рассмотрим, что на данный момент известно о последствиях для человека перенесенной коронавирусной инфекции.

По мере накопления опыта лечения коронавирусной инфекции, появляется всё больше данных о ее влиянии на системы организма. Специфические последствия заболевания ощущают на себе до 20 % переболевших людей. Легкая форма заболевания (без пневмонии) может пройти бесследно, а более серьезные случаи оставляют различные последствия: выраженная слабость сохраняется длительное время. Человек не может сосредоточиться, не хватает сил на обычную работу, уже с утра чувствует себя уставшим. Часто испытывает головные и мышечные боли. Может сохраняться одышка, особенно после физической нагрузки. Температура тела тоже может изменяться – от чрезвычайно низкой до 37–37,5 градусов. Этот симптом связан с поражением терморегулирующего центра в головном мозге. Возможна потеря обоняния и вкуса или их искажение. Этот симптом также связан с поражением обонятельного центра. Известно, что коронавирусная инфекция, вызванная новым вирусом SARS-CoV-2, часто затрагивает не только дыхательную, сердечно-сосудистую и иммунную системы, но и нервную систему [4]. Отмечается, что в среднем каждый четвертый человек, переболевший COVID-19, сталкивается с психическими расстройствами: депрессией, тревожными расстройствами, хронической бессонницей и деменцией (слабоумием). Различные варианты тревожных расстройств – паническое, генерализованное тревожное и посттравматическое стрессовое расстройства отмечаются у 60–70 % людей, переболевших COVID-19, депрессии – у 25–30 %, хроническая бессонница – у 15–20 %, деменция – у 8–10 % пожилых пациентов. Чаще всего психические нарушения проявляются в сроки от 14 до 90 дней после перенесенной инфекции – это отно-

сится как к впервые выявленным психическим заболеваниям, так и обострениям уже имеющихся. COVID-19 вдвое увеличивает риск возникновения тревожно-депрессивных расстройств, по сравнению со средним риском в популяции. У переболевших пожилых людей деменция развивается в 2–3 раза чаще. Это означает, что их детям и внукам приходится присматривать за ними, что может повлечь за собой откладывание обзаведения детьми.

Российские вирусологи пришли к выводу, что с постковидным синдромом после перенесенного COVID-19 сталкивается каждый пятый молодой житель России, а среди людей старше 50 лет такой синдром наблюдается у каждого второго переболевшего COVID-19 [5].

Эксперты полагают, что причинами развития психических нарушений являются как психологический стресс, связанный с опасным заболеванием, вынужденной самоизоляцией и социальным дистанцированием, так и непосредственное влияние коронавируса Sars-CoV-2 на центральную нервную систему. Коронавирус поражает обонятельный нерв (из-за этого пропадает обоняние), а через него попадает в лимбическую систему – участок мозга, ответственный за регуляцию эмоций, сна, памяти, способности к обучению, сексуальной активности и других высших психических функций. Это ведет к многочисленным неблагоприятным последствиям в психической сфере.

В ситуации, когда у человека уже имеется какое-то расстройство психики, врачи считают, что чем оно тяжелее, тем сложнее может протекать COVID-19. К заболеваниям с наибольшими рисками относят шизофрению, БАР, тяжелые депрессии, а также любое другое психическое расстройство. В эту категорию фактически попадают и любые малые психические расстройства: тревожные, депрессивные, психосоматические и др. Сочетание нескольких психических расстройств у одного человека еще более увеличивает риски.

Комбинация в различном соотношении соматических, неврологических и психических нарушений может проявиться во время острого периода или возникнуть после него. В международной медицинской практике для обозначения явления разные авторы используют термины «длинный» (“long”), «длительный» (“long-term”) или «затяжной, тянущийся» (“long haul”) COVID-19, «продолжающийся или хронический» (“prolonged or chronic”) COVID-19, и чаще всего в последнее время, как «постковидный синдром» (ПКС) (“post-COVID-19 syndrome”) [6].

Несмотря на то, что ПКС недавно получил официальный врачебный шифр U09.9, который означает «Состояние после COVID-19, неуточненное», единого подхода к четкому определению ПКС в мире до сих пор не существует. В России этой терминологии нет вообще, в картах пациентов с жалобами на постковидный синдром указывают привычные диагнозы, сходные по симптоматике.

Зарубежные ученые Кристина Фернандес и Стефан Бука считают, что самой высокой вероятности пострадать от психических расстройств в результате пандемии подвергаются группы населения, находящиеся в неблагоприятных финансовых и социальных условиях, с повышенными уровнями предшествующих жизненных стрессов. Согласно данным их исследований, в результате перенесенных в прошлом стрессов не формируется устойчивость к будущей травме, как считалось ранее, а, наоборот, усиливается восприимчивость человека к последующим травмирующим событиям, повышая вероятность развития психических нарушений. Ученые надеются, что их исследование будет способствовать пониманию, насколько для населения в этой ситуации велико значение доступной помощи в области психического здоровья [7].

Несвоевременная диагностика и задержка квалифицированного лечения становятся причиной затягивания психических расстройств, ухудшают прогноз их течения, снижают уровень социального функционирования и качества жизни больных, а также могут иметь значительные социально-экономические последствия. Медицинские учреждения должны быть готовы к выявлению таких пациентов и оказанию им адекватной помощи. Прежде всего имеется в виду комплексная реабилитация с применением профессионального подхода с привлечением не только врачей-психиатров и неврологов, но и психологов, психотерапевтов и социальных работников [8].

Пандемия коронавируса, как глобальное мировое событие, влияет на здоровье населения, на экономическую ситуацию в стране, а следовательно, на демографические процессы. По данным, которыми располагают ученые на данный день, возможно говорить только о самых первых последствиях пандемии. Несомненно, эти последствия будут отражаться на демографии и в будущем. Ка-

ким образом, пока можно только предполагать. Арнштейн Аасве, норвежский профессор демографии считает, что вторая и третья волны пандемии могут отразиться на рождаемости по аналогии с первой [2]. Возможно также, что, наоборот, случится беби-бум, как после экономических спадов происходит бурный рост. Или рождаемость в разных странах и разных слоях населения будет идти в противоположных направлениях: где-то повышаться, где-то снижаться.

На данный момент невозможно представить количественные прогнозы изменения тех или иных показателей, так как с начала пандемии прошло недостаточно много времени. Для осуществления таких прогнозов необходимо проведение дополнительных медицинских и социологических исследований.

Источники и литература

1. *Qiu J., Shen B., Zhao M., Wang Z., Xie B., Xu Y.* A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: Implications and policy recommendations. *General Psychiatry*, 2020, vol. 33, pp. 19–21. Available at: <https://doi.org/10.1136/gpsych-2020-100213>.
2. *Arnstein Aassve, Nicolò Cavalli, Letizia Mencarini, Samuel Plach and Seth Sanders.* Early assessment of the relationship between the COVID-19 pandemic and births in high-income countries. Edited by Mary C. Waters, Harvard University, Cambridge, MA, and approved June 29, 2021 (received for review March 26, 2021) August 30, 2021, 118 (36) e2105709118 <https://doi.org/10.1073/pnas.2105709118>.
3. *Elisabetta Micelli, Gianmartin Cito, Andrea Cocci, Gaia Polloni, Giorgio Ivan Russo, Andrea Minervini, Marco Carini, Alessandro Natali & Maria Elisabetta Coccia* (2020) Desire for parenthood at the time of COVID-19 pandemic: an insight into the Italian situation, *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynecology*, 41:3, 183-190, DOI: 10.1080/0167482X.2020.1759545.
4. *Fernandez-de-las-Peñas C., Palacios-Ceña D., Gomez-Mayordomo V.* et al. Long-term post-COVID symptoms and associated risk factors in previously hospitalized patients: A multicenter study // *J Infect.* –2021. – Vol. 83 (2). – Pp. 237–279. – DOI: 10.1016/j.jinf.2021.04.036
5. Вирусолог раскрыл количество россиян с постковидным синдромом. – https://lenta.ru/news/2021/08/10/covid_sindrom/
6. *Хасанова Д.Р.* Постковидный синдром: обзор знаний о патогенезе, нейропсихиатрических проявлениях и перспективах лечения / *Д.Р. Хасанова, Ю.В. Житкова, Г.Р. Васкаева* // *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика.* – 2021. – № 13 (3). – С. 93–98. – DOI: 10.14412/2074-2711-2021-3-93-98.
7. Past stressful experiences do not create resilience to future trauma. – Internet (medicalxpress.com), 11.06.20. <https://medicalxpress.com/news/2020-06-stressful-resilience-future-trauma.html>
8. *Мосолов С.Н.* Длительные психические нарушения после перенесенной острой коронавирусной инфекции SARSCoV-2 / *С.Н. Мосолов* // *Современная терапия психических расстройств.* – 2021. – № 3. – С. 2–23. – DOI: 10.21265/PSYPH.2021.31.25.001.

*В.М. Теребихин**

Современные угрозы и вызовы демосоциальной безопасности северного региона как каузальные основания проектирования и реализации концепции социогуманитарного преобразования (на примере Республики Коми)

В статье представлен анализ современных угроз и вызовов демосоциальной безопасности региона, изложена авторская номинация данной категории. На основе системного анализа дана интегральная оценка демосоциального развития региона и обоснована актуальность проектирования и принятия ряда концептуальных, программных, стратегических, инновационных для региона документов, в том числе, «Концепции социогуманитарного преобразования-модернизации Республики Коми».

Ключевые слова: демосоциальная безопасность, демосоциальный (социоантропологический) предкризис, новая коронавирусная инфекция, предельно-критические индикаторы демосоциальной безопасности, смертность, рождаемость, социогуманитарное преобразование

V.M. Terebikhin

Modern threats and challenges to the demosocial security of the northern region as causal grounds for designing and implementing the concept of socio-humanitarian transformation (on the example of the Komi Republic)

The article presents a system complex of modern threats and challenges to the demosocial security of the region, outlines the author's nomination of this category. Based on the system analysis, an integral assessment of the demosocial development of the region is given and the relevance of designing and adopting a number of conceptual, programmatic, strategic, innovative documents for the region, including the "Concept of socio-humanitarian transformation-modernization of the Komi Republic" is substantiated.

Key words: demosocial security, demosocial (socioanthropological) pre-crisis, new coronavirus infection, extremely critical indicators of demosocial security, mortality, fertility, socio-humanitarian transformation

Одной из актуальных проблем преобразующей жизнестратегии региона, его благоприятного будущего является обеспечение демосоциальной (социогуманитарной) безопасности как одного из важнейших условий осуществления актуально и объективно необходимой стратегической цели социогуманитарного преобразования – модернизации республики.

Учитывая, что многоаспектное, интегральное понятие «демосоциальная (социогуманитарная) безопасность», синтезирующее разнообразные виды человеческой безопасности, не обладает правовым «категорийным, официальным статусом» в сфере государственной политики обеспечения национальной безопасности, что концептуализация его понятийного поля находится в стадии конституирования, представляем для обсуждения научного сообщества авторскую номинацию этого понятия применительно к общей региональной безопасности.

«Демосоциальная (социогуманитарная) безопасность» регионального социума, как сложная, динамичная система, имманентная составляющая общей региональной безопасности есть состояние всесторонней защищенности социогуманитарной сферы и социогуманитарного пространства

* **Теребихин Владимир Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат философских наук, эксперт Центра «Наследие» им. Питирима Сорокина, v.terebikhin@mail.ru.

регионального социума, способности органов государственной власти, местного самоуправления и гражданского общества субъекта РФ минимизировать, демпфировать, противодействовать рискам, угрозам, опасностям и вызовам стабильного человеческого развития и человеческой безопасности, включающая демографическую, социальную, духовно-нравственную, социокультурную, аксиологическую, социопсихологическую и другие ее виды, компоненты, элементы, способность формировать благоприятные средовые, инфраструктурные, базовые условия для устойчивого демосоциального регионального развития с целью практической реализации основополагающих конституционных новелл обновленной Конституции РФ и Республики Коми о создании условий для прогрессирующего, гармоничного развития человека как субъекта и объекта общей гуманитарной безопасности, осуществления жизненных стратегий населения, развития и повышения «качества качества» регионального человеческого потенциала, повышения уровня социогуманитарного благополучия.

Демосоциальная безопасность выступает интегральной качественной характеристикой стабильности и устойчивости региональной социогуманитарной системы (не выходящей за пределы критических, пороговых значений) и социогуманитарного состояния региона в аспекте качественных характеристик демосоциального потенциала, демовоспроизводственного процесса.

Демосоциальная безопасность имеет критериально-индикативный «системоконструкт», включающий статистически измеряемые, эмпирические демосоциальные показатели, индикаторы, в том числе, пороговые, предельно-критические измерители, а также качественные социологические и экспертно-аналитические оценки.

Системный анализ региональных процессов демосоциальной безопасности позволяет сделать вывод, что с начала 1990-х гг. республика, несмотря на комплекс позитивных антропотенденций в 2000–2017 гг., устойчиво находится в «предзоне» кризисного демосоциального развития. В регионе сформировался системоконструкт когерентных угроз, рисков, вызовов и опасностей, оказывающих негативное влияние на процессы демосоциального развития республики, жизненный потенциал населения.

Интегральной оценкой современного демосоциального состояния и развития, формой отражения демосоциальной безопасности во всех муниципальных образованиях и регионе в целом является демосоциальный (социоантропологический) предкризис» во всех его стадиях и фазах – от начальной, развивающейся до критической, грозящей переходом в кризисную зону.

Его развернутая характеристика как «сложностного качества», многоаспектного, поликомпонентного и одновременно интегрального антропофеномена, «системоконструкта», функционирующих в регионе когерентных демосоциальных антропопредкризисов, включая кризис демовоспроизводства, кризис здоровья, эпидемиологический («ковид-кризис» 2020–2021 гг.), духовно-нравственный предкризис, предкризис региональной идентичности и другие антропопредкризисы, отражающие «демосоциальную дисгармонию современного регионального бытия», демосоциальную рецессию, снижение «качества качества» населения, «нарушение механизма демовоспроизводственного процесса, снижения системного свойства социального организма – способность к самовоспроизведению субъекта общественной жизни в необходимом количестве и качестве» (А.А.Раков), представлена в ряде научных публикаций автора, в том числе, опубликованных в журнале «Историческая демография».

Регион занимает негативные и по ряду параметров ухудшающиеся рейтинговые позиции среди субъектов России и Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) по широкому комплексу интегральных, базовых индикаторов – характеристик демосоциальной безопасности [1].

- 65 место по интегральному качеству жизни (на основе агрегирования 70 показателей качества жизни), 8 место из 11 субъектов в СЗФО, (2020 г. – 71 место, 2019 г. – 69 место);

- 64–65 место по продолжительности жизни, как «интегральному показателю для всех наших усилий по формированию комфортных условий жизни граждан и укреплению их здоровья» (В.В. Путин) (8 место из 11 субъектов СЗФО). 77 место (11 – в СЗФО) в демографическом рейтинге регионов (82 место – 2020 г.);

- 13–14 место по уровню смертности от самоубийств (2–3 место в СЗФО за 2019–2021 гг.);
- 8–10 место по уровню смертности от убийств и первое место в СЗФО (2020–2021 гг.);
- 21–24 место по смертности от алкогольных отравлений и 5 место в СЗФО (за 2019–2021 гг.);
- 15 место от смертности от внешних (предотвратимых) причин смерти за 2021 г.;
- 74 место по приверженности населения к здоровому образу жизни (ЗОЖ) и 10 место – в СЗФО (за 2020 год);
 - 73 место по уровню «вредных привычек» населения (2 место в СЗФО) за 2019 г. (2018 г. – 69 место), 54 место по эффективности молодежной политики (2016 г. – 46 место);
 - 26–28 место по уровню разводов, 64–65 место по уровню брачности (Росстат), общие коэффициенты брачности и разводимости по субъектам РФ за 2020–2021 гг. (Росстат).
 - 85 место в рейтинге трезвости российских регионов и 11 место в СЗФО;
 - 73 место (11 – в СЗФО) по уровню безработицы по методологии МОТ (за 2021 г.);
 - 4 место в рейтинге российских регионов по неудовлетворенности населения состоянием жилья и коммунальной инфраструктуры, (рейтинг «коммунальной разрухи» – это агрегированный показатель по десяти параметрам, которые соотносятся с различными «зонами неблагополучия» в жилищно-коммунальном хозяйстве);
 - 84 место по доле расходов населения на ЖКУ;
 - 78 место по вводу жилья (индексу объема вводимого жилья на одного жителя и (10 место среди регионов СЗФО);
 - 82 место в рейтинге регионов по динамике рынка труда;
 - 77 место по уровню безработицы по методологии МОТ;
 - 50 место по интегральному рейтингу доступности и качества оказания медицинской помощи (в динамике за 2012–2017 гг.);
 - Регион входит в двадцатку субъектов, показавших наибольшую отрицательную динамику индекса эффективности системы здравоохранения за 2018–2019 гг., и занимает 9 место по эффективности здравоохранения среди 12 арктических субъектов РФ;
 - В течение всего периода ковид-кризиса («биопандемии») регион находится в составе 10 субъектов РФ (6 место на 23 июля 2022 г.) с самыми высокими коэффициентами смертности от коронавирусной инфекции и коэффициентами зараженности населения ковидом (число умерших и зараженных на 100 тыс. населения). При этом уровень смертности от ковида и уровень зараженности населения в регионе существенно (в 1.5 раза) выше среднероссийской и в 3-4 раза выше среднемировой [2].

За 2021 год в структуре причин смертности смертность от новой коронавирусной инфекции занимает 2 место после смертности от болезней систем кровообращения и составляет около 19 % всех умерших (6.4 % – в 2020 г.), что в целом соответствует общероссийским показателям.

Однако необходимо отметить, что более 173 тыс. заражений новым коронавирусным патогеном SARS-CoV-2 за время пандемии (20 592 заражения на 100 тыс. населения), учитывая его прогнозируемые медицинской наукой негативные последствия для здоровья, являются потенциальными источниками возрастания уровня заболеваемости и смертности населения региона в постпандемический период. Высокий уровень зараженности населения коронавирусной инфекцией как «гуманитарный пандемийный ущерб» и значимая биогенная угроза будет неизбежно тормозить процессы восстановления «доковидных» показателей смертности и возвращения к тенденциям роста ожидаемой продолжительности жизни после пандемии.

Новая вирусная пандемия негативно отразилась на психоэмоциональном состоянии населения. За последние два года во всех основных социально-демографических категориях населения увеличилась доля людей не уверенных в завтрашнем дне, проявляющих симптомы тревоги и депрессии» (М.В. Морев). В 2021 г. по сравнению с 2020 г. в регионе возросла заболеваемость населения психическими расстройствами [3].

Однако эти факторы и комплекс других реальных социоэкономических, социопсихологических суицидогенных причин не сформировали прогнозируемую экспертами тенденцию значительного увеличения числа завершенных самоубийств в регионе, как и по России, так и по

странам мира в целом. В России число завершенных суицидов, (отраженных в официальной статистике), сократилась с 11.3 на 100 тыс. населения в 2020 г. до 10.7 в 2021 г.

В Республике Коми суицидальная активность населения в 2021 г. фактически осталась на уровне 2020 г. (23.4 самоубийства на 100 тыс. населения в 2020 г. и 23.6 – в 2021 г.). В разрезе муниципальных образований смертность от самоубийств в 2021 г. возросла по сравнению с 2020 г. в городских округах: Сыктывкаре, Воркуте, Инте, Вуктыле (значительно), Усинске, в муниципальных районах: Печорском, Княжпогостском, Койгородском, Сосногорском, Троицко-Печорском (значительно), Удорском.

Незначительно (в связи с небольшим ростом уровня самоубийств городского населения и снижением суицидальной активности сельского населения) сократился разрыв между уровнем суицида между городским и сельским населением.

Психологи объясняют антропофеномен отсутствия прогнозируемого всплеска суицидальной активности эффектом «объединения социума перед лицом опасностей и, как следствие, активизации адаптивных (витальных) тенденций в противовес дезадаптивным (антивитальным)» [4].

В психологической науке известно, что ухудшение условий приводит к тому, что человек концентрируется на стремлении выжить. В масштабах общества во время кризиса происходят консолидация и интеграция, в сознании человека – перестройка мышления с антивитальных (если они были) установок на противоположные, направленные на выживание.

Однако мы в полной мере разделяем озабоченность экспертов в том, что суицидальный риск и повышение уровня самоубийств остается актуальной проблемой, поскольку население испытывает проблемы и фрустрации из-за изменений стиля жизни, разрушенных планов, семейных сложностей, дистанционного образования детей и т.д. С другой стороны, это те, кто переболел инфекцией (а это примерно каждый десятый житель республики), могут оставаться хронические последствия в виде неврологических, психиатрических и психологических проявлений, депрессия, диссомния, снижение работоспособности и психосоматические симптомы, причиной которых может быть перенесенный стресс и биологические факторы. Все эти проявления могут усиливать суицидальный риск. Еще одной дополнительной группой риска являются пациенты с уже имеющимися нарушениями психического здоровья – для них эта ситуация означает не столько ухудшение симптомов, сколько невозможность порой получить помощь в полном объеме. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в регионе уровень самоубийств более чем в 2 раза превышает среднероссийский и фиксируется, как мы уже отмечали, рост уровня самоубийств в 12 муниципальных образованиях.

Вполне возможно, что негативные последствия пандемии для психического здоровья, вероятно, будут сохраняться дольше и рост суицидальной активности может наступить позже, в постпандемийный период или в период формирующейся с июля 2022 г. новой «коронавирусной волны».

Неопределенности и угрозы, которые создала пандемия, приобретшая некоторые качества синдемии, как совокупности, синтеза эпидемических и социально-экономических процессов в период распространения COVID-19 и «идеального шторма», усиливших негативную динамику параметров жизнеспособности и «качества качества» населения, а также сложные процессы новой социоэкономической реальности, актуализируют задачи системного анализа современных антропологических проблем, проблем демосоциальной безопасности для принятия инновационных политико-управленческих решений.

Как показывает сравнительный анализ параметров базовых индикаторов демосоциальной безопасности с ее пороговыми, предельно-критическими значениями, как своеобразными «красными линиями», многие качественные индикаторы, характеризующие социопсихологическое, духовно-нравственное, социальное благополучие, социальное и психологическое здоровье, социальное самочувствие, социальное настроение, эмоционально-психологический фон, качество и уровень жизни, воспроизводства населения, индикаторы девиантного поведения: самоубийства, убийства, криминализация, алкоголизация, наркотизация, аборт, разводы, внебрачные сожителства и ряд других демосоциальных феноменов, превышают критические, предельно допустимые значения демосоциальной безопасности региона (см. табл.).

*Пороговые, предельно-критические индикаторы
демосоциальной безопасности республики*

Наименования индикаторов демосоциальной безопасности	2012 г.	2017 г.	2021 г.	Пороговое, предельно- критическое значение
Суммарный коэффициент рождаемости, количества рожденных детей на одну женщину фертильного возраста	1.887	1.779	1.530	Не менее 2.15–2.23
Общий коэффициент рождаемости	14.0	11.5	8.9	Не менее 10.0
Общий коэффициент смертности	12.2	11.8	16.2	Не более 10.0 РФ – 16.8 (2021 г.)
Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте, чел./1000 чел. соответствующего возраста	7.2	6.0	6.58 (2020)	Не более 4.5
Коэффициент смертности от коронавирусной инфекции (число умерших на 100 тыс. населения)			299.8	РФ – 319.1
Коэффициент смертности от внешних причин	166.9	131.5	124,9	Не более 50.0 РФ – 95.3
Коэффициент смертности от самоубийств	31.5	30.3	23.6	Не более 20 РФ – 10.7
Коэффициент смертности от убийств	16.8	11.0	8.7	Не более 5.0 РФ – 4.7
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	68.3	71.1	68.3 Муж. – 63.5 Жен. – 73.1	Не менее 75 лет РФ – 70.1 За первое полугодие 2022 г. – 73 года
Коэффициент миграционного прироста (убыли), чел. / 1000 постоянного населения	-12.2	-11.2	-5.2	+ 5.1
Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	Н.д	27.9	30.0	Не более 4.0
Число аборт на 100 родов	69	67	63	Не более 20
Коэффициент разводимости	5.3	5.0	4.6	Не более 2.1
Уровень преступности (число зарегистрированных преступлений на 100 000 населения)	1955	2239	1878	Не более 1000
Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения (ниже границы бедности)	15.6 (2010)	15.7	15.5	6-7 % Не более
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в раз	16.9 (2010)	12.7	11.7	7-8
Коэффициент Джини (степень отклонения фактического распределения денежных доходов от равного распределения их между жителями)	0.423 (2010)	0.383	0.372	0.304
Уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ)	7.4	7.0	7.7	4.0-5.0
Отношение численности людей пенсионного и трудового возраста	0.27	0.38	0.39	0.44
Коэффициент естественного прироста (убыли)	0.3	-2.4	- 7.3	–

Составлена на основе данных: Демографический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2021; Статистический ежегодник Республики Коми. 2021: стат. сб. Комистат. – Сыктывкар, 2021; Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сборник, 2021; Основные показатели здоровья населения и состояния здравоохранения Республики Коми за 2017–2021 гг.: Статистический сборник ГБУЗ РК «РМИАЦ». – Сыктывкар. – 208 с.; Республика Коми в цифрах: Крат. стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2022. – 210 с.

Данная таблица показывает, что, «наряду с положительными изменениями, опасные диспропорции и критические риски сохранились по многим показателям, прежде всего, касающихся демографии, здоровья населения уровня и качества жизни» [5].

Для региона также в полной мере характерны оценка демографической ситуации, сформулированной в Послании Президента России: «сегодня ситуация в сфере демографии чрезвычайная. К сожалению, это так. Нужно это признать, констатировать, иметь это в виду и действовать, исходя из этой ситуации» [6].

В регионе отмечается негативная тенденция «истощения демографического потенциала», в том числе, достаточно быстрого снижения численности населения. По предварительным данным переписи населения 2021 г. за последнее десятилетие (за межпереписной период) «численность постоянного населения региона по причинам миграционной и естественной убыли сократилось на 163 тысяч человек (18 процентов)» [7].

В республике начался новый депопуляционный тренд (вторая волна депопуляции), долговременными факторами которой являются регрессивная возрастная структура населения, суженное воспроизводство. В 2020 г. впервые за последние годы повысилась смертность населения. Эта негативная тенденция резко усилилась в 2021 г. Смертность населения за 2021 г. по сравнению с 2020 годом возросла на 20 %. При этом младенческая смертность и смертность детей в возрасте до 4 лет возросла почти в два раза (на селе – в три раза). По данным Комистата, в республике «зафиксирован рост смертности от болезней органов дыхания – на 31,1 %, от болезней системы кровообращения – на 8,7 %, от новообразований – на 3,1 %» [8]. Прирост числа умерших в 2021 г. стал наибольшим за все годы депопуляции в регионе, превзойдя соответствующий прирост в годы обвального демографического спада. Коэффициент смертности (16.2 на 100 тыс. населения) за 2021 г. был самым высоким с периода первых послевоенных лет. В 17 муниципальных образованиях уровень смертности превышал среднереспубликанский. Необходимо отметить, что за первое полугодие 2022 г. темпы роста смертности и снижения уровня рождаемости несколько замедлились.

Уровень рождаемости в первом полугодии 2022 г. (7.9 на 1000 населения) является самым низким за весь период демографических наблюдений в Коми крае, как и показатель естественной убыли (-7.0) за 2021 г. и (-6.4) за первое полугодие 2022 г. В 10 муниципальных образованиях уровень рождаемости был ниже среднереспубликанской. Сохраняется тенденция снижения коэффициентов рождаемости в возрастной группе 25–29 лет, в возрастной группе 30–34 лет, суммарный коэффициент рождаемости вторых детей и общий суммарный коэффициент рождаемости [9].

Существенно, почти в два раза возрос относительный показатель естественной убыли населения. В 12 муниципальных образованиях показатель естественной убыли превышает среднереспубликанский. В регионе сформировалась одна из моделей депопуляции, когда абсолютное и относительное число смертей растет, а рождаемость падает и оказывается ниже уровня смертности (практически в два раза). Рекордный рост и рекордно высокий уровень смертности (сверхсмертность) и рекордно низкая рождаемость (8.9 рождений на 1000 населения) являются главным негативным трендом антропокризиса 2020–2021 гг. в республике.

С 2019 г. отмечается негативная тенденция снижения ожидаемой продолжительности жизни. Средняя продолжительность жизни в регионе в пандемийный период сократилась на три года (с 71 года в 2019 г. до 68 лет в 2021). При этом разрыв в продолжительности жизни городского и сельского населения не изменился и составил 5 лет, разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин сократился на один год и составил почти 10 лет.

Новая волна депопуляции в регионе, как и в России в целом, происходит под двойным давлением: с одной стороны, это традиционные факторы изменения демографических тенденций, а с другой стороны, – негативное действие патогенного фактора пандемии COVID-19. С 2022 г. к ним добавился усиливающийся санкционный фактор, имеющий не только отрицательные экономические, но и негативные гуманитарные, социопсихологические последствия для человеческого развития.

Социоантропологические и социоэкономические перспективы развития региона осложняются ускоряющимся процессом всего комплекса индикаторов старения населения (процессом «серебряной революции» в республике). По прогнозу в ближайшие 15 лет повышение доли пожилых людей

приведет к росту демографической нагрузки на социальную инфраструктуру в городах и особенно в сельских районах региона. Увеличение численности и доли пожилого населения будет способствовать дальнейшему росту числа умерших, общего коэффициента смертности. В результате, изменения в возрастном составе населения будут в значительной мере способствовать увеличению естественной убыли населения. Старение сельского населения является одним из демографических вызовов, поскольку демографическое развитие в регионе, как и в целом в стране, происходит за счет более высокой рождаемости на сельских территориях.

В 2021 г. в регионе вновь возросла миграционная убыль населения. По данным Комистата, миграционная убыль была характерна для 17 муниципальных образований. Республика Коми входит в тройку регионов с самым высоким отрицательным миграционным приростом населения с момента последней переписи (с 2011 по 2020 г. (-56,9 на 10000 населения)). За первое полугодие 2022 г. миграционная убыль возросла почти на 20 %.

Как показывает анализ демосоциальных процессов, сложившиеся до пандемии источники роста продолжительности жизни и комплекс негативных пандемийных последствий ставят под сомнение реалистичность устойчивого долгосрочного тренда снижения смертности и достижение намеченных ориентиров продолжительности жизни населения в национальных проектах «Демография» и «Здравоохранение».

В регионе с 2012 г. сохраняется тенденция снижения реальных доходов населения. По данным Комистата реальные денежные доходы (скорректированные на индекс потребительских цен) сократились в 2020 и за январь–ноябрь 2021 г. почти на 4 %. Несмотря на некоторое снижение, на высоком уровне сохраняются индикаторы уровня бедности и «избыточного неравенства» (А.Ю. Шевяков) и поляризации доходов, социальной дифференциации. Так, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения в два раза превышает пороговые, предельно допустимые, критические значения, коэффициент дифференциации доходов – в 1.5 раза.

По оценкам исследователей, в 2019 г. по сравнению с 2014 г. 20 регионов страны, в том числе Республика Коми, «перешли в разряд субъектов с низким или очень низким качеством жизни. Республика Коми потеряла 19 позиций в рейтинге субъектов России по индексу качества жизни, опустившись с 43 на 62 место» [10, с. 45]. В целом же современная динамика антропосоциальных индикаторов свидетельствует о снижении параметров устойчивости и благополучия демосоциального развития региона. Учитывая остроту и глубину проблем «демосоциальной безопасности» в республике, риски негативной перспективы общего гуманитарного развития в регионе в обозримой перспективе могут сохраняться. Эти и комплекс других социоантропологических тенденций, как демосоциальных (социогуманитарных) вызовов и угроз, затрудняют достижение целевых индикаторов региональных гуманитарных национальных проектов, реализацию гуманистических основоположений обновленной Конституции РФ и Конституции РК о создании благоприятных условий для развития человека, обеспечение основных гуманитарных критериев и показателей эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ, изложенных в Указе Президента Российской Федерации от 04.02.2021 г. [11].

Представленный выше «системоконкомплекс» сформировавшихся в регионе угроз, вызовов и рисков демосоциальной безопасности республики, предкризисное состояние процессов человеческого развития, снижение «качества качеств» населения свидетельствуют о низкой эффективности деятельности государственных институтов, местного самоуправления и гражданского общества региона в сфере осуществления региональной гуманитарной макрополитики, что актуализирует в соответствии с требованиями Президента России задачу «разработки дополнительных мер, которые должны носить кардинальный характер, соразмерный масштабу чрезвычайного демографического вызова, с которым мы сталкиваемся». Как мы полагаем, в данном контексте в регионе необходимо осуществить проектирование и принятие органами государственной власти, совместно с администрациями муниципальных образований, научным сообществом, формирование «портфеля» наиболее эффективных, концептуальных, программных, стратегических, инновационных для региона документов и нормативно-законодательных актов, в том числе, «Концепцию социогуманитарного преобразования-модернизации Республики Коми» как своеобразную «социальную доктрину ре-

гиона» и принятия на ее основе «Стратегии социогуманитарной модернизации – преобразования Республики Коми на период до 2035 года» (на срок реализации существующей стратегии развития региона – 2035»). Некоторые предложения к проектированию проекта концепции представлены автором в ряде научных публикаций (см. напр.: «Гуманитарная макрополитика Северного региона: пролегомены к проектированию концепции (на примере Республики Коми) (cyberleninka.ru), «Гуманитарное преобразование России: Пролегомены к проектированию концепции – (cyberleninka.ru). Экспертное мнение: О формировании в регионе антропокластера «развитие человека в Республике Коми» | Общественная палата Республики Коми (rkom1.ru), Экспертное мнение: Социогуманитарная модернизация – преобразование региона в контексте реализации человеко-ориентированной стратегии – комплексной программы Главы Республики Коми: идеи к проектированию концепции | Общественная палата Республики Коми (rkom1.ru).

Кроме того, мы полагаем, что с целью научного обеспечения задач развития человека, повышения уровня гуманитарной безопасности региона, проектирования и реализации «Концепции социогуманитарного преобразования-модернизации Республики Коми» и «Стратегии социогуманитарной модернизации – преобразования Республики Коми на период до 2035 года», актуализируется проблема формирования регионального научного антропокластера «Развитие человека в Республике Коми» как своеобразного «института человека в республике».

Источники и литература

1. По данным: Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2020 – РИА Новости, 15.02.2021 (ria.ru); Ожидаемая продолжительность жизни при рождении по субъектам Российской Федерации за 2021 год ОРЛ. xlsx (live.com); Демографический рейтинг регионов – 2022 | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); Демографический рейтинг регионов – 2021 | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); Смертность населения от внешних причин смерти по субъектам РФ, 2021 год edn_2020.xlsx (live.com) edn_2020.xlsx (live.com); Самоубийства и их профилактика в Российской Федерации, 2021 год: основные факты (demoscope.ru); Смертность населения от внешних причин смерти по субъектам РФ, 2021 год edn_2020.xlsx (live.com); Рейтинг регионов по приверженности населения ЗОЖ – 2021 | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); В каких регионах меньше вредных привычек – Рейтинг 2020 | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); Общие коэффициенты брачности и разводимости по субъектам РФ за 2020–2021 годы. Росстат, Календарь событий – Трезвая Россия – официальный сайт проекта (trezvot.ru); Рейтинг российских регионов по уровню безработицы – РИА Новости, 28.02.2022 (ria.ru); Мрак, сырость и крысы: составлен региональный антирейтинг «коммунальной разрухи» (finexpertiza.ru); (Рейтинг регионов по доле расходов населения на ЖКУ – 2021 | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); Рейтинг российских регионов по вводу жилья – РИА Новости, 04.05.2022 (ria.ru); Рейтинг регионов РФ по вводу жилья в 2020 году | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); (Рейтинг регионов по динамике рынка труда | Инфографика | РИА Рейтинг (riarating.ru); Рейтинг российских регионов по уровню безработицы – РИА Новости, 01.11.2021 (ria.ru); Рейтинг доступности и качества медицинской помощи в субъектах Российской Федерации [Текст] / С. В. Шишкин, О. Ф. Понкратова, Е. Г. Потапчик, С. В. Сажина : препринт WP8/2019/01 / С. В. Шишкин, О. Ф. Понкратова, Е. Г. Потапчик, С. В. Сажина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). – 96 с. WP8_2019_01_____F.pdf (hse.ru), Улумбекова Г.Э.Рейтинг эффективности систем здравоохранения регионов РФ в 2019 г.Вестник ВШОУЗ_№1_2021. (vshouz.ru).

2. Коронавирус: статистика (yandex.ru).

3. Основные показатели здоровья населения и состояния здравоохранения Республики Коми за 2017–2021 г.г.: Статистический сборник ГБУЗ РК «РМИАЦ». – Сыктывкар, 2022. – С. 23.

4. Suicide trends in the early months of the COVID-19 pandemic: an interrupted time-series analysis of preliminary data from 21 countries / J. Pirkis, A. John, S. Shin, M. DelPozo-Banos, V. Arya, P. Analuisa-Aguilar, M.J. Spittal // Lancet Psychiatry. – 2021. – Vol. 8, № 7. – P. 579–588. DOI: 10.1016/S2215-0366(21)00091-2 17. Suicides in the COVID-19 pandemic – are we well informed regarding current risks and future prospects? / V.A. Rozanov, N.V. Semenova, A.Ya. Vuks, V.V. Freize, V.D. Isakov, O.D. Yagmurov, N.G. Neznanov // Consortium Psychiatricum. – 2021. – Vol. 2, № 1. – P. 32–39. DOI: 10.17816/CP5616, 17.

5. Локосов В.В. Оценка социально экономических рисков методом предельно критических (пороговых) показателей / В.В. Локосов // Народнонаселение. – 2021. – 24. – No 3. – С. 8–17.

6. Послание Президента Федеральному Собранию, 21 апреля 2021 года // Президент России (kremlin.ru)

7. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения // Российская газета (rg.ru) от 30.мая 2022 года.
8. Демографическая ситуация в Республике Коми за 2021 год (без учета итогов Всероссийской переписи населения 2020). Комистат.
9. Основные показатели здоровья населения и состояния здравоохранения Республики Коми за 2017–2021 гг.: Статистический сборник ГБУЗ РК «РМИАЦ». – Сыктывкар, 2008. – С. 56.
10. *Мустякимов А.Д.* Качество жизни населения Республики Коми / *А.Д. Мустякимов* // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2020: Сборник статей Седьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (9–11 сентября 2020 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2020. – Ч. I. – С 45–51.
11. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. – Официальное опубликование правовых актов – Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

УДК 94(574):314

*Т.С. Садыков, Г.С. Ильясова**

О формировании историко-демографической школы в Республике Казахстан

В статье рассматриваются этапы формирования историко-демографической школы в Республике Казахстан. Опыт модернизации стран показывает определяющую роль демографических показателей и исследований. Авторы представили анализ основных направлений историко-демографических исследований ученых страны, междисциплинарности исследований, показали формирование школы историко-демографических исследований.

Ключевые слова: история Казахстана, историография, историко-демографическая школа, историческая демография, демографические процессы

T.S. Sadykov, G.S. Ilyassova

On the formation of the historical and demographic school in the Republic of Kazakhstan

The article discusses the stages of the formation of the historical-demographic school in the Republic of Kazakhstan. The experience of modernizing countries shows the decisive role of demographic indicators and research. Therefore, it is difficult to overestimate the role of historical and demographic research at the present stage. The authors paid much attention to the analysis of the main directions of historical and demographic research of the country's scientists, the interdisciplinarity of research.

Key words: history of Kazakhstan, historiography, historical and demographic school, historical demography, demographic processes

После обретения Независимости Республика Казахстан встала перед выбором пути самостоятельного проведения внутренней и внешней политики. В связи с поиском оптимального направления развития в постсоветском пространстве в сфере экономики, культуры, социального развития своевременным становится вопрос профессионального подхода к совершенствованию демографической политики страны. Путь становления республики был не прост: экономические проблемы сопровождались сложными демографическими процессами. Реализация реформ требовала знаний

* **Садыков Тлеген Садыкович** (Астана, Республика Казахстан) – доктор исторических наук, декан исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, sadykov_ts@enu.kz.
Ильясова Гаухар Сапорбековна (Астана, Республика Казахстан) – докторант Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва по образовательной программе «История», gauhartas81@mail.ru.

по имеющемуся в стране профессиональному и интеллектуальному потенциалу. Создание демографической картины в ее историческом контексте стало актуальным направлением исследований. Многие сложнейшие вопросы свое решение находили в историко-демографических исследованиях. В стране в условиях независимости формируется сильная историко-демографическая школа. В статье рассмотрен процесс формирования школы на территории Казахстана.

Изучение закономерностей демографического процесса, включающего в себя процессы естественного движения, миграционные потоки, в конкретно-исторических условиях позволяет историкам понять социальные процессы и явления эпохи, взаимосвязь с другими аспектами исторического процесса [1]. Если объектом изучения исторической демографии является, по мнению Ю.А. Полякова, человек, то «историческая демография может быть названа основой исторической науки как таковой, ибо практически все или почти все исторические труды так или иначе, прямо или опосредованно затрагивают вопросы исторической демографии» [2]. Историко-демографические исследования получили большую популярность в республике, их роль в обществе повысилась после создания в марте 1995 г. совещательного органа Совета по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Казахстан, который в 1996 г. был преобразован в Национальную комиссию по делам семьи и женщин, в 2006 г. – в Национальную комиссию по делам семьи и гендерной политике при Президенте Республики Казахстан. Это связано, в первую очередь, с тем, что вопросы укрепления брака и увеличения населения приобрели важнейшее государственное значение.

Основа для формирования историко-демографической школы была заложена в советское время известными историками – М.Т. Тынышпаевым, Б.С. Сулейменовым, Г.Ф. Дахшлейгером, К.Н. Нурпеисовым, А.Н. Нусупбековым, Н.Е. Бекмахановой и др. [3]. К особенностям исследований советских историков отнесем изучение вопросов народонаселения республики как части огромного советского государства в контексте формирования многонационального советского народа в тесной связи с экономическими процессами, в рамках формационного подхода, исторического материализма. К тому же часть документов не была в свободном доступе, была засекречена, и историки не могли в полном объеме изучать источники.

Уже в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. ученые – историки, обществоведы – стали отходить от идеологических установок. В методологическом плане большой интерес представляют работы известного историка, директора Института истории и этнологии им. Ш. Уалиханова, д.и.н., академика М.К. Козыбаева, утверждавшего важность демографического фактора в определении исторической судьбы этноса: «Историческая самореализация этносов, проявление исторического социального творчества непосредственно зависит от количественных и качественных их характеристик, а также фазы пассионарного развития самого этноса и его соседей» [4]. В результате проведенных историко-демографических исследований ученый утверждал, что на протяжении XVIII – первой половины XX в. казахи как нация трижды находились на грани «демографического небытия», пережили две «демографические катастрофы» – в 1916–1921 и 1929–1933 гг. Этот факт дал импульс для изучения общих тенденций и закономерностей формирования населения Казахстана в конце XIX – начале XX в. [5]. В методологическом плане интересны исследования М.Б. Татимова, выделившего в качестве основного принципа изучения проблем населения принцип историзма: «Демография имеет дело с постоянно развивающимся объектом – народонаселением, и без исторической основы как наука не может развиваться» [6].

М.К. Козыбаевым было определен ряд проблем и перспективных тем для исследований: «демография и рынок», «историческая демография и историческое сознание народов», влияние мировых войн, национально-освободительных движений, революций, гражданской войны на демографические процессы в Казахстане, проблема депортации репрессированных и ссыльных, спецпереселенцев, миграционные процессы из зон экологического бедствия, безработица, пауперизация населения, образование маргинальных потоков вокруг крупных городов, процессы урбанизации и т.д. [7]. Решение этих вопросов в середине 90-х гг. XX в. во многом легло на Отдел исторической демографии Института истории и этнологии им. Ш. Уалиханова, на базе которой со временем и сложилась историко-демографическая школа республики. Отделом руководил и вел активную научно-

исследовательскую деятельность д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Казахстан М.Х. Асылбеков. За период своей научной деятельности профессор объединил вокруг себя профессиональных исследователей, занимавшихся вопросами исторической демографии: под руководством М.Х. Асылбекова было защищено 12 докторских, 50 кандидатских диссертаций [8]. М.Х. Асылбеков изучал вопросы социально-демографического развития населения Казахстана и в советское время, и в период независимости [9]. Большой интерес представляют совместные работы историка-демографа с д.и.н., профессором В.В. Козиной [10]. Исследователи изучают демографические процессы в контексте нового подхода, в рамках новой демографической политики. По мнению ученых, только грамотная реализация демографической политики может стать фундаментом для реализации запланированных реформ, поэтому основной целью демографической политики государства должно быть «возрождение семьи как социального института, перестройка всей общественной структуры ради интересов семьи, деторождения, возрождения фамилистической культуры общества. Только такая политика может дать нам надежду, что Казахстан, как и все человечество, сумеет преодолеть угрозу демографической депопуляции» [11].

Усилия историков-демографов Казахстана, имена которых известны и за пределами республики, М.Т. Тынышбаева, Н.Е. Бекмахановой, М.Х. Асылбекова, Н.В. Алексеенко, М.Б. Татимова, М.К. Козыбаева, Ф.Н. Базановой, М.К. Койгельдиева, Т. Омарбекова обусловили подъем историко-демографической науки в Казахстане, совершенствование методики историко-демографических исследований, расширение круга рассматриваемых проблем и используемых источников. Были определены общие тенденции, выявлены основные исторические закономерности развития демографических процессов в стране, создана прочная основа для их углубленного исследования. Об этом свидетельствует возросший интерес к проблемам исторической демографии в республике на современном этапе.

Большой вклад в изучение народонаселения Казахстана внесли исследователи Н.В. Алексеенко, А.Н. Алексеенко. Ученые, опираясь на переписи населения и другие статистические материалы, определили тенденции изменения численности населения республики, его социального состава и этнической структуры, установили периоды демографических кризисов [12]. Комплексная оценка развития демографических процессов Казахстана в первые полтора десятилетия XXI в. представлена Ж.С. Аубакировой, А.Н. Алексеенко. Ученые отмечают такие негативные тенденции, как постепенное «старение» населения, гендерный дисбаланс возрастной структуры, высокая смертность трудоспособного населения и тем самым представляют анализ наиболее острым проблемам демографии современного Казахстана [13].

А.Б. Галиевым демографические процессы изучались на основе статистического, демографического, политологического и исторического анализа на междисциплинарной плоскости. Автором были проанализированы переписи населения республики начиная с 1897 по 1989 г. (1897, 1920, 1923, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.), на основании которых были изучены социально-демографические и миграционные процессы страны [14]. Вопросам истории миграции, изучению трендовых направлений миграций, актуальность которых возросла после миграционных потоков в 90-е гг. XX в., посвящены работы Н.Э. Масанова, И.Ю. Макеева, Е. Садовской, А.И. Кудайбергеновой [15], защищен ряд докторских и кандидатских диссертаций. Необходимо отметить докторские диссертации Ж.А. Кудайбергеновой (2010), Б.О. Жангуттина (2010), А.И. Кудайбергеновой (2010) и др., кандидатские диссертации Б.Р. Найманбаевой (2004), К.А. Енсенова (2007), К.М. Еримбетовой (2007), К.К. Сулейменовой (2009), Г. Ниязханкызы (2010), А.Н. Табулденова (2010) и др. Богатый историографический материал был изучен С.И. Ковальской. Ею были проанализированы теоретические позиции исследователей в отношении демографического развития страны. Изучению этнической истории посвящены исследования Г.В. Кана, Г.Н. Ким [16], Т.Ж. Жумасултанова [17] и др.

В конце 90-х – 2000-х гг. появляются региональные исследования социально-демографических процессов [18] и защищен ряд диссертаций по данному направлению. К примеру, демографическую ситуацию в Павлодарском регионе за 1897–2009 гг. изучала З.А. Сабданбекова, в Костанайской области по материалам переписи 2009 г. – Г.К. Баубекова, структуру общества, численность населения Павлодарской области на материалах переписей населения анализировала Г.Т. Шамшудинова [19].

Если рассматривать исследования регионального плана, то исследователи свое внимание обратили на особенности взаимодействия и взаимовлияния политического, социально-экономического развития и демографических процессов в регионах в конце XIX – первой четверти XX в.: изучались численность и этнический состав северного региона республики за годы независимости (А.М. Жаркенова [20]), рассматривались тенденции миграционных процессов в Северном Казахстане (С.В. Назарова), определялись закономерности специфики этнического и культурного развития населения северного региона (А.А. Какенова) и т.д. Несмотря на наличие ряд исследований, необходимо отметить слабую изученность демографических процессов в регионах.

Появление интересных исследований, формирование школы, работа с методологией исследований выявили необходимость профессиональных молодых специалистов, компетентных в осуществлении историко-демографических исследований, работающих в междисциплинарном исследовательском поле. В университетах в учебные планы историков ввели дисциплину «Историческая демография». В связи с этим возросла необходимость в учебно-методическом обеспечении дисциплины. Этот вакуум заполнили видные профессора, ученые высших учебных заведений республики [21].

Таким образом, в исторической науке Казахстана сложилась сильная историко-демографическая школа, осуществляющая исследования по многим направлениям: изучение демографических процессов, численности населения, межэтнической динамики, формирования многонационального государства, миграционные процессы и т.д. Фундамент школы был заложен советскими историками, однако свое развитие получила в период независимости. Нужно отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция изучения историками-демографами различий в демографических показателях при освещении взаимосвязи между социальными, экономическими и демографическими процессами. Многие исследования осуществляются на основе междисциплинарного подхода и в тесном взаимодействии не только с исторической наукой, но и социологией, географией, антропологией, экономикой и другими науками.

Источники и литература

1. Шелестов Д.К. Демография: История и современность / Д.К. Шелестов. – Москва: Финансы и статистика, 1983. – 272 с. – С. 259–261.
2. Дробижев В.З. Историческая демография – важное направление научных исследований / В.З. Дробижев, Ю.А. Поляков // Историки спорят: 13 бесед / Под ред. В.С. Лельчука. – Москва: Политиздат, 1989. – 510 с. – С. 461–480.
3. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане в последней трети XIX – начале XX века / Б.С. Сулейменов. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 411 с.; Дахилейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана / Г.Ф. Дахилейгер. – Алма-Ата, 1965. – 536 с.; Дахилейгер Г.Ф. История крестьянства Советского Казахстана / Г.Ф. Дахилейгер, К.Н. Нурпеисов. – Алма-Ата: Наука, 1985. – Т. 1. – 247 с.; Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917–1940 гг.) / А.Н. Нусупбеков. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 243 с.; Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / Н.Е. Бекмаханова. – Москва: Наука, 1986. – 242 с.
4. Козыбаев М.К. Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы / М.К. Козыбаев // Вестник АН КазССР. – 1991. – № 11. – С. 7.
5. Алексеенко А.Н. Формирование населения Республики Казахстан (1897–1996) / А.Н. Алексеенко, Н.В. Алексеенко, М. Козыбаев, Ю.И. Романов // Этнос Казахстана. Историко-демографический справочник. – Астана, 2001. – С. 4–25.
6. Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика / М.Б. Татимов. – Алма-Ата: 1978. – 255 с. – С. 210.
7. Козыбаев М.К. Демографические исследования в Казахстане: итоги и перспективы / М.К. Козыбаев // Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения Казахстана (Избранные труды). – Алматы: Ғылым, 2006. – 272 с. – С. 234.
8. https://iie.kz/ru/?page_id=53/
9. Асылбеков М.Х. Индустриализация Казахстана и его социально-экономические последствия / М.Х. Асылбеков // Мысль. – 1993. – № 4. – С. 66–75; Асылбеков М.Х. О концептуальном переосмыслении

проблем истории индустриального развития и рабочего класса Казахстана / *М.Х. Асылбеков, А.Ш. Алтаев* // Вестник Национальной Академии наук Республики Казахстан. – 1993. – № 4. – С. 66–75; *Асылбеков М.Х.* Социально-демографические процессы в Казахстане (1917–1980 гг.) / *М.Х. Асылбеков, А.Б. Галиев.* – Алма-Ата, 1989.

10. *Асылбеков М.Х.* Демографические процессы современного Казахстана / *М.Х. Асылбеков, В.В. Козина.* – Алматы, 1995; *Асылбеков М.Х.* Казахи (демографические тенденции 80–90-х годов) / *М.Х. Асылбеков, В.В. Козина.* – Алматы: Өркениет, 2000; *Асылбеков М.Х.* Народонаселение Казахстана в условиях суверенитета / *М.Х. Асылбеков, В.В. Козина.* – Алматы: Тарих тағылымы, 2009. – 178 с.

11. *Асылбеков М.Х.* Народонаселение Казахстана в условиях суверенитета / *М.Х. Асылбеков, В.В. Козина.* – Алматы: Тарих тағылымы, 2009. – 178 с. – С. 160.

12. *Алексеевко Н.В.* Население Казахстана за 100 лет (1897–1997) / *Н.В. Алексеевко, А.Н. Алексеевко.* – Усть-Каменогорск: РВКПО «Полиграфия», 1999. – 159 с.

13. *Алексеевко А.Н.* Демографические кризисы в Казахстане XX в. / *А.Н. Алексеевко, Ж.С. Аубакирова* // Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (IX Валентеевские чтения): Сборник статей и тезисов выступлений. – Москва: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2017. – 632 с. – С. 27–34.

14. *Галиев А.Б.* Межнациональные отношения в Казахстане: этнический аспект кадровой политики / *А.Б. Галиев, Е.Ж. Бабакумаров, Ж.А. Жансугурова, А.Т. Перуашев.* – Алматы: Институт развития Казахстана, 1994. – 63 с.; *Галиев А.Б.* Население Казахстана в конце восстановительного периода: численность, национальный, социально-профессиональный состав: автореф. ... канд. ист. наук / *А.Б. Галиев.* – Алма-Ата, 1979. – 23 с.

15. *Садовская Е.Ю.* Миграция в Казахстане на рубеже XXI: основные тенденции и перспективы / *Е.Ю. Садовская.* – Алматы: 1999. – 210 с.; *Құдайбергенова А.И.* Қазақстандағы көші-қон үрдістерінің тарихи демографиялық қыры (1917–1991) / *А.И. Құдайбергенова.* – Алматы: Елтаным, 2011. – 416 б.

16. *Кан Г.В.* Корейцы Казахстана. Исторический очерк / *Г.В. Кан.* – Алматы, 1994; *Ким Г.Н.* История иммиграции корейцев / *Г.Н. Ким.* – Алматы, 1999.

17. *Жумасултанов Т.Ж.* Народ Казахстана: современное состояние народонаселения в Республике Казахстан / *Т.Ж. Жумасултанов.* – Алматы, 2008.

18. *Сдыков М.Н.* Формирование населения Западного Казахстана в XVIII–XIX веках / *М.Н. Сдыков.* – Алматы. 1996. – 217 с.; *Козина В.В.* Население Центрального Казахстана (конец XIX в. – 30-е годы XX в.) / *В.В. Козина.* – Алматы, 2000. – 144 с.

19. *Шамиудинова Г. Т.* Материалы переписи населения как источник изучения демографической истории Казахстана: на примере Павлодарской области / *Г. Т. Шамиудинова.* – Павлодар: Керек, 2014. – 155 с.

20. *Жаркенова А.М.* Численность и этнический состав населения северного региона Казахстана в постсоветский период / *А.М. Жаркенова* // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 4 (6). – С. 90–94.

21. *Садыков Т.С.* Введению в историческую демографию / *Т.С. Садыков, Н.З. Такижбаева.* – Алматы, 1998. – 124 с.; *Жумасултанов Т.Ж.* Население Казахстана с древнейших времен до наших дней / *Т.Ж. Жумасултанов, А.Т. Ибраев.* – Алматы, 2000; *Козина В.В.* Демографическая история Казахстана: Учебное пособие / *В.В. Козина.* – Караганда: Издательство КарГУ, 2007. – 145 с.

*В.И. Силин**

**Коми край в статистических и отраслевых Российских атласах
второй половины XIX в.****

В статье рассматривается информация, размещенная в географических атласах второй половины XIX в. Сведения содержат характеристику территории современной Республики Коми, которая входила в XIX в. в Архангельскую и Вологодскую губернии.

Ключевые слова: *географические атласы, Вологодская губерния, Архангельская губерния, Республика Коми, статистические данные, региональная статистика*

V.I. Silin

**Komi Region in statistical and branch Russian atlases
of the second half of the XIX century**

The article discusses the information published in geographical atlases of the second half of the XIX century. The information contains a description of the territory of the modern Komi Republic, which was part of the Arkhangelsk and Vologda provinces.

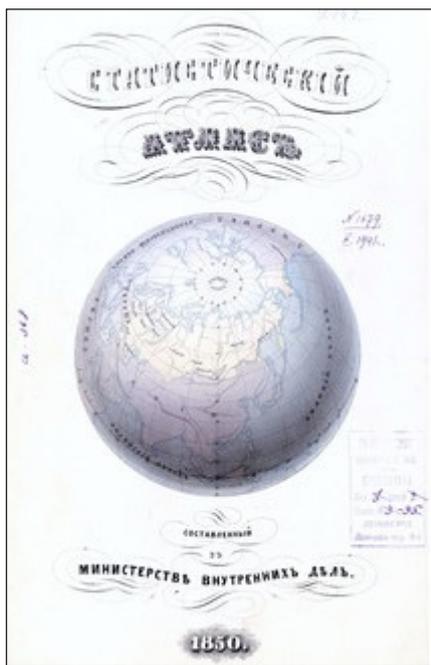
Key words: *geographical atlases, Vologda province, Arkhangelsk province, Komi Republic, statistical data, regional statistics*

Данная статья является продолжением исследования Российских атласов, проводимого автором. Многие атласы сейчас представляют библиографическую редкость, но, к счастью, большая часть из них сегодня оцифрована, к таковым относится, например, «Этнографический атлас» П.И. Кеппена [1]. Во второй половине XIX в. стали широко издаваться отраслевые атласы, содержащие обширную информацию по определенной отрасли промышленности и другим показателям.

В 1850 г. Николай Алексеевич Милютин составил по материалам губернских отчетов за 1849 г. и другим сведениям «Статистический атлас Европейской России» [2] – первый атлас по экономической географии. Он состоит из 35 карт. Наибольшее количество карт в форме картограмм посвящено размещению населения (10 карт); шесть карт атласа, относящихся к сельскому хозяйству, заимствованы из «Хозяйственно-статистического атласа Европейской России», составленного К.С. Веселовским (1852). Большой интерес представляют карты промышленности, ярмарочной торговли и др. До этого атласа Милютиным была составлена первая карта плотности населения Европейской России, которая в 1851 г. под названием «Степень населенности губерний и областей Европейской России» была опубликована в «Сборнике статистических сведений о России», изданном Географическим обществом (1851). Карты атласа дают ценный материал для характеристики сельского хозяйства, промышленности, населения и торговли России. Данный Атлас был выпущен в рукописном виде лишь в нескольких экземплярах. Вместе с высоким качеством исполнения это делает его важной частью коллекции тематических атласов Русского географического общества (РГО). В 2021 г. Атлас был размещен на Геопортале РГО. Несмотря на то, что Атлас не был опубликован, он привлекал внимание исследователей [3, 4], но материал по географии Северных губерний не рассматривался. Нас интересовали данные для Архангельской и Вологодской губерний, в которые входила территория современной Республики Коми.

* **Силин Владимир Иванович** (Сыктывкар) – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, silinv@rambler.ru.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Н.А. Милютин.

Первая карта в Атласе – «Степень населенности губерний» – содержит сведения о том, что в Архангельской и Вологодской губерниях на квадратную милю приходилось от 16 до 600 чел., в Вологодской губернии плотность населения была наибольшей. Вторая карта – «Расселение всех иноверцев по губерниям» – показывает, что всех иноверцев на 1000 жителей приходилось менее 10 чел. При этом в 46 губерниях и одной области проживало 7 634 152 иноверцев, из них иноверцев муж. пола – 3 789 977, жен. пола – 3 835 175, в том числе христиан – 4 530 446 (муж. – 2 226 943, жен. – 2 303 503); нехристиан – 3 103 706 (муж. – 1 572 034, жен. – 1 531 672). На 1000 жителей в среднем приходилось 145 чел. иноверцев, из них христиан – 86, не христиан – 59. Третья карта – «Расселение иноверцев-христиан по губерниям». На северные губернии приходилось менее 10 чел. на 1000 жителей. Самое большое количество в западных «совр. – прибалтийских» губерниях (до 900 чел.). Согласно карте «Расселение иноверцев нехристиан по губерниям» в Архангельской губернии число иноверцев составляет менее 10 чел. на 1000 жителей. В Вологодской губернии иноверцев не отмечено совсем (хотя, конечно, были всегда).

Карта «Отношение числа удельных крестьян к общему населению губернии» указывает, что для Вологодской губернии на 1000 чел. приходилось от 50 до 100, для Архангельской – от 100 до 200 удельных крестьян. Всего в европейской части России их было 1 751 141 чел. (муж. – 832 766; жен. – 918 375).

Число раскольников в Архангельской губернии составляло от 30 до 55 чел. на 1000 жителей; в Вологодской – от пяти до 10 чел. Всех раскольников по 46 губерниям было 652 440, из них: поповщины – 356 672 (муж. – 165 710, жен. – 190 962), беспоповщины – 274 941 (муж. – 121 604, жен. – 151 337), вреднейших сект (?) – 20 887 (муж. – 10 165, жен. – 10 662).

Отношение числа потомственных дворян к общему населению Архангельской и Вологодской губерний менее пяти человек на тысячу жителей. Интересны сведения о дворянах в целом для европейской части России, за исключением Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний. Всего потомственных дворян по VIII ревизии в 46 губерниях и одной области было 546 957, из них имеющих право голоса на выборах в губернские собрания – 24 208. Владельцев крепостными крестьянами с землей и без земли – 126 465. Интересным является и распределение дворян, владеющих крестьянами:

- Владеющих крепостными людьми без земли – 17 203;
- Имеющих в своем владении менее 21 души – 58 415;
- Имеющих в своем владении от 21 до 100 душ – 30 397;

Имеющих в своем владении от 100 до 500 душ – 16 730;
Имеющих в своем владении свыше 500 душ – 3 724;
Личных дворян обою пола – 195 709.

Соотношение купцов и мещан в северных губерниях было менее 50 на тысячу жителей. Государственных крестьян насчитывалось от 500 до 700 на тысячу жителей, а помещичьих в Архангельской губернии – менее 50 чел. на тысячу, в Вологодской губернии – от 100 до 300. Самое большое количество помещичьих крестьян было в Смоленской, Могилевской и Тульской губерниях. На севере было больше отставных нижних чинов и бессрочно отпускных, чем на других территориях: в Архангельской – от 70 до 90, в Вологодской – от 50 до 70 на тысячу жителей. Иностранцев подданных в Вологодской губернии насчитывалось менее пяти на тысячу, в Архангельской – от пяти до 15. Наибольшее количество иностранцев было, естественно, в Санкт-Петербурге.

На карте урожая хлеба в северных губерниях до северных территорий Архангельской губернии показан урожай озимых хлебов – 2-3 четверти, ярового – 1-2 четверти. Всего в Европейской России выросло 240 миллионов четвертей хлеба, в 1847 г. за границу было отпущено 10,5 млн четвертей. Средние цены на четверть ржи девятипудового веса в Архангельской губернии составляли от четырех до пяти рублей, в Вологодской – от 3,5 до 4 руб. Стоимость натуральных повинностей на душу населения в Архангельской губернии составляла от 50 коп. до 1 руб., в Вологодской – от 30 до 50 копеек.

В плане развития промышленности северные губернии были на самом низком уровне, стоимость изделий составляла менее 1 млн руб. серебром.

Количество рогатого скота в Архангельской губернии составляло от 300 до 400 на тысячу жителей, в Вологодской – от 500 до 650. По всем губерниям в Европейской России насчитывалось 19 608 910 голов. Количество овец в северных губерниях было от 300 до 500 голов на тысячу жителей, количество лошадей в Архангельской губернии – от 100 до 200, в Вологодской – от 200 до 400 голов на тысячу жителей. На карте скотопрогонных трактов указан тракт, по которому в столицу доставлялись коровы холмогорской породы. Он проходил через Вытегру и Новую Ладугу. На карте «Ярмарки и торговые обороты» обе губернии показаны одним фоном, оборот ярмарок составлял от 500 до 1 000 000 руб. Всего число всех ярмарок в 46 губерниях и одной области составляло 4 275.

С оборотом свыше 45 000 000 руб. серебром – 1 ярмарка.

С оборотом свыше 25 000 000 руб. серебром – 1 ярмарка.

С оборотом от 1 000 000 до 10 000 000 – 8 ярмарок.

С оборотом от 300 000 до 1 000 000 – 14 ярмарок.

С оборотом от 100 000 до 300 000 – 36 ярмарок.

С оборотом от 50 000 до 100 000 – 64 ярмарки.

С оборотом менее 50 000 – 4151 ярмарка.

На территории северных губерний отмечены ярмарки в Архангельске, Благовещенском, Краснорборске с оборотом от 1 000 000 до 100 000 млн. руб.; в Великом Устюге, Вологде, Грязовце с оборотом от 50 000 до 100 000 руб. Самая большая ярмарка была в Нижнем Новгороде – свыше 10 000 000 руб.

В Атласе приводятся податные оклады и недоимки по сословиям.

Преступность в северных губерниях была значительно меньше, чем в центральных и южных. Так, в Архангельской губернии бродяг и пристанодержателей (пристанодержатель – укрыватель воров, содержатель притона. – В.С.) было от 10 до 30 на 100 000 жителей, в Вологодской еще ниже – от одного до 10. В основном это были бродяги. Самая «преступная» территория – Санкт-Петербургская губерния, свыше 260 чел. В Архангельской губернии преступлений против собственности насчитывалось от 50 до 100 на 100 000 жителей, в Вологодской меньше – от 10 до 30. В 1849 г. в Европейской России было совершено 24 931 преступление против собственности: воровство и мошенничество – 18 090; конокрадство – 5 794; грабежи – 690; зажигательство – 357. Убийств в Архангельской губернии было от трех до пяти на 100 000 жителей, в Вологодской – 1–2. На 46 губерний и одну область приходилось 1 089 убийств, 1 512 самоубийств; прочие преступления против личности: детоубийства – 30, подкидыши – 3114, личные оскорбления – 804, случаи противозаконного удовлетворения плотских страстей – 194.

Карта распространения холеры: с 1847 по 1850 г. в Архангельской и Вологодской губерниях умерло менее пяти человек на 1000 жителей. Умирало из заболевших от пяти до шести человек из 10. Наибольшее количество заболевших и умерших приходилось на столичные города и на южные губернии.

На карте «Существующие минеральные воды и карантинные учреждения» отмечены Ракульские – серные воды в районе С. Двины (Архангельская губерния), Леденские – соляные, в районе Сухоны и Корнильевские – железо-сернистые (Вологодская губерния). Всего в Европейской России на 1850 г. насчитывалось 23 карантинных учреждения.

На 1850 г. в Архангельскую и Вологодскую губернии приезжали 10–15 чел. на 1000 жителей. Интересна статистика для всей Европейской России: родилось всего – 2 356 522 чел.; в городах – 201 104 (муж. – 103 995, жен. – 97 109), в уездах – 2 155 418 (муж. – 1 091 929, жен. – 1 063 489). На 1000 жителей приходилось 45 рождений. В числе родившихся было: троен – 54, четверней – 4, незаконнорожденных – 53 122, подкидышей – 3 114. Умерло всего – 1 883 362: в городах – 196 382 (муж. – 106 968, жен. – 89 414), в уездах – 1 686 980 (муж. – 106 968, жен. – 89 414). На 1000 жителей приходилось 36 умерших. В числе умерших до одного года было 308 274 чел., от одного до пяти лет – 287 546, от 60 до 100 лет – 180 960, свыше 100 лет – 60 чел. В городах приходился один брак на 105 жителей, в уездах – один брак на 99 жителей.

В 1858–1860 гг. проводились работы по составлению Атласа реки Северной Двины инженером, штабс-капитаном А. Василевским [5]. Масштаб у сборного листа составлял 20 верст в дюйме, у листов – 500 сажений в английском дюйме. Атлас является бесценным топонимическим источником, источником по реконструкции гидрографической сети и изучения русла. На картах показаны линии стрежны реки, перекаты, мели острова. К сожалению, территория современной республики в атласе не отражена.

В 1962 г. опубликован Атлас учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа [6], где показаны карты Архангельской и Вологодской губерний (70 верст в одном дюйме) с показом учебных заведений на этих территориях.

Учебные заведения на территории Вологодской губернии:

Усть-Сысольский уезд

Троицко-Печорское – приходское училище

Помоздинское – пр

Усть-Куломское – пр

Небдинское – пр

Корткеросское – пр

Усть-Сысольск – уездное училище (уу), пр, уездное женское училище (уж)

Сретенское – пр

Визингское – пр

Яренский уезд

Усть-Вымское – пр

Шежемское – пр

Объячевское – пр

Яренск – уу, уж, духовное училище

Иртовское – пр

Ертомское – пр

Учебные заведения на территории Архангельской губернии:

Мезенский уезд

Усть-Цилемское – пр

Ижемское – пр

Ламрожеское – пр

Мезень – уу

Долгощельское – пр

В 1860-е гг. вышло несколько изданий «Хозяйственно-статистического атласа Европейской России» [7], изданный в 1851 г., выдержавший четыре издания – 1851, 1852, 1857 и 1869 гг. В статье рассматривается этот атлас по четвертому изданию 1867 г. Атлас насчитывает 11 карт. Все они отражают степень развития, в основном, сельского хозяйства на тот период времени. Первая карта «Почва и климат» масштаба 1:8 400 000 составлена академиком К.С. Веселовским в 1851 г. и является первой почвенной картой в России. Карта содержит восемь видов почв и грунтов, на ней нанесены линии среднегодовых температур воздуха и ареалов возможного выращивания некоторых сельскохозяйственных растений. Кстати, К.С. Веселовскому принадлежат первые работы по климату Усть-Сысольска. Ближайшие изолинии для Усть-Сысольска: среднегодовая температура 0–1°, изолинии лета – 12°, зимы – 10°. Почва – суглинок и глина. Северные пределы разведения ячменя и ржи проходят в районе Усть-Цильмы, северная граница яровой пшеницы – в районе Визинги.

Относительно пахотных земель на 100 десятин общего пространства пахотных земель приходится менее 10 десятин, на 100 десятин пахотных полей на сенокосы – от 50 до 70 десятин. На территории распространено подсечное хозяйство. Урожайность на территории озимого составляла от 2,5 до 3,5 сам, ярового – до 2,5 сам. Интересно, что на территории Средней Печоры и Ижмы урожайность зерновых показана выше – до 4 сам. Средние цены на одну четверть ржи девятипудового веса на территории Печоры составляли от 5 до 6,5 руб. серебром, на территории Вычегды – 4–5 руб. Льняное производство было распространено на Вычегде только на территории Сольвычегодского уезда. На территории бассейна Вычегды на 100 чел. приходилось от 20 до 30 лошадей, на территории бассейна Печоры – от 10 до 20 лошадей. На территории Печоры и Вычегды леса из 100 десятин занимали более 80 десятин, при этом более 75 % принадлежали казне. Сплав леса по Печоре осуществлялся к устью и по Вычегде – к Архангельску. Очень ценна для историка-географа объяснительная записка к этому атласу [8].

В 1871 г. в Петербурге образовалось Лесное общество. По инициативе общества созывались Всероссийские съезды лесовладельцев и лесохозяев, сыгравшие положительную роль в развитии отечественного лесоводства. В 1873 г. профессор П.Н. Вереха и А. Матерн выпустили Лесохозяйственный статистический атлас Европейской России [9]. Целью создания Атласа было не только показать состояние лесохозяйства в России, но и наметить перспективы развития его на будущее. В Атласе приведены карты: 1. Распределение общей площади лесов по губерниям; 2. Распределение площади казенных лесов к пространству губерний; 3. Распределение площади лесов казенных по уездам, в отношении к площади уездов; 4. Распределение общей площади лесов по губерниям, в отношении к числу жителей губерний; 5. Распределение площади лесов казенных по губерниям, в отношении к числу жителей губерний; 6. Распределение площади лесов казенных по уездам, в отношении к числу жителей уездов; 7. Распределение площади лесов казенных устроенных, в отношении к неустроенным; 8. Эксплуатация лесов казенных; 9. Средний валовой доход от казенных лесов в деньгах.

В 1870 г. выходит Статистический Атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов [10] (в 3 выпусках; Вып. 2: Писчебумажная, кожевенная, свечная и мыловаренная промышленность. 1870; Вып. 3: Стекланная и гончарная промышленность, машиностроительное производство. 1873). Атлас был удостоен медалей на Парижской всемирной выставке 1867 г. и на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г.

В 1874 г. А.А. Ильиным был опубликован атлас «Опыт статистического Атласа Российской империи». В Атласе приведены данные по физической и экономической географии [11]. Сведения для карт были получены из Центрального Статистического Комитета, Военно-топографического отдела и Военно-Ученого Комитета Генерального Штаба, Департаментов Торговли и Мануфактур, Земледелия и других организаций. На карте «Важнейших отраслей промышленности» показаны Нючпанский, Кажемский с надписями и Нювчимский заводы, при них значками указаны руды. Значком отмечен и Сереговский промысел. На обширных просторах указаны леса и звериный промысел. Отмечены Ношульская пристань и разведение льна в низовьях Вычегды.

В итоге следует сказать, что статистические и отраслевые атласы Российской империи в XIX в. содержали как географические данные, так и информацию по демографическому и промышленному развитию региона.

Литература

1. *Силин В.И.* Коми край в Российских атласах конца XVIII – первой половине XIX в. / *В.И. Силин* // Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций российского общества (Республика Коми. История и современность): сб. – Сыктывкар, ГОУ ВО КРАГСиУ, 2022. – С. 26–31.
2. *Милютин Н.А.* Статистический атлас Европейской России / *Н.А. Милютин*. – Санкт-Петербург, 1850. – 38 с.
3. История российской государственной статистики: 1811–2011 / Росстат. – Москва: ИИЦ «Статистика России», 2013. – 143 с.
4. *Яцунский В.К.* Неопубликованный статистический атлас министерства внутренних дел 1850 г., составленный Н.А. Милютиным / *В.К. Яцунский* // Вопросы географии. – Москва, 1950. – Сб. 17.
5. Атлас реки Северной Двины: по изысканиям, произведенным в 1858, 1859 и 1860 г. под руководством инж. штабс капитана А. Василевского. – Санкт-Петербург: Изд. Гл. упр. путей сообщения и публич. зданий, 1861.
6. Атлас учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа. – Санкт-Петербург, 1862.
7. Хозяйственно-статистический атлас Европейской России. – Санкт-Петербург, 1869.
8. Объяснение к Хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. – Санкт-Петербург, 1869. – 523 с.
9. Лесохозяйственный статистический атлас Европейской России [Карты] / под ред. П. Верехи и А. Матерна. – Санкт-Петербург: Лесное о-во, 1878. – 22 с. 1 атл. (VIII, 1 л.).
10. *Тимирязев Д.А.* Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности европейской России с поименным списком фабрик и заводов: В 3 вып. / *Д.А. Тимирязев* / Сост. по офиц. сведениям Деп. торговли и мануфактур Д.А. Тимирязев, член Имп. геогр. и Рус. техн. о-в, член-корр. Имп. Вольного экон. о-ва. – Санкт-Петербург: Б. и., 1869. – 1870. – Вып. 2: Писчебумажная, кожевенная, свечная и мыловаренная промышленность. – 1873. – Вып. 3: Стекланная и гончарная промышленность, машиностроительное производство.
11. *Ильин А.А.* Опыт статистического Атласа Российской империи / *А.А. Ильин*. – Санкт-Петербург, 1874. – 45 карт.

*Л.П. Рощевская**

**Документы Научного архива Коми НЦ УрО РАН
по истории колонизационных экспедиций Наркомзема
в Автономную область Коми в 1920-х гг.**

Колонизационная экспедиция Наркомзема под руководством почвовед К.Ф. Маляревского исследовала территорию Автономной области Коми в бассейне р. Печора в 1926–1930 гг. Наиболее полный комплекс источников об экспедиции сохранен в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. В поездках участвовали постоянные сотрудники, которые исследовали почвы и растительность, выясняли, как отражаются землеобеспеченность, животноводство, промыслы на хозяйстве старожилов и новоселов в районах Субарктики Европейского северо-востока в 1920-х гг. Колонизационная экспедиция под руководством К.Ф. Маляревского доказала возможность освоения Субарктики.

Ключевые слова: колонизационные экспедиции, переселение, освоение, Европейский север России, Субарктика, бассейн р. Печора

L.P. Roshchevskaya

**Documents of the Scientific Archive of the Komi Scientific Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
on the history of colonization expeditions of the People's Commissariat
of Land to the Autonomous Region of Komi in the 1920s**

The colonization expedition of the People's Commissariat of Land under the leadership of soil scientist K.F. Malyarevsky conducted research on the territory of the Autonomous Region of Komi in the basin of the Pechora River in 1926–1930. The most complete set of sources about the expedition is preserved in the Scientific Archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. The expedition investigated soils and vegetation, found out how land security, animal husbandry, and crafts affect the economy of old-timers and new settlers in the Subarctic areas of the European Northeast in the 1920s.

Key words: colonization expeditions, resettlement, development, European North of Russia, Subarctic, Pechora River basin

Колонизационные экспедиции ставили цель изучить районы предстоящего заселения, определить размеры и качество пустующих земель, возможности земледелия, удобство сообщения и перспективы развития.

Латинское слово «колонизация» трактовалось в словарях русского языка до 1942 г. как заселение свободных пустующих земель на окраинах собственной страны, а слово «колонизационный» – как процесс, связанный с заселением свободных земель, с переселением. Понятие «колонизация» в России второй половины XIX – начала XX в. широко использовали, но по разному трактовали российские и советские историки С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, М.К. Любавский, С.В. Бахрушин. В начале XX в. программа экономического развития страны, выдвинутая П.А. Столыпиным, была

* **Рощевская Лариса Павловна** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела междисциплинарных гуманитарных научных исследований ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН», lp38rosh@gmail.com.

напрямую связана с переселением крестьянства. Термин «колонизация» стал популярным, особенно благодаря публикациям А.А. Кауфмана.

В северном регионе в начале XX в. проблемы колонизации, прежде всего в Печорском уезде Архангельской губернии, вызывали дискуссии (Н.Н. Мамадышский, Н.А. Кулик, С.В. Керцелли). Библиографической ценностью являются малотиражные издания об экспедициях до 1917 г. в Коми край Л.Л. Рума [1], А.А. Кауфмана [2], П.А. Сорокина [3], И.И. Тулубьева [4]. Некоторые публикации сохранены в Научной библиотеке Коми НЦ УрО РАН [5]. Включился в обсуждение переселений член Архангельского общества изучения Русского Севера А.В. Журавский [6, 7]. Он ратовал за добровольную, колонизацию, утверждал, что нужно учитывать природные особенности Печорского края. Журавский определил состав почвы, пригодный для выращивания сельскохозяйственных культур, медленное оттаивание мерзлоты; сделал важные наблюдения о развитии географических, ботанических и экономических знаний, пришел к выводу о возможности в условиях северного климата выращивать сельскохозяйственные растения [8].

После революции 1917 г. преобладала официальная трактовка правительственных постановлений о колонизации, в том числе переселений [9]. В 1920 г. географ и экономист Ю.П. Иорданский инициировал проблему колонизации «обширного безлюдного и бездорожного» Севера. По его словам, переселение «для России на долгие годы будет одной из самых важных мер экономической политики, без которой тяжелый и бесконечно длительный демографический кризис неизбежен». Под колонизацией он понимал систему мер общего развития экономической жизни «путем использования его естественных богатств», когда экономика будет базироваться на промышленном использовании леса и формировании путей сообщения. Автор выступал за развитие интенсивной колонизации «по одной разработанной программе», а также изучение заселяемых территорий [10].

Для разработки планов увеличения переселенческих мероприятий на Европейский Северо-Восток была организована крупная колонизационная экспедиция под руководством почвовед К.Ф. Маляревского, продолжавшаяся несколько лет [11]. Экспедиция привлекла внимание современников, о чем свидетельствуют публикации в журналах «Уральское краеведение» [12] и «Коми му» [13].

Несмотря на то, что в 1928 г. слово «колонизация» изъяли из советской лексики [14], в научном мире высоко оценивали колонизационные исследования Маляревского. На первой сельскохозяйственной научно-производственной конференции Коми АССР в 1943 г. почвовед Е.Н. Иванова отмечала, что южная сельскохозяйственная часть Коми АССР лучше изучена благодаря Прилузской колонизационной экспедиции 1929 г. [15. Оп. 7. Д. 47. Л. 1]. Сотрудник Базы АН ССР по изучению Севера О.С. Полянская подчеркивала, что почвенно-геоботанические исследования имеют «ясно выраженную хозяйственную целеустремленность» и предпринимаются для «выяснения колонизационного и переселенческого фонда, изучения естественных кормовых угодий и вообще сельскохозяйственной пригодности края» [15. Оп. 2. Д. 116. Л. 6]. Интерес к истории колонизации севера до 1917 г. возобновили публикации историка Т.А. Малковой [16, 17] и географа В.И. Силина [18].

Источники по истории колонизационных исследований на территории Коми края имеются в Национальном архиве Республики Коми, Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. В Государственном архиве Пермского края сохранена справка начальника объединенной экспедиции Народного комиссариата земледелия по обследованию Печорского края К.Ф. Маляревского [19]. В Национальном архиве Республики Коми преобладают документы об экспедициях до 1917 г. В фондах пристава 1 стана Усть-Сысольского уезда и Усть-Сысольского окружного управления Вологодского губернского управления земледелием имеются рапорты о прибытии и отъезде из уезда, экономические обзоры, доклады и переписка о появлении и распределении переселенцев исследователя Л. Рума (1901 г.) [20]. В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН сохранившиеся документы по теме отложились в лабораториях биологии растений и геоботаники; лесоведения и лесоводства; почвоведения.

В сообщении поставлены задачи охарактеризовать информационное богатство научных отчетов как источников, состав специалистов, работавших на территории Автономной области Коми, и их вклад в изучение Субарктики.

Константин Федорович Маляревский (1879–1934) происходил из дворянской семьи, рано проявил интерес к естественным наукам. Он относился к тому поколению, кого относили к последователям основателей почвоведения В.В. Докучаева и К.Д. Глинки, кто прошел «практику земских исследований» и стал питомцем Петербургского университета [21]. Будущий академик К.Д. Глинка возглавлял географические исследования по оценке почв. По заданию Переселенческого управления Министерства земледелия он организовал в 1906 г. экспедицию, чтобы выявить земельные фонды, необходимые для переселений, и пригласил Маляревского изучать почвы Воронежской губернии. Результатом стала подробная публикация с участием Маляревского [22].

Научный и государственный интерес к проблемам переселения сохранялся в России и после революции 1917 г. Первая северная колонизационная экспедиция под руководством Маляревского начала обследование Карело-Мурманского края вдоль линии Мурманской железной дороги в Карелии и на Кольском полуострове (1923–1926 гг.) [23]. В состав экспедиции входили Маляревский, ботаник Ю.Д. Цинзерлинг, почвовед Ю.А. Ливеровский, инженер-геолог и почвовед М.Ф. Розен, землеустроитель, топограф и фотограф. Они выясняли физико-географические возможности заселения районов и кормовые запасы. Трудоемкой и сложной задачей являлось составление карт. В работе использовали новейший американский опыт по определению кислотности почвы, сделали более 250 фотоснимков. Экспедиция имела благоустроенную базу в железнодорожном вагоне, где располагалась и походная лаборатория полустационарного типа. Отчетный сборник украшало несколько картосхем рельефа, почвы и растительности. Как признано в современной литературе, опубликованные статьи К.Ф. Маляревского не потеряли своего значения и в настоящее время.

Во второй половине 1920-х гг. К.Ф. Маляревский, будучи старшим преподавателем Ленинградского сельскохозяйственного института, и используя опыт работы на Мурманской железной дороге, возглавил более крупное колонизационное обследование бассейна реки Печоры в Автономной области Коми. Уникальность этой территории заключалась в географическом положении. Это район Субарктики, граничащий с арктическим поясом на севере и умеренным поясом на юге (примерно между 60° и 70° с. ш.). Пос. Якша, ставший базой для одной из экспедиций, расположен на 61° 49' 57" с. ш. и относится к районам Крайнего Севера и приравненным к нему местностям. Недаром, чтобы исследовать признаки деградации многолетней мерзлоты с 2020 г. Российский научный фонд проводит научную экспедицию по Печоре от Якши до Нарьян-Мара [24].

В Печорской колонизационной экспедиции участвовали ботаники Ю.Д. Цинзерлинг, Ф.В. Самбук и В.Н. Андреев, который упоминал как значительное событие в своей жизни участие в Ижемско-Ухтинском отряде 1929 г. [15. Оп. 2. Д. 15. Л. 1], почвоведы К.Ф. Маляревский и Г.А. Ливеровский, инженер-геолог почвенной лаборатории М.Ф. Розен, коллектор-препаратор и вспомогательные рабочие. Ю.Д. Цинзерлинг, К.Ф. Маляревский, Г.А. Ливеровский и И.С. Васильев ездили ежегодно.

Ботаник Юрий Дмитриевич Цинзерлинг (1894–1939), доктор биологических наук (1935) работал в гербарии Ботанического музея, Главном ботаническом саду АН СССР и Ботаническом институте, был консультантом Кольской базы АН СССР (1935), занимался обработкой геоботанических материалов поймы средней Печоры в Северной базе АН СССР в 1937 г. [25]. В Научном архиве сохранены машинопись его статьи и отзывы на работы коллег [15. Оп. 7. Д. 1; Оп. 2. Д. 52]. Цинзерлинг ввел понятие «геоботанический район»; первым выделил зону лесотундры, разработал классификацию растительности болот и определил особенности болот в бассейне Средней Печоры. Его труды опубликованы в Трудах Полярной комиссии и Трудах Ледниковых экспедиций («Урал, Приполярные районы») в 1935 г. Но судьба ученого сложилась трагически. Его реабилитировали в 1957 г.

Исследователь тундры Феодосий Викторович Самбук (1900–1937) работал в тех же учреждениях, вел исследования растительного покрова тундры в Институте оленеводства ВАСХНИЛ (1931 г.), вместе с А.А. Дедовым предложил новую методику изучения оленьих пастбищ (зонирование), нанёс на карту границы подзон Припечёрских тундр [26, 27]. В 1937 г. представил работу о растительности Таймыра как докторскую диссертацию, но тоже был репрессирован. Реабилитирован в 1957 г.

Географ-почвовед Юрий Алексеевич Ливеровский (1898–1983), кандидат геолого-минералогических наук (1935), доктор сельскохозяйственных наук (1939), доктор географических наук (1946) руководил почвенными экспедициями АН СССР и СОПС АН СССР в 1932–1941 гг. [28, 29, 30].

Геолог и горный инженер Михаил Федорович Розен (1902–1989) работал старшим инженером-геологом в почвенной лаборатории Центрального гидрометеорологического бюро [31], участвовал с Маляревским в Мурманской железнодорожной экспедиции. После репрессий сослан на Алтай, где прославился как краевед.

Для первого года изучения был выбран район средней Печоры, потому что здесь имелись земельные и луговые земли; богатые рыбные и охотничьи угодья, а также брусяно-точильные промыслы. Наличие оседлого и кочевого населения влияло на развитие хозяйства. Исследования в 1926–1927 гг. проводили в районе Верхней Печоры; в 1928 г. – средней и нижней Печоры, в 1929 г. – в районах Ухты, Ижмы и Усы. К этому времени здесь обнаружили каменноугольные запасы, а Печора была судоходной почти на всем протяжении. В 1931 г. исследовали Прилузье и трассу Пинюг–Сыктывкар.

К.Ф. Маляревский считал, что «проблема освоения северных окраин Европейской части РСФСР» далеко не новая и неоднократно возникала еще в дореволюционное время, но «продолжает оставаться жгучей проблемой, к практическому разрешению которой лишь только приступают». Он подчеркивал, что местные власти стремились «изжить ложные представления о крае» и «ставили перед центральными органами вопросы о проведении в Коми автономной области ряда специальных научно-организационных обследований» [15. Оп. 7. Д. 2. Л. 1].

Экспедиция вела почвенные, геоботанические, климатические, геологические исследования, а также выясняла, как проявляются в хозяйствах старожильского крестьянского населения и в новых образованиях поселкового типа землеобеспеченность, животноводство, промыслы, условия транспорта, рынка, кредиты.

Маляревский писал, что из 19 населенных пунктов обследовали 12, в том числе волостные центры Усть-Щугор, Усть-Кожва, Усть-Лыжа, Усть-Уса. Характеристика климата, растительности, лесных ресурсов позволила сделать вывод, что при освоении региона следует делать ставку на развитие животноводства, перспективы которого значительны. В Щугорской, Лыжинской и Усинской волостях имеется 696 крестьянских хозяйств. Луга занимают 27 710 га. Развивать в этом районе колонизацию для лесного хозяйства не приходится, так как на обследованной территории товарного соснового леса почти нет. Хлебопашество затруднено из-за сурового климата, а огородничество (посадки картофеля) невелико. К тому же местное население остро нуждается в агрономической помощи и посевных материалах.

После экспедиции К.Ф. Маляревский докладывал о результатах работы на заседаниях сельскохозяйственной секции облплана и Общества изучения Коми края в Сыктывкаре.

В 1927 г. Маляревский продолжил исследование бассейна Печоры по той же программе с участием тех же соратников. База экспедиции располагалась в пос. Якша. Маляревский с коллегами пришли к выводу, что в этом районе можно развивать травосеяние, но население не занимается этим «из-за инертности». Было отмечено, что местное население «определенно отрицательно» относится к будущим переселенцам, так как видит в них «претендентов при переделах земли», а это создает ситуацию, когда «не приходится говорить о колонизации». Сельское хозяйство в районе имеет ограниченные возможности, без «существенного подъема» промышленности в этом районе «нельзя и говорить о колонизации» [15. Оп. 7. Д. 3. Л. 230].

Колонизационные исследования 1926–1927 гг. показали, что сельскохозяйственное возможности в районе средней и нижней Печоры заключаются главным образом в форме молочного скотоводства и луговодства. Исследования Маляревского были очень продуманными, а выводы звучали убедительно, поэтому его мнение стало авторитетным в отношении луговодства, а его концепция определила дальнейшие исследования. Колонизационные исследования сводились главным образом к отысканию и изучению лугового фонда и во время экспедиции в верховья Печоры выяснили, что в сравнении с районом средней Печоры, в верховьях лугового фонда почти нет [15. Оп. 7. Д. 4].

В 1929 г. исследования были расширены, что отражено в четвертом томе об экспедиции в район Ухты, Ижмы и Усы [15. Оп. 7. Д. 5. 273 л.]. К этому времени уже стало очевидно, что для хозяйства страны первоочередными стали проблемы добычи каменного угля на Печоре, нефти на р. Ухта и

лесных ресурсов на р. Ижма. Но эти районы были почти не заселены, поэтому возникла главная задача – заселение и дорожное строительство.

В 1930–1931 гг. К.Ф. Маляревский возглавил новую экспедицию и в Научном архиве появился новый документ: «Почвенно-геоботанический очерк Прилузья и трассы Пинюг–Сыктывкар». Как видно из отчета, один из отрядов вел геоботанические исследования поймы р. Сысола от Кажима до Межадора и от с. Иб до устья под руководством будущего члена-корреспондента АН СССР А.П. Шенникова [15. Оп. 7, Д. 6–7. 134 л.].

Экспедиция Наркомзема (1926–1929 гг.) обследовала значительное пространство Печорского края, собрала обширный геоботанический материал, составила карту растительности в масштабе 1 : 100 000. Научные статьи участников опубликованы в авторитетных изданиях того времени. В гербарий Ботанического института АН СССР поступило большое количество эксикат. В 1930-х гг. К.Ф. Маляревский стал профессором института, но скончался при невыясненных обстоятельствах в Ленинграде в 1934 г.

Итак, наиболее полный комплекс источников о колонизационных экспедициях в Автономную область Коми после 1917 г., выполненных под руководством К.Ф. Маляревского, сохранен в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН. Выявленные документы представляют собой объемные научные отчеты, которые отличаются логической последовательностью, четкостью формулировок и обобщений. Источники достоверны и имеют значительную информационную ценность для ботанических, географических, почвенных, социально-демографических характеристик; содержат объективную информацию, показывают возможности их использования и практическую значимость. Комплекс научных отчетов отражает этап исследования Субарктики Европейского северо-востока в 1920-х гг. при новом государственном устройстве. Почти все публикации по результатам колонизационной экспедиции нашли отражение в научных профильных изданиях о Полярной зоне.

Колонизационная экспедиция под руководством К.Ф. Маляревского доказала возможность освоения Субарктики.

Источники и литература

1. Рума Л.Л. К вопросу о колонизационной пригодности Летского и Ношульского лесничеств Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии / Объяснительная записка к отчету об исследовании 1901 года / Л.Л. Рума. – Пермь, 1902. – 48 с.
2. Отчет А.А. Кауфмана по командировке в Вологодскую, Пермскую, Вятскую и Костромскую губернии летом 1902 года. – Санкт-Петербург, 1902. – 405 с.
3. Сорокин П.А. Печорская экспедиция и колонизация зырянского края / П.А. Сорокин // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. – 1911. – Вып. 8–9. – С. 645–651; – Вып. 11. – С. 863–868.
4. Тулубьев И.И. О колонизации Печорского уезда / И.И. Тулубьев. – Архангельск: губ. тип., 1910. – 65 с.
5. Об исследовании колонизационной пригодности Печорского уезда Архангельской губернии. Журнал заседаний особого совещания 8–20 мая 1909 г. – Архангельск: Губ. тип., 1909. – 20 с.
6. Журавский А.В. К проблеме колонизации Печорского края / А.В. Журавский. – Архангельск: губ. тип. 1908. – 10 с.
7. Объяснительные примечания г. Журавского к смете Северо-Печорской экспедиции на 1910 г. и дальнейшие годы // Материалы по вопросу об исследовании колонизационной пригодности Печорского уезда. – Архангельск: Губ. тип., 1910. IV, 133 с. – С. 44.
8. Кочедыкова М.М. Научно-организационная и исследовательская деятельность А.В. Журавского (1882–1914 гг.) на территории Европейского северо-востока России: Автореф. дис... канд. истор. н. / М.М. Кочедыкова. – Москва, 2022.
9. Н. С-кий. Северные колонизационные экспедиции и их работа в Вологодской губернии // Север. – Вологда. – 1920. – № 9.
10. Иорданский Ю.П. Колонизация Севера / Ю.П. Иорданский. – Пд.: Типо-литография специальных технических и экономических изданий Народного комиссариата путей сообщения, 1920. – 13 с. – С. 7, 9. (Материалы Северных колонизационных экспедиций).
11. Моисеенко В. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) / В. Моисеенко // Демографическое обозрение. – 2015. – Т. 2. – № 3.
12. Печорская экспедиция Наркомзема // Уральское краеведение. – 1927. – Вып. 1. – С. 111.

13. *Тювин Н.* Результаты колонизационных исследований в Коми области за период с 1901 по 1927 гг. / *Н. Тювин* // Коми му. – 1928. – Вып. 6. – С. 21–38.
14. *Суворова Н.Г.* Советская колонизация в терминологических дискуссиях раннесоветских экспертов / *Н.Г. Суворова, А.В. Филимонов* // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 45–57. DOI 10.24147/2312-1300.2020.7(1).45-57.
15. Научный архив Коми научного Центра УрО РАН. Ф. 1.
16. *Малкова Т.А.* Колонизационные экспедиции на территории Коми края (1900–1930-е годы) / *Т.А. Малкова* // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 54–61.
17. *Малкова Т.А.* Колонизация Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX в. (по материалам журнала «Известия АОИРС») / *Т.А. Малкова* // Историческая демография. – 2013. – № 1(11). – С. 85–88.
18. *Силин В.И.* История географических и краеведческих исследований Европейского северо-востока России. Библиографическое издание / *В.И. Силин*. – Сыктывкар, 2015.
19. Государственный архив Пермского края. Ф. Р.–790. Оп. 1. Д. 1453. 4 л.
20. Национальный архив Республики Коми. Ф. 273. Оп. 1. Д. 572. 235 л.
21. *Полынов Б.Б.* Роль науки о почве как отрасли естествознания / *Б.Б. Полынов* // Вестник Ленинградского университета. – 1947. – № 9. – С. 151–163.
22. Материалы по естественноисторическому изучению Воронежской губернии. Кн. 1 : Почвы Воронежской губернии. : Предварительный отчет о почвенных исследованиях, произведенных в 1912 г. / Сост. проф. К.Д. Глинкой, почвоведом А.М. Панковым и экскурсантом К.Ф. Маляревским под общ. ред. проф. К.Д. Глинки. – Санкт-Петербург: Изд. Воронеж. губ. земства, 1913. – 61 с.
23. *Маляревский К.Ф.* Колонизационное обследование территорий, отведенных Мурманской железной дороге, за 1924–1925 гг. / *К.Ф. Маляревский* // Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчетный сборник колонизационного отдела правления Мурманской ж.д. за 1924 год. – Ленинград, 1926. – С. 118–177.
24. <https://www.bnkomi.ru/data/news/116986/?ysclid=l4ccilzxoх777321612/>
25. *Бровина А.А.* Северная база АН СССР в истории освоения Европейского севера России (1933–1941 гг.) / *А.А. Бровина* // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 112–123. DOI: 10.17223/15617793/438/15.
26. *Самбук Ф.В.* Подзоны Припечорских тундр / *Ф.В. Самбук, А.А. Дедов* // Геоботаника. – Ленинград, 1934. – Вып. 1. – С. 29–52.
27. *Андреев В.Н.* Оленьи пастбища Северного края / *В.Н. Андреев, А.А. Дедов, Ф.В. Самбук* / Ин-т оленеводства Всесоюз. акад. с.-х. наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ). – Архангельск: Изд-во Севкрайгосторга, 1931. – Вып. 1. Сев. краев. акц. об-во «Севкрайгосторг». 167 с.
28. *Ливеровский Ю.А.* Почвы Печорского края / *Ю.А. Ливеровский* // Труды Почвенного института АН СССР. – 1933. – Т. 8. – Вып. 7. – С. 1–47.
29. *Ливеровский Ю.А.* Геоморфология и четвертичные отложения северных частей Печорского бассейна / *Ю.А. Ливеровский* // Труды Геоморфологического института. – Ленинград: Изд. АН СССР, 1933. – Вып. 7. – С. 5–73.
30. *Ливеровский Ю.А.* Почвы тундр Северного края / *Ю.А. Ливеровский* // Труды Полярной комиссии. – Ленинград: Изд. АН СССР, 1934. – Вып. 19. – С. 1–112.
31. *Розен М.Ф.* Наблюдения над распространением вечной мерзлоты в дельте р. Печоры / *М.Ф. Розен* // Труды Комиссии по изучению вечной мерзлоты. – Москва: Изд. АН СССР, 1935. – Т. 1V. – С. 159–169.

УДК 39:910.4(470.13)"1962"

*Л.Н. Жеребцов**

Вопросы этнической истории.

Из научного отчета об итогах этнографической экспедиции 1962 г. в Троицко-Печорский и Печорский районы Коми АССР**

Этнографические исследования в 1962 г. проводились в Троицко-Печорском, Печорском и Усть-Цилемском районах Коми АССР и являлись продолжением работ, начатых в 1961 г. по теме «Изменение культурно-бытового уклада населения Коми АССР». В экспедиции участвовали с.н.с. к.и.н. Л.Н. Жеребцов (руководитель), м.н.с. Л.С. Грибова, м.н.с. П.А. Куратов, аспирант Ю.В. Гагарин и лаборант М.Л. Федосеева. Как отмечается в отчете, этнические взаимоотношения, национальный состав, брачные связи, господствующий язык в однонациональной и разнонациональной семьях и т.п. являлись основными направлениями, по которым проводился сбор материала.

Ключевые слова: этнография, Коми АССР, сбор материала, межэтнические отношения

L.N. Zherebtsov

Questions of ethnic history.

From a scientific report on the results of an ethnographic expedition in 1962 to the Troitsko-Pechorsky and Pechora regions of the Komi ASSR

Ethnographic research in 1962 was carried out in the Troitsko-Pechorsky, Pechorsky and Ust-Tsilemsky districts of the Komi ASSR and was a continuation of the work begun in 1961 on the topic «Change in the cultural and everyday way of life of the population of the Komi ASSR». The expedition was attended by senior researcher Ph.D. L.N. Zherebtsov (supervisor), junior researcher L.S. Gribova, junior researcher P.A. Kuratov, postgraduate student Yu.V. Gagarin and laboratory assistant M.L. Fedoseev. As noted in the report, ethnic relationships, national composition, marriage ties, the dominant language in single-ethnic and multi-ethnic families were the main areas in which material was collected.

Key words: ethnography, Komi ASSR, collection of material, interethnic relations

* **Жеребцов Любомир Николаевич** (1925–1991) – кандидат исторических наук, в 1962 г. – старший научный сотрудник отдела этнографии и археологии Коми филиала АН СССР. Текст подготовлен к изданию сотрудниками Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН д.и.н. **И.Л. Жеребцовым** и **Л.Я. Каневой** в рамках выполнения государственного задания ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

** Фрагмент научного отчета, подготовленного в 1963 г. и хранящегося в Научном архиве Коми научного центра УрО РАН (Ф. 1, оп. 13, д. 79. 260 мпс.). Отчет был обсужден и принят на заседании отдела этнографии и археологии 17 мая 1963 г. К отчету прилагалась 301 иллюстрация. Публикуемый текст расположен на стр. 6–15, 98–132, 139–142 отчета. Исправлены опечатки, внесена минимально необходимая редакторская правка. Текст в квадратных скобках добавлен публикаторами.

<...> Экспедиции предшествующих лет, особенно экспедиции 1949–50 гг. констатировали (как характерную особенность верхней Печоры) национальное единообразие. Коренными и почти единственными обитателями ее селений были коми, выделявшиеся по ряду признаков в особую этнографическую группу верхнепечорских коми или, по-местному, печорцев (печераса). И только в самых верховьях Печоры в последних сельсоветах (Журья, Унья) обитала компактная группа русских из Пермского края.

Для верхней Печоры была характерна малоподвижность населения. Отходничества в соседние губернии здесь не было. Главными промыслами были охота и рыболовство. Огромное влияние на выработку устойчиво замкнутого малоподвижного быта имело старообрядчество, являвшееся господствующей религией на верхней Печоре. Промышленность пятнадцать лет назад на Печоре еще не была развита. Лесозаготовки выполнялись сезонниками из местных же крестьян. Все это и было причиной того, что экспедиция 1949–1950 гг. обнаружила чрезвычайно большое количество характерных черт старого быта. Однако уже в те годы начали появляться из верхней Печоры первые промышленные поселки, такие как Усть-Ляга и Шерляга, где жителями были рабочие, завербовавшиеся на лесозаготовки сроком на 1-2 года.

Совершенно иную картину застала на верхней Печоре экспедиция 1962 г. За истекшие 12-13 лет и особенно за последние пятилетие Троицко-Печорский район стал промышленным, а сельское хозяйство играет только подсобную роль. Еще более грандиозные перемены ожидаются в последующие годы.

Экономическое развитие района не могло не сказываться на состоянии народонаселения. Прежде всего, следует отметить большой количественный рост населения. (В данный отчет мы не включаем опубликованные цифры переписи 1959 г.). Возникло много новых промышленных поселков. Сейчас их даже больше, чем старых сельских, и многие из них гораздо более крупные, чем села и деревни. Некоторые села слились с новыми поселками (Усть-Илыч, Дутово и т. д.). Сам районный центр с. Троицко-Печорск фактически стал административно-промышленным поселком, так как в нем совсем мало людей участвует в сельском хозяйстве, работая в подсобном хозяйстве леспрохоза. (Следовательно, и они не являются уже крестьянами в прежнем смысле этого слова).

При этом рост населения произошел не только за счет прироста местных жителей, сколько вследствие прилива со стороны. Абсолютное большинство промышленных рабочих – люди из самых различных мест СССР. Уже нет монолитности в составе самих коми. Сейчас на верхней Печоре много коми из других диалектных групп республики. Это хорошо прослеживается по фамильному составу поселения. Например, в с. Покча всего 26 фамилий. Из них 6 – коренные, поскольку их носят многие семьи в селе (Растворов – 26, Логинов – 13, Остяков – 12, Бажуков – 11, Шахтаров – по 9). А все прочие встречаются у одной, редко двух семей, что несомненно доказывает, что эти фамилии здесь пришлые. Они попали сюда или из других селений* на Печоре же (Пыстин, Мартюшев), или из более дальних мест, с Вычегды (Мишарин, Макаров).

Этот факт можно подтвердить и другими примерами. Возьмем с. Усть-Илыч. Там коренная фамилия – Пыстины (30 семейств). По преданию, они прибыли с Вычегды из с. Керчомья. Наряду с ними обитают Мезенцевы из Подчерья (по прозвищу Манак-гукор – предок бежал из Ульяновского монастыря), Бажуковы – из Сарьюдина, Афанасьевы – из Мамыля, Поповы, Изьюровы, Габовы, Оплеснины – с Вычегды. Такие выходцы зачастую имели прозвище Эжва. (Эжва-Петыр в Лебязске, Эжва-Михаил в Митрофане, Эжва-Пекла в Усть-Илыче и т. д.).

Обитающее в верховьях Печоры русское население переселилось сюда из Пермской губернии и в прошлом, вероятно, это были пермяки, позднее русифицировавшиеся. На это указывают многие их фамилии, например, Пачгин (пачь – печь), Бурмортов (бур морт – хороший человек), Лызлов (лызь – лыжи), Езов (ез – закал); сюда же можно отнести фамилии Десятков и Собянин, хотя последняя может быть и русской и даже ханты-мансийской, так как ее владелец был выходец

* В тексте – «семей».

с Оби*. Перечисленные фамилии являются характерными для русских селений Курья, Якша, Мамыль. Наряду с ними есть еще Афанасьевы. Про них легенда говорит, что первым был беглый крестьянин из д. Пожег на верхней Вычегде по имени Афанасий. Поэтому, дескать, поселившись на пустом месте, он дал своему починку название родной деревни, и от этого село Мамыль долго имело два названия: Мамыль – Пожег. Мамыль был основан рядом с Пожегом выходцем из пермяцкой деревни Мамыль (следовательно, и легенды подтверждают мысль о пермяцком происхождении русского населения верхней Печоры).

Однако, поскольку Афанасьевы – основная фамилия в Мамыле, то можно полагать, что именно носители этой фамилии пришли из пермяков (тем более что для вычегодских коми буква «Ф» не характерна, а в пермяцком языке она есть), а вычегодские выходцы имели какую-то другую фамилию. По некоторым русским фамилиям можно конкретно указать пункты, откуда они прибыли, так, например, Нагорских – из Искора, Смольниковы – из Покчи (Чердынской), Костромины – из Ныроба. Все это тоже пермяцкие деревни. Следовательно, можно считать, что русское население верховьев Печоры – это утратившие свой язык, русифицировавшиеся пермяки. Наряду с пермяками в состав русского и коми населения вошли выходцы из хантов и манси (Остяковы – сейчас одна из коренных фамилий с. Покча).

Особенно сложны этнические взаимоотношения в настоящее время. Большое количество нового, в значительном большинстве мужского населения и широкие брачные связи местного населения с пришлым являются причиной национального смешения и наличия большого количества разнонациональных семейств. В самом Троицке-Печорске подсчет дает следующие цифры: коми-коми (75 браков), русский-коми (33 брака), коми-русская (27 браков), украинец (белорус)-коми (13 браков), ненец-коми (2 брака) и т. д. Как правило, во всех двуязычных семьях дети записываются русскими.

Но это смешение характерно лишь для тех пунктов, где имеется промышленное население. Там, где его нет (особенно в деревнях), преобладают однонациональные браки: в с. Покча – коми-коми (24 брака), коми-русская (4 брака), украинец-коми (1 брак), а в д. Скаляп – коми-коми (10 браков), русско-коми (2 брака), цыган-коми (1 брак).

В деревнях устойчиво сохраняется коми язык, как в быту, в семье, так и на производстве, но в рабочих поселках разговорным языком стал русский. Даже в коми семьях дома говорят еще по-коми, а на улице уже переходят на русский. Вследствие этого в районе местные радиопередачи и местная газета выходят на русском языке. В с. Троицко-Печорск на улицах коми разговора почти не слышно. Зато в деревнях звучит исключительно коми речь.

Национальный состав деревни, села в последнее время также изменяется, и довольно быстро. В деревнях по р. Илычу информаторы рассказывали, что в довоенное время они не слышали русской речи, кроме как в газетах и школах. Действительно, местные старики и особенно старые женщины, которые обычно редко выезжают из своего населенного пункта, и теперь не говорят по-русски, а некоторые с трудом понимают. Иное положение в настоящее время. Что касается самого Троицко-Печорска, более крупных сел и деревень, находящихся вблизи поселков, то здесь чаще можно услышать русскую речь, чем коми. На русском языке говорят русские, украинцы, татары, немцы и представители других наций, которые работают на лесозаготовках, сплаве, в паромоводстве, во всевозможных экспедициях по разведке и разработке [природных] богатств. Коми, работающие вместе с ними, воспринимают язык и общепринятые нормы поведения, элементы культуры тех коллективов, в которых они находятся. Все это они несут в свою семью, в свою деревню.

Большую роль играют газеты, радио, кино, обучение в школах русскому языку и, наконец, естественное смешение национальностей – браки между представителями разных национальностей. Дети в таких семьях чаще вырастают русскими. Правда, здесь много зависит еще от среды, где растут дети: если в поселке, в русской среде – они русские, если в деревне – они коми. К сожалению, д. Лемты-бож, где экспедиция произвела подворный обход, не является характерной в смысле показа национальной пестроты. Здесь довольно однородный национальный состав. Из 24-х семей

* Точнее – из бассейна Оби. Возможно, топонимическая фамилия происходит от названия р. Собь (левый приток Оби, протекает в Ямало-Ненецком округе).

20 – коми со знанием русского языка во всех семьях, 2 семьи – коми без знания русского языка (это 2 пенсионерки), 1 семья – украинцы (один), 1 семья – коми, муж ненец, говорят все на русском языке, без отца – на коми; дети пишутся «коми». Вот в таких деревнях, как Лемтыбож, дети русских и т. д. становятся коми. Национальной розни не наблюдается.

Очень характерны для района малочисленные семьи. Семьи с большим количеством детей встречаются почти исключительно в сельских поселениях. Так, например, в с. Курья одиноких 7 человек, 16 семей из 2-3 человек, 9 семей из 4-5 человек, 7 семей из 6-7 человек, 4 семьи из 8-11 человек; в с. Митрофаново 10 одиноких, 26 семейств по 2-5 человек и 10 семейств по 6-9 человек. А если взять для сравнения расположенный рядом лесопункт Митрофан, то в нем одиноких 11 человек, 28 семейств по 6-7 человек и всего 4 семьи по 8-9 человек. Примерно то же и в лесопункте Конашель – одиноких 6 человек, 34 семьи из 2-3 человек, 54 семьи по 4-5 человек, 21 семья по 6-7 человек и 3 семьи по 8-9 человек. Следовательно, если в с. Митрофан на 26 семейств из 2-5 человек приходилось 10 семейств из 6-9 человек, то в лесопункте Митрофан на 123 семьи из 2-5 человек – всего 32 семьи по 6-9 человек. А семьи с количеством членов в 10 и больше человек встречаются только в деревнях: в Покча – 2 семьи, в с. Курья – 2 семьи, а в д. Волосница того же сельсовета – 2 семьи, и в том числе одна из 12 человек, и т.д.

Очень характерно для района наличие большого количества одиноких матерей. Так, в д. Скаляп из 46 семейств 20 составляют семьи из 2-3 человек, в д. Пачгино из 52 семейств – 21 из 2-3 человек и т. д. Конечно, далеко не все из этих семейств – семьи матери-одиночки, так как такие матери нередко имеют большое количество детей и, следовательно, входят в другую группу семейств. Так, в с. Троицко-Печорске отмечены семьи одиночек с тремя, шестью и даже семью детьми, в с. Покча также по 3, 4 и 5 детей и т. д. В основном, это женщины 1920-30 гг. рождения. Так, в той же Покче мать 1929 г. имеет [детей]* от двоих отцов, мать 1915 г. – 4 от 4 отцов, несколько женщин от 1924 года имеют по 2 от двух отцов. И среди них одна моложе 1937 г. с 3 детьми от 2 отцов. В упоминавшейся уже д. Скаляп, например, имеется мать 1925 г. с 6 детьми от 2 отцов, мать 1930 г. с 4 детьми от 2 отцов и мать 1932 г. с 3 детьми от 3 отцов и т. д. При этом нельзя сказать, что наличие матерей-одиночек более характерно, скажем, для коми, чем для русских, или наоборот. Они имеются как в коми, так и в русских селениях. Так, например, в с. Курья дело обстоит так же, как и в вышеописанных селах: мать 1920 г. – 4 детей от 4 отцов, мать 1923 г. – 4 от 4 отцов, мать 1926 г. – 5 детей от 3 отцов, мать 1932 г. – 4 детей от 4 отцов и т. д.

Безусловно, здесь мы встречаемся с результатами Отечественной войны 1941–1945 гг., так как именно этого же времени рождения мужчины погибли на фронтах, оставив вдов и невест, не имевших уже возможности вновь выйти замуж. Это с одной стороны. С другой стороны, следует отметить и влияние староверчества, которое отрицало на религиозной основе церковный брак, как еретический, что и привело в итоге к распространению внебрачных связей, непрочности семьи, нарушению супружеской верности и т. д.

В тех селениях, где влияние старообрядчества на быт еще сильно, внебрачные связи являются самым обычным фактом. Именно широким распространением внебрачных связей и объясняется такой характерный для верхней Печоры факт, как добавление к имени ребенка имени его матери. Как правило, у коми в имени человека перечисляются имена отца и реже деда (Макар Васька, Коно-Демо-Микулай), у верхнепечорцев то же самое; но поскольку у многих детей отцы оказывались неизвестными, то их прозывали по имени матери (Вера – Петька и т. д., см. ниже). Под описанную бытовую практику была подведена определенная религиозная база: «падение – не грех, падение бог простит» (подробнее в разделе «Семейный быт»**).

Очень характерна для верхнепечорцев значительная разница в возрасте супругов. Но здесь, вероятнее всего, мы встречаемся с вопросом материальной обеспеченности, потому что, как правило, если жена старше мужа на несколько лет, то она является служащей с твердой постоянной зарплатой, а муж ее – колхозник или рабочий. Приведем несколько примеров: муж – рабочий 1927 г., жена – учи-

* В тексте количество детей пропущено; вероятно, 3 или 5.

** Раздел «Семейный быт» не публикуется.

тельница 1911 г.; муж – колхозник 1929 г., жена – завхоз 1925 г.; муж – колхозник 1934 г., жена – молочн. 1925 г.; муж – тракторист 1936 г., жена – библиотекарь 1929 г.; муж – рабочий 1927 г., жена – учительница 1921 г.; муж – рабочий 1930 г., жена – учительница 1924 г.; муж – колхозник 1931 г., жена – учительница 1926 г.; муж – колхозник 1928 г., жена – зав. яслями 1920 г.

То же самое наблюдается и в отношении мужчин: муж – завхоз 1910 г., жена домохозяйка 1922 г.; муж – лесник 1912 г., жена – продавец 1926 г.; муж – председатель колхоза 1923 г., жена – колхозница 1930 г.; муж – столяр 1911 г., жена – санитарка 1922 г., и т. д. Однако таких браков меньше. Браки же, где жена старше мужа, встречаются во всех селах и в значительном количестве. Во многих случаях для женщин это уже второй брак.

Иное положение в лесных поселках. Там, как правило, мужа старше жены, иногда значительно, но чаще незначительно. Противоположные случаи очень редки, и в них очень отчетливо проявляется именно экономическая сторона: муж – тракторист 1933 г., жена – пекарь 1924 г.; муж – рабочий 1928 г., жена – зав. детским садом 1923 г.; муж – шофер 1932 г., жена – бухгалтер 1925 г., и т. д. В семьях интеллигенции мужа, в основном, также старше жен.

В качестве характерной черты следует отметить большое количество семей-одиночек. В том же с. Покча из 175 семей одиночек 37. А в д. Скаляп из 36 семей 12 одиноких. Конечно, не везде такие яркие цифры: 1/4 – 1/3 одиноких жителей. В д. Пачгино из 52 семей одиноких всего 7, а в с. Курья из 42 семей одиноких 7. Совсем иная картина в лесоучастках. Например, в лесопункте Митрофан из 167 семейств одиноких только 11. Объясняется это тем, что в селах и в деревнях, таких как Покча и Скаляп и им подобных, где еще очень сильны религиозные пережитки, фанатики уходят от неверующих родственников и живут отдельно. В лесопунктах же, где возрастной состав жителей моложе и одиноких стариков почти нет, одиночками являются молодые люди, еще не вступившие в брак. <...>

Распространенность фамилий.

с. Покча: Растворов – 26, Логинов – 13, Остяков – 12, Бажуков – 11, Шахтаров – 9, Мамонтов – 9, Макаров – 4, Пыстин – 2, Мишарин – 2, Мартюшев – 2, Елфимов – 2, одиночных – 15. <...>

д. Скаляп (Покчинского сельсовета): Мезенцев – 17, Шахтаров – 17, Пыстин – 3, Остяков – 2, Растворов – 2, Рочев – 1, Туркин – 1, Мамонтов – 1, Логинов – 1, Попов – 1. <...>

с. Курья: Собянин – 9, Непомнящих – 7, Пачгин – 3, Бурмортов – 3, Суслов – 3, Езов – 2, Девятков – 2, Лызлов – 2, Терентьев – 1, Сивухин – 1, Конев – 1, Сидоров – 1 и др. одиночные. <...>

д. Пачгино (Курьинского сельсовета): Лызлов – 17, Пачгин – 3, Костромин – 3, Афанасьев – 3, Суслов – 2, Собянин – 2, Пашин – 1, Ведерников – 1, Голубев – 1. <...>

д. Волосница: Девятков – 14, Бурмортов – 11, Пашин – 2, Афанасьев – 2, Пачгин – 1, Харчевников – 1, Собянин – 1 и др. <...>

с. Мамыль: Афанасьев – 16, Девятков – 2, Харитонов – 2, Пачгина – 1, Пыстин – 1, Банедкова – 1, Киселев – 1, Лиходедов – 1 и др. <...>

с. Усть-Ильч: Пыстин – 30 семей, Бажуков – 10 семей, Попов – 10 семей, Мезенцев – 7 семей, Афанасьев – 4 семьи. По 1 – 2 семьи: Изьюров, Артав*, Юдин, Демин, Оплеснин, Уляшев, Остяков, Габов, Мингалев, Логинов, Лызлов. <...>

с. Митрофаново: Шахтаров – 10 семей, Мезенцев – 8 семей, Уляшев – 7 семей, Юдин – 4 семьи, Бажуков – 3 семьи, Шомысов – 2 семьи, Власов, Логинов, Попов. <...>

д. Кодач: Мезенцев – 18 семей, Мамонтов – 3 семьи, Вахнин, Растворов, Шахтаров, Изьюров, Бажуков, Мартюшев – по одной семье. <...>

д. Петрушино: Мезенцев – 23 семьи, Логинов, Тюрнин, Уляшев, Пыстин – по одной семье. <...>
лесоучасток Митрофан. Фамилии коми жителей: Шахтаровы – 5 семей, Мезенцевы – 5 семей, Кузнецовы – 3 семьи, Уляшевы, Остяковы, Микушевы, Каневы, Липины – по одной семье. <...>

с. Савинобор: Мезенцев – 22 семьи, Попов – 10 семей, Фадеев – 9 семей, Мартюшев – 4 семьи, Игнатов – 3 семьи, Бажуков – 2 семьи, Шахов – 2 семьи, Булышев – 2 семьи, Мальцев – 2 семьи, Юдин, Детлов, Мамонов, Кузнецов, Габов, Козлов, Каракчиев – по 1 семье. <...>

* Так в тексте. Вероятно, правильно – Артеев.

д. Пашня: Мартюшёв - 4 семьи, Кузнецов - 3 семьи, Мезенцев, Шахтаров, Юдин - по 1 семье. <...>

д. Возино: Бажуков - 12 семей, Мезенцев - 11 семей, Пономарев, Куратов, Шахтаров, Фадеев, Юдин - по 1 семье. <...>

с. Дутово: русские - 182, украинцы - 29, белорусы - 18, немцы - 42, грузины - 3, татары - 3 армяне, армяне - 2, молдаване - 1, азербайджанцы - 1, аварцы - 1, ассирийцы - 2. <...>

Фамилии коми жителей: Мезенцев - 25 семей, Бажуков - 13 семей, Мартюшёв - 6 семей, Хозяинов - 2 семьи, Ульянов - 2 семьи, Пыстин - 2 семьи, Кузнецов, Тимушев, Игнатов, Растворов - по 1 семье. <...>

д. Ичетди. Фамилии коми жителей: Бажуков - 3 семьи, Шахов - 2 семьи, Мезенцев, Филиппов, Дуркин, Ануфриев, Попов, Изьюров, Лызлов - по 1 семье. <...>

пос. Лемтыбож: Филиппов - 7, Мартюшёв - 5, Мезенцев - 5, Денисов - 5, Ветошкин - 5, Михайлов - 4, Ульянов - 3, Артеев - 3, Чупров - 2, Бабилов - 2, Павлов - 2, Пинягин - 2, Щукин - 2, Турыв* - 2, Никольский - 2, и 112 одиночных. <...>

д. Лемтыбож: Мезенцев - 10, Мартюшев - 9, Шахтаров - 6, Бажуков - 5. <...>

с. Усть-Воя: Иванов - 4 семьи, Мартюшёв - 3 семьи, Макаров - 2 семьи, Семяшкин, Тереньев, Дуркин, Пальшина, Коюшев, Чупров, Савин, Носков, Бессонова, Муравьев, Медведев, Патератов, Клейменов, Андреев, Ловков, Кругляков, Паншин, Соболев, Павлова, Фомин, Усачев, Шубин, Румянцев, Каледин, Сиротин, Борисов, Муранов, Мороков, Кутузов, Харламов, Гольцов, Скортяков, Сабуров, Садырев, Читинов, Термаков, Диев, Анералов, Белусов, Ципелев, Богарова, Иглин, Ульяновский, Едемский, Осовский, Григораши, Финдлер, Ганзюк, Шок, Кеер, Зихау, Кокушвили. <...>

Поселок Войской точильной фабрики: Носков, Воронцов, Ильин, Кияев, Шевчук, Томилов, Исламов, Белых, Кудрявцев, Морылев, Новиков, Леоненко, Елизаров, Пархомович, Турышев, Семяшкин, Щеголев, Кондратенко, Лисицын, Кузнецов, Обухов, Кунис, Зенюшин, Сухарев, Трудов, Федюнина, Хорюков, Шевелев, Карельский, Крюков, Бажуков, Потолицын, Кожухов, Черепанов, Бойков, Кошелев, Шувалов. <...>

с. Приуральское: Кузнецов - 7 семей, Попов - 5 семей, Шахтаров - 4 семьи, Ветошкин - 3 семьи, Карманов - 3 семьи, Габовы - 2 семьи, Поздав** - 2 семьи, Подоров - 2 семьи, Демин - 2 семьи, Павлов, Юшков, Комлин, Денисов, Семяшкин, Нехорошев, Валец, Малев, Куликов, Напалков, Шахов, Мезенцев, Изьюров, Уляшёв, Ладанов, Зюзев, Лобанов, Сметанин, Логинов, Макаров, Канев, Мамотов. <...>

с. Конецбор (Приуральский сельсовет): Денисов - 13 семей, Бажуков - 9 семей, Логинов, Канев, Шахтаров - по 7 семей, Филиппов, Истомин - по 4 семьи, Подоров, Артеев, Павлов, Хозяинов, Карманов, Попов - по 2 семьи, Ануфриев, Беляев, Рочев, Зюзев - по 1 семье.

Исторические предания

д. Усть-Илыч

Илыч по коми Ылідз, д. Усть-Ылідз. Первое поселение на этом месте погорело, это уже новая деревня выросла. Первые здесь якобы жили Пыстины, Попов и др. Около 40 домов здесь было, не больше. Когда погорела деревня, жили якобы в рыншах (вроде овина). (Сообщение. Мезенцевой Кл. Конст., 76 лет).

д. Сарьюдин Еремеевского сельсовета

Деревня - очень древняя, первых не помнят. Якобы Поповы основали деревню. Больше Поповых здесь. Ефим был основатель, вот Епь и назвали. До революции деревня еще меньше была. А Сарьюдин называют потому, что речка Сарью здесь впадает в р. Ылідз. (Из сообщения Попова Егора Ефимовича, с 1908 г. рождения). Коми здесь век жили, никто больше не жил. Прежде очень часто приезжали йогра, остяки, они охотились. Все коней искали есть. Ненцев здесь не было (он же).

Сюда первые пришли с Вычегды, с Помоздина. Имена первых поселенцев по Ылідзу: Онтон, Максим, Габе, Епь - по их именам и деревни называются. Сарью - от «царь», видимо вождь был.

* Так в тексте. Возможно, правильно - Турьев.

** Так в тексте. Возможно, правильно - Поздеев.

Лет 180–200 стоит деревня. Один Попов Ель сюда пришел. У него 7 сыновей было: Ель Гриша, Ель Иван, Ель Олег, Ель Василь ... (больше не помнит). Здесь все Поповы были на моей памяти. До коми жили остяки и русские какие-то, рыбачили, ходили с разбоем. Остяков по-коми йогра называли. Коми деревни стали, их вытеснили. Лесные уголья понравились, много дичи было, рыбы. Легче было жить, налогов не было – никто их не знал. Отец мой помнил, что от Габе к Уралу прорублена была дорога сонная, возили сюда хлеб из Сибири. Рубить ходили с Максима, Ильча и т. д. Теперь горел лес, ничего не видно. По той дороге за Урал ходили и наши зверя ловить. (Из сообщения Попова Ивана Ефимовича, 61 год, местный, безграмотный охотник, знает очень много, хорошо говорит по-русски).

д. Габэ Еремеевского сельсовета

В Габэ жил первый Гаврил, один из братьев, сыновей Епа. В Габэ жили больше Богдановы, в Еремее, Максиме и Антоне – Бажуковы, в Епе (Сарьюдине) – Поповы. Коми век здесь жили, больше никто. При нас Сибиряков русский ходил. Слышим, по-русски говорят, думаем, съедят. Старики рассказывал: придут чужие (йоз отир), баб заберут себе, детей будут есть, изжарив. (Из сообщения Бажуковой Парасковьи Алексеевны, 74 года).

д. Усть-Ильч

Когда возникла деревня – неизвестно. Будто бы первый приехал сюда Пыстин из д. Кер-Чемья, с семьей. Пыстины и были первыми. Мезенцевы приехали из Позорики (теперь Даниловка в Печорском районе). До них прибыл Попов из Сарьюдина. До коми по Ильчу, видимо, никто не жил. Егра, югры будто жили по Вычегде – в Житии Стефана Пермского сказано.

д. Солдат Печорского района

Из армии шел солдат, коми, наверно. Попал в ненецкую избушку (яран) у тундры. В ней девушка плачет и молит солдата: «Будь добр, возьми меня с собой, солдат. Отец за жену хочет меня держать, возьми ради бога». Солдат не хотел взять, но она силой просит, умоляет. Солдат решил взять девушку. Собрались и сбежали. Ненец – отец пришел домой – нет дочери. Давай гнаться за ними. А те убежали все-таки, у Кырты в 5 км, от Подчерья 44 км ниже есть д. Солдат. Так это они основали. (Из сообщения Н.И.Шильникова, д. Лемтыбож).

Чудь (чудьяс)

О чуди на Печоре помнят очень плохо. Преимущественно древние старики только рассказывают о чуд-гу – чудских ямах. На такие ямы указывали в следующих местах: в Усть-Ильче, на противоположном берегу р. Ильч в бору есть якобы несколько чуд-гу, в Савиноборе, от села в км. Довольно часто, особенно по Ильчу, чуд связывается с привидениями в воде, в домах, в лесу, на дорогах и т. д. Записаны следующие рассказы.

1. «Сижу, однажды, смотрю в окно. Вижу: на речке сидит толстая голая женщина, груди большие, волосы черные, свои распустила, расчесывает. Потом поплыла. Назавтра человек утонул».

2. Старик один рассказал: вечером едет он на лодке домой, в воде сзади что-то плюхнуло. Посмотрел, в воде человек вверх спиной. Он толкает его веслом, человек не отстает. Старик вышел на берег, тот отстал».

3. Когда счетоводом работала, внизу дома, говорили, бес есть. Однажды летом сижу, слышу: внизу как будто сметану мешают. Дважды посмотрела вниз через дырку – смотрю – нет. Мне не верили. А потом ночью меня кто-то обнял.

4. В некоторых домах пугается. Рядом в доме тоже нечистый будто есть. Телятница рассказывала. Когда тут правление было, она будто открыла замок, зашла – счетовод сидит. Она спрашивает: Как зашел? – Тот молчит и лица не показывает. Прошла к печке, вышла обратно – его уже нет. Хозяйка дома несколько раз пугалась, видела людей, потом ушла совсем из дому. (Все это из информации Бажуковой Аполлинии Виссарионовны, 1910 г.р. с. Усть-Ильч).

Нередко чуд-гу связывают со спрятанными богатствами:

1. «За рекой в бору чуд-гу есть. Там будто богатства спрятаны, положены для какого-то третьего Ивана. В Усть-Ляге (от Усть-Ильча, вниз 7 км), отец говорил, по берегу ходил собака, блестит.

В детстве он видел с ребятами, но они все испугались и разбежались, а надо было суметь взять». (Из сообщений Бажуковой Аполлинии Виссарионовны, 1910 г. рождения, с. Усть-Ильч).

2. Жил какой-то чудской народ (чуд йоз). Разбоем, что ли, жили, после себя богатства оставили, клады. Клады пугают людей. Так один мужчина пошел в лес, видит – хрустальный гроб на хрустальном столбе. Пошли вдвоем – ничего нет. Один пойдет – всегда есть. Погиб на лесозаготовках. Все поговаривал: чтоб добыть клад, нужны три Ивана.

3. Из Мамыля Паладь рассказывала, будто к ней приходил в сени мужчина в красной рубашке, сядет на кровать и курит. Она однажды спросила: Что делаешь? – Тот молчит. Тогда она ударила его. Деньги рассыпались. Такие деньги, якобы надо делить на три равные части, из которых две пропадают, одна же часть остается у человека, который получил. И то он должен был использовать эти деньги на одно какое-нибудь дело, но не на разные, иначе они могли исчезнуть. Та Паладь покупала на эти деньги только хлеб. Всегда они с хлебом жили.

Однако есть и такие сообщения, в которых чужд понимается как докоми, аборигенное, население. Так, Попова Харитина Никитьевна 1895 г. рождения (д. Савинобор) сообщила: «Чудь-гуя – это ямы, в которых жил какой-то народ, которые бежали от людей, бросив все: дома, медные котлы и т. д.» Она утверждает, что слышала о чуди не на Эжве (где родилась и выросла), а на Печоре.

Или еще: «В Саваюре есть ямы 2-3. Чуд-гу их называют. Кто говорит, тут уголь делали, кто говорит – чудь пряталась. Они погибли самоубийством» (Фадеев А.С., 30 лет, д. Савинобор).

«Йэгра – йаран – не чуд, они жили близко и приходили. Чуды же боялись народа. Чудские ямы были. В Солдатове (11 км от Подчерья) чуд-гу есть. В них чуды голые жили. Кого чуд услышит, сразу бежит, людям не показывается. Чудских могильников и других мест, кроме ямы, нету». (из сообщения Мезенцевой О.В., 57 лет, д. Подчерье, Печорского района).

Почти во всех деревнях Троицко-Печорского района, населенных коми, особенно по р. Ильчу, помнят об «остяках», «югре»*, т. е. манси, которые приходили из-за Урала, в основном, за лошадьми, закупали их и съедали. Старики из д. Сарьюдин рассказывают, что за р. Сарью жили уже «остяки», имели своего «царя», кланялись ему, у мольбища устраивали жертвоприношения: закалывали оленей, пили кровь и ели сырое мясо. Население коми знает их одежду, обувь, прически, образ жизни. Имеются предания о якобы насильственном вытеснении манси прибывшим народом коми. Так Мезенцев С.П. (с 1903 г. рождения) рассказывает: «До сих пор остяки приезжают сюда покупать лошадей, они их едят. Коми их вытеснили, победив. Якобы, дрались безменами. Наши разбили их головы, плечи. До сих пор Плещді называется место в 130 км отсюда». <...>

Описание мансийского святилища и жертвоприношений со слов очевидца Попова Ивана Ефимовича, 61 год: «В изгибе р. Ылідз есть Ибил-из (Ибил-камень), гора такая. На ней был шалаш, «чом». На Ильин день скачки устраивались на оленях, на нартах. Хореем (карей) толкают оленей. Кто победит, тот главный, царем становится. Ему и молятся. Напьются, орут, плачут вокруг своего царя. Помню, царя Самсоном Васильевичем звали, к нему придут и плачут, кланяются в ноги и целуют ноги. <...> Здесь, близ Сарьюдина останавливались, жили. Пойдешь – принимают хорошо. <...>

* В тексте «погре».

**ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
журнала «Историческая демография»**

Журнал публикует научные статьи на русском и английском (с кратким, до 1 стр., резюме на русском) языках объемом, как правило, до 0,5 п.л. (до 20 000 знаков, включая пробелы) и краткие сообщения объемом 0,1–0,2 п.л. (до 8 000 знаков, включая пробелы) по следующим проблемам: история и современное состояние историко-демографических исследований; источники для проведения историко-демографических исследований и методика их анализа; этнодемографические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; историческая география; методология историко-демографических и историко-географических исследований. К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, комментарии к ранее опубликованным работам, хроника научной жизни. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования с учетом новизны, научной значимости и актуальности представленных материалов. Статьи, отклоненные редколлекцией, повторно не рассматриваются. Авторы несут ответственность за научное содержание, достоверность и оригинальность приводимых данных.

Требования, предъявляемые к оформлению текстов для публикации:

1. Материал предоставляется в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word. Имя файла составляет фамилия первого автора, например: Ivanov.doc. Формат А4. Поля по 2 см; шрифт – Times New Roman; размер кегля – 10 пунктов; межстрочный интервал – одинарный. Вставка символов – Symbol. Просим не пользоваться особыми шрифтами и оригинальными символами. Текст набирается без принудительных переносов. Разрядки слов не допускаются.

2. Абзацы задаются автоматически (0,7 см), а не с помощью пробелов. Расстановка переносов – автоматическая (в словах из прописных букв переносы не ставятся).

3. В первой строке печатается индекс УДК (выравнивание влево). Во второй строке печатаются инициалы и фамилия автора с выравниванием по центру, курсивом. Третья строка оставляется пустой. В четвертой строке печатается название статьи полужирным шрифтом, выравнивание по центру. Пятая строка остается пустой. С шестой строки печатается аннотация (не более 7 строк) на русском языке обычным шрифтом с выравниванием по ширине. После аннотации печатаются ключевые слова на русском языке (не более семи слов и словосочетаний). Далее печатаются на английском языке с соблюдением тех же требований: инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова. После этого пропускается одна строка, далее печатается текст обычным шрифтом с выравниванием по ширине.

4. Рисунки, фотографии, схемы, таблицы, диаграммы необходимо присылать в одном дополнительном файле. Максимальное количество иллюстраций – 5. Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми: с разрешением не ниже 300 пикс/дюйм. Рисунки и таблицы должны быть пронумерованы и иметь названия. В тексте необходима ссылка на конкретный рисунок или таблицу, например: «Рассмотрим численность населения Северного края (табл. 1)». Название таблицы располагается над ней и оформляется следующим образом:

Таблица 1

Численность населения Северного края в 1939 г.

Ссылки на источники к таблице даются под ней (не в сноске) курсивом, например:

«Источники: ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5.».

Название рисунка и комментариев располагаются под ним, курсивом, например:

«Рис. 2. Источники роста населения Северного края.».

5. Список ссылок приводится отдельным разделом в конце статьи и оформляется в соответствии со следующими требованиями. Архивные и литературные источники располагаются в порядке их упоминания по тексту в виде нумерованного списка. Названия публикаций приводятся полностью, сокращения названий, употребление слов «Указ. соч.», «Там же» и т.п. не допускается. Ссылка на источник по тексту оформляется как число в квадратных скобках, вручную. Например: [1]. Автоматические сноски не допускаются!

6. Ссылки на неопубликованные работы допускаются только в том случае, если они переданы на хранение в государственные архивы, научные архивы учреждений, например: Сидоров С.С. Очерки демографической истории вымичей // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. 45 л.

7. Примечания, пояснения к тексту, касающиеся использованных терминов, имен, географических названий и т.п. даются в постраничных сносках под «звездочкой» (*).

Научный журнал

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

2022. № 2 (30).

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 30.11.2022.

Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 300 экз.

Информационно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.